В. И. ГАРБУЗОВ

ОТ МЛАДЕНЧЕСТВА ДО ОТРОЧЕСТВА

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

В. И. ГАРБУЗОВ

ОТ МЛАДЕНЧЕСТВА ДО ОТРОЧЕСТВА

(размышления врача
о развитии и воспитании ребёнка)

«Интерполиграфцентр» ЛО СФК

ЛЕНИНГРАД
1991

ББК 57.3

Гарбузов В.И. От младенчества до отрочества: Г -20 Размышления врача о развитии и воспитании ребёнка .— Л.: «Интерполиграфцентр» ЛО СФК, 1991. — 188 с. — ISBN 5-88560-073-2.

Книга написана детским врачом-психотерапевтом, кандидатом медицинских наук, врачом высшей квалификационной категории, автором книги «Нервные дети» (1990 г.), на основе многолетнего опыта консультативных приёмов по воспитанию ребенка и семейным отношениям в Городском отделении по лечению неврозов (г. Ленинград).

В книге приводятся систематизированные данные о развитии ребенка от рождения до семи лет, изложены рекомендации по умственному, физическому, нравственному и половому воспитанию; даны ответы на основные вопросы воспитания детей в том возрасте, который и определяет во многом, каким будет человек и как сложится его жизнь.

ISBN 5-88560-073-2

ББК 57.3

© В.И. Гарбузов, 1991.

ОТ АВТОРА

Книга о развитии и воспитании ребенка в возрасте до семи лет, когда закладываются основы личности, а с этим во многом решается, каким будет человек и как сложится его судьба, задумана мною давно, когда, подвергнув ретроспективному психоанализу свое детство, я осознал, что эмоциональная окраска и направленность моих переживаний, мои симпатии и антипатии, черты характера и установки, а также то, как и что я выбираю, — из моего детства. Давно уже не звучит голос мамы, но ее глазами я смотрю на людей и на жизнь. И светлой памяти мамы посвящена эта книга.

Книга написана на основе многолетнего опыта наблюдений за развитием детей дошкольного возраста и глубокого, профессионального и интуитивного, проникновения в душевный мир ребенка. Мною, детским психоневрологом и психотерапевтом, консультированы тысячи и тысячи детей, среди которых были воспитываемые мудро и с любовью; воспитываемые холодно, рассудочно, «правильно», но без любви, а также те, чьим воспитанием вовсе пренебрегали. Это были здоровые и больные, благополучные и трудные, стабильные и нервные, счастливые и неудачливые, отвергаемые сверстниками, а нередко и родителями дети.

Я убежден, что природа путем безжалостного и длительного эволюционного отбора обусловила способность каждого человека эффективно и достойно адаптироваться в этом мире. Генетическая программа развития ребенка от рождения до зрелости обеспечивает гармоническое, в свои сроки развитие психических и физических функций, и не следует торопить или тормозить предусмотренное природой. Человек рождается с инстинктами альтруизма, свободы и чувства достоинства. И не следует младенца ограничивать в его свободе и его достоинстве, поскольку с этими священными правами он приходит в мир, а инстинкт альтруизма, развитый добрым воспитанием, будет способствовать тому, что-

бы личная свобода и достоинство не только не умаляли свободу и достоинство других, но обогащали сообщество людей. Вместе с тем подобно тому как существуют наследственные, семейные формы заболеваний, а также врожденные основы патологического характера — психопатий, имеется врожденная склонность отдельных индивидов к агрессивности, истероидности, асоциальности.

Однако все это не умаляет, а, напротив, возвышает значение воспитания ребенка, если учитываются его врожденные качества, склонности и в мудром предвидении неблагоприятное устраняется, а доброе, благоприятное пестуется и привносится сердцем и разумом, жизнью и примером родителей. В конце концов человек рождается лишь с потенциями к развитому и высокому уму, к нравственности и к добру. Врожденны эмоции, но лишь воспитание обеспечивает культуру эмоциональной экспрессии. Врожден альтруизм, но лишь воспитание формирует истинную доброту. А врожденное стремление к свободе требует воспитания культуры ее проявлений. Точно так тускл и невыразителен алмаз, но талант и труд ювелира превращают его в бриллиант. И детство, воспитание ребенка решают судьбу человека и определяют его место на земле, среди людей.

Ребенка воспитывает слово, но и дело, пример, сама жизнь родителей. И счастье, если благородны помыслы и поступки родителей, их дела и слова. Ребенок в своей безграничной талантливости высветляет в родителях истинное и даже тщательно скрываемое, отметая ложь и показное. Ребенка не обмануть. Более того, дитя воспринимает истинное в родителях, доброе и злое, не осознаваемое ими, и они должны разобраться в самих себе до того, как постигнут индивидуальные особенности своего ребенка, чтобы не увидеть в нем свои собственные недостатки тогда, когда уже поздно исправлять их. И подобно тому как воспитывает и отсутствие воспитания, не только действие, но бездействие, воспитывает духовность и бездуховность, нравственность и безнравственность родителей.

Бесценную помощь в сборе материалов для книги оказала мне моя дочь Е. В. Гарбузова, врач-педиатр. Она провела необходимые исследования психоречевого и физического развития ребенка и подготовила материал, касающийся хронологии его развития. Литература, представленная в списке и цитированная в книге, обработана мною, но иностранная

литература для ознакомления с опытом и исследованиями в области развития и воспитания детей переведена и предоставлена мне А. В. Шумковым. Он же терпеливо и с тщанием оформил мои записи в машинописный текст и произвел корректорскую вычитку и правку. Придирчиво и высокопрофессионально редактировала рукопись перед передачей ее в издательство мой давний друг Э. В. Коваленко. И всеми двигала любовь к ребенку и желание помочь родителям в святом труде воспитания человека.

ГЛАВА I
Первый год жизни

Крошка счастливец. Теперь для тебя
колыбель безгранична.
Мужем ты станешь — и мир целый
тебя не вместит.

Гёте

Первый месяц. Почему мы любим новорожденного? Мы еще мало знаем его, но уже любим. Инстинкт? Да. Но не он основа любви человека к новорожденному, ибо вряд ли мы встретим в животном мире примеры столь беззаветного чувства к детенышу, как у человека.

И не муки, в которых родилось дитя, не длительная беременность навечно связывают его с матерью. Ибо что же тогда соединяет отца с ребенком? Ограничения, накладываемые беременностью на молодую женщину, и страдания родов должны были бы, скорее, разделить родителей и детей.

Главное, на мой взгляд, во врожденной у человека потребности любить. Мы видим в новорожденном наше будущее, связываем с ним наши надежды, верим, что он станет лучше и талантливее нас. Ребенок — наше самоутверждение, плод любви и реализация потребности в бескорыстной любви.

Действительно, без этой любви беспокойное существо, в котором так сильны черты «гадкого утенка»: несоразмерность большой головы и маленького тельца, длинных рук и коротких ног, некрасивость груди и живота, — вызывало бы протест и недоумение. Дитя жадно присасывается к груди, и для первородящей это должно было бы быть по меньшей мере пугающим. В действительности же все воспринимается не так.

Он прекрасен, этот родной комочек жизни, этот нежный, слабый, крошечный человечек. Острая жалость к его беспомощности, благодарность за неизведанные чувства самого волнующего в мире знакомства — встречи со своим ребенком переполняют сердце, и родители испытывают радость, которую невозможно описать, ее нужно пережить. И мать с любовью склоняется над крошкой.

Новорожденный появляется на свет беспомощным, но он способен криком и плачем призвать на помощь, чихать, чтобы прочистить нос, от недоброкачественной или неприемлемой для него пищи его обезопасит рвота. Он способен принимать пищу, глотать, отрыгнуть лишнее, дышать и спать. Таким образом, он способен делать то, что за него не может сделать мать. Все остальное — в руках матери. Но с этой минуты, с минуты рождения дитя стремится к автономии, и цель воспитания — подготовить его к самостоятельности, к жизни — уже не в матери, а рядом с ней, а потом и без нее.

Ребенок рождается с инстинктом свободы. Он рвется на свободу из тугих пеленок, из манежа и детской. Патологическое развитие инстинкта свободы порождает людей перекати-поле, преступающих законы, эгоистов и гордецов. Но подавление этого инстинкта — катастрофа для формирующейся личности. К сожалению, испытывая страх перед «мужской судьбой», матери зачастую как раз подавляют инстинкт свободы у мальчиков и, надеясь на природную рассудочность девочек, дают им свободу, способствуя тем самым развитию с перехлестом инстинкта свободы у дочерей.

С другой стороны, беда «незавершенных родов», когда ребенок ни на миг не отпускает мать от себя и в три - четыре года, может усугубиться его неосознаваемой тенденцией фиксировать психологическую пуповину сверхвзаимосвязи с матерью. И это — симбиотическая связь. Ребенок буквально повисает на матери. Он спит с ней, во сне придерживая ее рукой. Вначале это умиляет, радует, а потом начинает тревожить и мучить. Мать становится пленницей собственного ребенка. Он узурпирует ее жизнь без остатка. Его не определить в дошкольное учреждение и даже не оставить дома с бабушкой. И мать бежит к психоневрологу: «Освободите меня от моего ребенка!» Но пуповину легко разрезать в роддоме и трудно, когда она психологически фиксирована.

Итак, свершилось чудо. Родился человек. Первые семь-восемь суток он спит. Отдыхает после родов. В это время дозревает его нервная система.

Начинают функционировать в полную силу железы внутренней секреции, почки, печень. Во сне приспособительный этап проходит безболезненно. Защитный сон — как целительный сон взрослого после тяжелой операции. Новорожденный отдыхает и накапливает силы перед бурным ростом, натиском, освоением мира.

Новорожденный приспосабливается к новым условиям жизни. А они сложны. Даже воздух, которым он дышит, для него сильный раздражитель, и у ребенка, страдающего диатезом, может вызвать воспалительные проявления со стороны открытых частей кожи лица, рук. Даже пища, которую он принимает, материнское молоко — раздражитель, и к нему еще надо привыкнуть. И если мать больна или употребляет в пищу острые или сильно пахнущие приправы (перец, чеснок и т. п.), ребенок в первые дни жизни беспокоен, а потом и вовсе отказывается от материнской груди.

Таким образом, в первый период жизни — а он длится от момента появления на свет до полутора месяцев — ребенок приходит в себя после драматического акта рождения, и в это время особенно следует охранять его покой. Кстати, согласно традициям немецкого народа, женщина после родов в течение шести недель считается как бы больной, ее охраняет своеобразное табу, она отдыхает и неприкосновенна, она — «шестинедельница». Семья охраняет покой матери и малыша в эти ответственные полтора месяца, и ребенок в период младенчества — тоже «шестинедельник». З. Фрейд полагал, что в процессе родов ребенок испытал биологический страх смерти, и родители в этот период должны относиться к нему как к пережившему тяжелейший стресс.

Первые полтора месяца жизни — важный период развития. Практически сразу после рождения дитя реагирует на запахи, и одни ему приятны, а другие раздражают его; ребенок различает вкус — и молоко матери может быть для него горьким; небезразличен он и к звукам — одни успокаивают, а другие пугают его; дитя реагирует на свет и тьму — уже в родильном доме новорожденный поворачивает головку к свету, как подсолнух к солнцу; он осязает кожу матери. Поэтому мать не употребляет горькую и пахучую пищу, звуки вокруг новорожденного приглушены и мелодичны;

мать, подходя к ребенку, ласково обращается к нему, а уж потом появляется в поле его зрения; кожа ее чиста, а руки теплы. Родители следят, чтобы прямой свет не попадал в глаза новорожденного, поскольку для него это то же самое, что для взрослого смотреть на солнце или на прожектор. Следует менять положение ребенка относительно окна, светильников, чтобы все это не располагалось только с одной стороны и у него не развились кривошея или косоглазие.

А новорожденный уже к концу первой декады начинает останавливать взгляд на лице матери и движущемся предмете. И это сигнальный признак психической и физической полноценности ребенка. Задержал взгляд десятидневный кроха на лице матери — хорошо!

По мнению известного исследователя раннего детства В. Прейера (1912), уже с самых первых дней жизни удовольствие выражается у младенца широко раскрытыми глазками, недовольство — закрыванием и даже зажмуриванием их, что для внимательной матери является важным сигналом в оценке состояния ребенка.

По данным другого известного ученого А. Гезелла (1930), к десятому дню дитя прекращает крик, когда его берут на руки. К этому же времени у младенца четко фиксируется условный рефлекс на положение для кормления: он начинает искать грудь и делает сосательные движения. К концу первой недели, если дитя кормят строго по режиму, формируется условный рефлекс — через каждые три - три с половиной часа возникает беспокойство, ожидание кормления.

На второй неделе, точнее, с 9 - 11-го дня, дитя уже вполне различает звуки, реагируя плачем на резкие, громкие, но пока еще не прислушивается к ним. Это придет к нему между третьей и пятой неделями жизни.

По данным советских ученых Н. Л. Фигурина и М. П. Денисовой (1949), уже на 8 - 10-й день ребенок пытается поднять головку, если его выложить на животик, а в двухнедельном возрасте поворачивает ее к источнику звука. К 20 - 22-му дню исчезают некоординированные движения глазных яблок, если они имели место. Конвергенция (способность глаз при рассматривании близких предметов принимать положение, при котором зрительные оси обоих глаз направлены на рассматриваемый предмет) и зрительное сосредоточение на предмете формируется на 15 - 30-й дни (нередко 3 - 5-я недели), хотя задержка взгляда на чем-то,

привлекшем внимание младенца, еще кратковременна.

Итак, к концу первого месяца ребенок способен к зрительному, правда, еще недолгому, и — что очень важно — одновременно к слуховому сосредоточению; он выделил из окружающего мира лицо взрослого и его речь. Он захватывает предмет, касающийся его ладошки, делает шагательные и плавающие движения, но пока без перемещения тела. Он уже не неподвижен, не безгласен. Мать различает у него гримасу боли, неудовольствия, мимику на кислое, соленое, горькое и сладкое. Мать видит, здоров он или болен, удовлетворен или в чем-то нуждается. Возникает уже двусторонняя связь между матерью и ребенком. Начинает налаживаться общение в неразрывной системе «мать - дитя», полное любви, глубочайших переживаний и тайн.

Ребенок первого месяца жизни нуждается в особенно тщательном уходе, строгом, но разумном, гибком, с учетом всех обстоятельств и состояния здоровья ребенка соблюдении режима — он спит днем четыре раза и получает пищу каждые три часа. Исключаются резкие, неприятные звуки, а к трем неделям жизни над ним, на расстоянии примерно в 60 см, рекомендуется подвесить яркий предмет.

Ребенок пока дальнозорок, и не следует фиксировать его взгляд на предметах, расположенных на расстоянии ближе полуметра (в противном случае он косит глазами, чтобы рассмотреть игрушку).

Здесь возникает необходимость сделать важное, на наш взгляд, замечание. В бесчисленных рекомендациях по воспитанию настойчиво проводится требование стимуляции психофизического развития ребенка. Дается, к примеру, рекомендация подхватывать двух — трехнедельного младенца под мышки и держать его в вертикальном положении, чтобы он перебирал ножками в воздухе, и тогда, дескать, он быстро начнет ходить. А зачем — быстрее? Автор присутствовал однажды на консилиуме врачей. Речь шла о трехлетнем ребенке с глубокой умственной отсталостью. Молодой врач упоенно докладывал о том, как он уже почти добился того, чтобы этот ребенок начал ходить. Профессор, старый и мудрый, спросил: «Зачем?» И, видя удивление молодых врачей, пояснил, что сегодня этот ребенок не ходит и поэтому мать может хоть что-то сделать для него и семьи. Если он побежит, круша все на своем пути, врезаясь в зеркало шкафа, полезет в открытое окно, потянет на себя скатерть, опроки-

дывая светильники, кастрюлю с кипятком, у матери исчезнет возможность отлучиться даже в туалет... Чтобы ребенок пошел, к этому должны быть готовы не столько ноги, сколько его головка.

Есть генетическая программа развития, в которой все гармонично взаимосвязано. В нужное время созревает весь комплекс для реализации необходимой функции, ее психическое и физическое обеспечение. Эту программу не следует волюнтаристски форсировать или изменять. Ведь если на одно яйцо ухитриться посадить двух куриц, цыпленка мы все-таки дождемся, как положено природой, на 21-й день.

Известен факт, когда индейцы одного из племен привязывали новорожденных на день к доске. Мать на протяжении всего года носила доску с ребенком за спиной или прислоняла ее к стене, чтобы младенец постоянно находился в вертикальном положении. Позднее, под влиянием врачей, часть детей этого племени росла и развивалась естественно, без использования доски. Более того, этих детей побуждали двигаться, ползать раньше пойти. Однако и те, и другие дети начинали ходить примерно в одно и то же время — время, предназначенное природой.

Почему же все-таки ребенок А. пошел в десять месяцев, а ребенок Б. — в год и два месяца. А потому, что А. — сангвиник, а Б. — флегматик; ребенок А. родился благополучно и был доношен, а Б. перенес родовую травму и был недоношен... Все дело в том, что А. и Б. разные. И каждый из них пошел в свое время!

Во многих работах о воспитании рекомендуется со второй недели жизни перемещать перед глазами младенца красные и оранжевые лоскутки и яркие игрушки, чтобы он учился вглядываться и фиксировать взгляд. Автор заверяет разработчиков данных рекомендаций, что у любящей матери ребенок и без этих лоскутков научится фиксировать взгляд на том, что будет ему интересным. Радикальные рекомендации, да еще «научные», парализуют мать, формализуют воспитание, а ведь оно — творчество. Кроме того, множество рекомендаций, к тому же зачастую противоречивых, практически невозможно выполнить. В итоге мать не выполнит ни одной из них. Под натиском педагогической экспансии у нее опускаются руки. Автор считает, что на практике могут быть выполнены лишь две-три дельные стратегические рекомендации.

В психологии воспитания имеет место концепция «развивающего обучения» по Л. С. Выготскому. На наш взгляд, «развивающее обучение» заключается в том, чтобы воспитывать ребенка в строгом соответствии с генетической программой развития, согласуясь с его возможностями.

Основополагающий постулат медицины «не повреди!» универсален. Он правомерен и в отношении воспитания. Это призыв к осторожности и к пониманию законов развития ребенка. Автор часто сталкивается в научной литературе с радикальными рекомендациями по воспитанию, а в своей практической работе с такими же радикальными родителями, слепо следующими этим рекомендациям. Между тем каждый ребенок исключителен и готовых рецептов воспитания нет. Я. Корчак писал: «Из-за книг с их готовыми формулами притупилось зрение и обленилась мысль. Живя чужим опытом, наблюдениями и взглядами, люди настолько утратили веру в себя, что не хотят смотреть своими глазами». (1966, с. 38). Великий гуманист предостерегал: «Опасайтесь готовых мыслей» — и писал в отношении своих книг: «Если тут есть советы и указания, это вышло... вопреки воле автора» (там же). Требуется недюжинный ум, чтобы воспитывать ребенка, не ведая о великом педагогическом опыте поколений, отраженном в педагогической литературе; но нужен еще больший ум, чтобы воспитывать ребенка, зная эту литературу о ребенке вообще, но воспитывая конкретных Александра или Александру.

Следует помнить, что опыт бабушек — это опыт жизни до середины XX века, опыт родителей — опыт конца XX века, а ребенка надо подготовить к жизни в XXI веке. К опыту прошлого необходимо относиться критически, творчески. И тем не менее существуют общие закономерности психофизического развития ребенка, общие закономерности воспитания Человека, такие, к примеру, как вечные десять заповедей Библии. Общие закономерности — та культура, без которой не обойтись. Поэтому педагогическая культура, культура воспитания необходима, но педагогические крайности вредны. В этой книге множество советов и рекомендаций, но воспринять их следует не как догму, а как информацию к размышлению, творчески, без фанатизма.

Вернемся, однако, к конкретному и последовательно рассмотрим развитие ребенка от младенчества до отрочества. Ребенок развивается, как бы поднимаясь по ступеням

лестницы. Он не может в этом движении задерживаться или спешить, возвращаться или перепрыгивать через ступеньку. Развитие непрерывно, и одно в нем вытекает из другого, последующее из предыдущего. В этом развитии есть более стабильные, спокойные и есть острые, кризисные периоды, но нет пустых. Воспитывая ребенка, нельзя забывать: каждый день его развития бесценен. Автор выделяет пять периодов в развитии ребенка.

Итак, первый период — период младенчества — длится до полутора месяцев, второй — от полутора месяцев до года, третий — от года до двух с половиной - трех лет, четвертый — от двух с половиной - трех до пяти с половиной лет и пятый — от пяти с половиной до семи, до начала обучения в школе, т. е. до отрочества.

Младенец к концу первого месяца жизни прислушивается к ласковому и нежному голосу, и мы не безмолвствуем во время ухода за ним, говорим с ним, поскольку он внимает нам. Его глазки задерживаются на минуту-другую на лице взрослого, и взгляд его ясный, осмысленный. Дитя уже понимает, что голос исходит изо рта, и смотрит на рот говорящего. Он много спал и этот трудный месяц, но не проспал его, ибо взрослые с улыбкой и любовью встречали его пробуждение и он тоже отвечал им улыбкой.

Улыбка рождает покой и устанавливает взаимопонимание. Она — приглашение к общению, выражение положительных эмоций. С улыбкой пробуждается психика ребенка, улыбка предваряет его речь, улыбкой он как бы говорит матери: «Здравствуй, мама». Улыбайтесь ребенку, ибо и вы говорите ему улыбкой. «Здравствуй, вот я — твоя мама».

Ребенок рождается с объемом головки 32 см, и за месяц она увеличивается на 1,5 - 2 см.

Второй месяц. Ребенок удерживает вложенный в его руку предмет всей ладонкой, и хотя в покое его пальчики еще сжаты в кулачок, он способен ритмически сжимать и разжимать его, что нередко и делает при сосании. Он моргает, если к его лицу быстро приблизить предмет. У него вполне отчетливая реакция на мимику взрослого, которую младенец пытается имитировать. Он начинает воспринимать мир, выделяя отдельные предметы, большое и малое, приятное и неприятное.

С полутора месяцев возникает очень важная для оценки развития ребенка «реакция оживления» на общение со взрос

лым, когда наряду с улыбкой отмечаются вскидывания ручек, глубокие вдохи, быстрые движения ручками — «эмоциональная буря». И это — конец первого и начало второго периода развития.

С полутора месяцев ребенок уже удерживает головку, способен (правда, иногда лишь в два - три месяца) зрительно сосредоточиться в вертикальном положении, поворачивает головку вслед за перемещаемым предметом и следит за ним взглядом на расстоянии до полутора метров, прислушивается к звуку, пристально смотрит на источник света. С этого времени он явно предпочитает положение на руках пассивному бодрствованию на спине, протестует при укладывании в постельку. И это закономерно, ибо в постели дитя не живет полноценно, не развивается психически. Для его психического развития требуется активное положение, а постель, как и у взрослого, служит ему только для сна.

Родители, бабушка, дедушка все чаще берут его на руки — он должен прежде всего ознакомиться с лицами близких. Необходимо помнить: ребенок на руках, у лица — и мимика взрослого должна быть доброй, в такие минуты недопустимо конфликтовать с кем-то, злиться.

Взгляд младенца устойчив, он сосредоточенно смотрит. Мать держит его, а отец то приблизится, то отойдет, подойдет и с одной стороны, и с другой — и все это с ласковым приговариванием. Дитя слушает и смотрит во все глаза. Очень все это ему важно и интересно.

Взяв ребенка этого возраста на руки, следует избегать нагрузки на его спинку. Он пока не сидит самостоятельно, он должен прижаться к груди взрослого: тело и поддерживающая ладонь взрослого — его корсет, его поддержка, как бы его позвоночник.

Итак, с полутора месяцев ребенок уже явно предпочитает находиться на руках взрослого. Почему? Потому, что так он лучше удовлетворяет генетически заложенную в нем потребность видеть и слышать, потому, что такое положение дает ему возможность видеть и слышать, потому, что такое положение дает ему возможность видеть и слышать максимум возможного для него. При положении на руках потребность и возможности ее удовлетворения взаимосвязаны. В строго определенное время возникает определенная потребность, которую необходимо удовлетворить. Упустить это время нельзя. Если ребенка полутора месяцев не берут

на руки, его умственному развитию наносится невосполнимый урон. Этим обусловлена умственная блеклость детей в Домах ребенка. Программа развития ребенка диктует, в чем именно на данном этапе нуждается он для полноценного психического развития. Фундаментальным условием адекватного психического развития является удовлетворение ориентировочного рефлекса. В положении на руках полутора месячный наилучшим образом удовлетворяет этот рефлекс.

Все, что ребенок видит, удивляет его. Удивление — начало познания. Оно возникает в этом возрасте. Широко распахнутые глазки младенца на всю жизнь запечатлевают хорошее, но и плохое, красивое, но и безобразное, и об этом всегда помнят родители.

С полутора месяцев дитя прощается с конвертиком и переходит в штанишки-ползунки. Окружность головки у двухмесячного — у мальчика 36 - 36,5, у девочки 35,5 - 36 см.

Третий месяц. С этого времени, когда дитя бодрствует, его выкладывают в манежик. Если манежика нет, можно использовать кроватку, уложив в нее фанерку, накрытую тонким одеяльцем, клеенкой и простынкой. Первые выкладывания на животик уместны с месячного возраста. Вначале это минуты. Дитя еще не может оторвать головку от ложа. Не следует выкладывать младенца на животик после кормления — возможны срыгивания. Но с каждым днем дитя крепнет, приноравливается к положению на животике, с тем чтобы к полутора месяцам удержать поднятую головку и посмотреть вперед. С этого начинается эмансипация ребенка, борьба за независимость от взрослого, активное знакомство с окружающим. Подняв головку, он вскоре приподнимает и грудку, обопрется на предплечья и к трем с половиной месяцам уже уверенно будет смотреть вперед, подолгу находясь в таком положении. Эта позиция — стартовая для ползания.

На третьем месяце ребенок пристально рассматривает свои ручки, но еще не ведает, что они принадлежат ему. Он их изучает как игрушку, и его удивляют их движения. Он тянет пальчики в рот, как будто это сосок материнской груди. Отсюда может брать начало вредная привычка сосания пальцев. Настойчиво противодействуя этому, родители впервые произносят одно из важнейших слов в воспитании человека — «нельзя!»

Ручки младенца должны быть всегда свободными. На третьем месяце он пытается овладеть ими. Он тянет ручки к предмету, толкает его. Потянувшись к подвешенной над ним игрушке, ребенок выпрямляет ручки. Он приближает их к лицу и фиксирует на них взгляд, трет ручками глаза, нос. Все это важно, ибо дитя подготавливается к ответственному моменту на пути овладения рукой — акту хватания. При этом возникает связь зрительного восприятия с движениями руки, когда глаза контролируют ее действия. И если двухмесячный удерживает вложенный в руку предмет до 10 секунд, то трехмесячный держит предмет уже 20 секунд. Сын Ч. Дарвина схватил рожок, из которого его прикармливали, в два месяца и десять дней. Неделю он хватал его правой рукой и лишь потом левой, хотя позже, как и мать, стал левшой. Но это явное опережение событий. Нормально развивающийся ребенок научится захватывать предмет рукой лишь к 5–5,5 месяцам.

В 10–12 недель родители уже отметят гнев, протест в эмоциональном, требовательном крике ребенка; к 11–12 неделям такой крик сопровождается слезами. Капризное хныканье родители наблюдают у трехмесячного. Это уже человек! И если его не воспитывали, а только ухаживали за ним, начинается деформация формирования личности и к восьми-девяти месяцам могут иметь место истерические реакции. Б. Спок утверждает, что только в первые два месяца нет опасности избаловать ребенка, а далее такая опасность становится реальной. И с этого времени строгое «нельзя» — важнейшее средство против избалованности, неуправляемости, истеричности ребенка в будущем.

Однако недопустимо и игнорировать плач и крик ребенка. Ребенок должен получить отклик на любой крик. В таком отклике — ощущение его безопасности. Крик не по делу — и мать ласково выговаривает: «Не капризничай»; крик испуга — и мать тут же, рядом; крик неудовольствия — обмочился, и мать просит: «Подожди, сейчас переоденем». Жестокая женщина, уложив ребенка спать, оставляла его в спальне и не подходила, хотя он надрывался в крике. Позже она удовлетворенно заявила: «Он у меня теперь спокойный, я оставляю его, ухожу, а он молчит». Однако малыш замолчал так, как замолкает погибающий, переставший звать на помощь, потому что понял: это бесполезно, или как замолкает в конце концов детеныш зверя, потерявший мать и обреченный

ный на гибель. Ребенок жестокой женщины будет тихим, покорным, и в душе его навечно поселится страх. И одним невротиком или рабом станет больше.

С двух до трех с половиной месяцев малютка научится плакать при утомлении, и мать должна отличать такой плач от голодного. Утомлен — пусть поспит. После сна и кормления ребенок бодр, весел и спокоен. В кровати-манежике он полежит на животике, потом на спинке. Мать играет с ним, а он гулит ей: «Гу-у, бу-у, ы-ы...». Она отвечает ему, перекликается с ним, ободряет: «У-гу, а-га, маленький, я понимаю тебя, я в восторге от тебя, какой молодец! А-бу-бу...». Если молчать — замолчит и он. Он перестанет гулить, позже заговорит, позже научится думать, и — что еще хуже — пострадает его эмоциональное развитие.

К концу третьего месяца ребенок гулит неудержимо, радостно, счастливо, веселя себя и нас, обращаясь к нам, взрослым, выражая этим свою основную социальную потребность — потребность в общении.

Советский психолог Д. Б. Эльконин писал по этому поводу: «Положительное эмоциональное реагирование на взрослого, проявляющееся в улыбке и общих оживленных движениях, а позднее в гулении и смехе, с самого начала связано не с удовлетворением органических потребностей, а является показателем становления новой социальной потребности — потребности в общении» (1960, с. 73).

«Реакция оживления» между тем все богаче эмоционально. Красноречиво — взглядом, всем своим видом, улыбкой, звучным призывом — гулением — он как бы обращается к нам: «Оставьте все ваши дела, подойдите, порадуемся, глядя друг на друга, перекликаясь так славно и звучно». К 9 - 12 неделям жизни ребенок в ответ на ласку порадует родителей смехом. Он смеется, крошка, смеется и радуется. Он любит мелодичную музыку, он внимает ласковой речи. Ему нравится, когда рядом с ним напевают. Кстати, он уже хорошо различает два звука интервалом в октаву.

Между тем у крошки крепнет шейка. Трехмесячный прочно удерживает головку. Крепнут и его ножки. Взрослый поддерживает ребенка под мышки, а он упирается ножками, пружинит, хотя ножки еще и согнуты в тазобедренных суставах, слабы, на них не очень-то следует надеяться и поддерживать малютку надо крепко. А он, упираясь, укрепляет ножки, готовясь к ползанию.

Трехмесячный уже окончательно выделяет мать из окружающей среды, узнает ее в лицо. Он вполне дифференцированно изучает мир. К этому времени он способен подолгу (до 7 - 10 минут) рассматривать лица близких людей, предметы и игрушки, запечатлевая их в памяти.

Если в два месяца ребенок видел предмет на расстоянии 2 - 3 м, то в три тот же предмет можно удалить на 4 - 7 м. Следовательно, с рук матери он обозревает уже всю комнату. Дитя не только поворачивает головку к источнику звука, но и ищет его взглядом. Движения его все более плавны и свободны. Ослабевает врожденное напряжение мышц – мышечная гипертония.

Дитя смотрит, слушает, пробует на вкус. Информация через все органы чувств широким потоком идет в мозг, и он развивается все стремительнее.

К трем месяцам окончательно устанавливается ритм сна и бодрствования. Младенец бодрствует до пяти-шести часов в сутки.

Окружность головки у трехмесячного мальчика 40,5 - 41,5 у трехмесячной девочки 39,5 - 40,5 см.

Четвертый месяц. Ребенок бодрствует в течение двух часов подряд, спит только три раза в день. Он воркует, издает громкие звуки, радуется, выражая любовь к матери. Он овладевает каждым звуком в отдельности, прежде чем слить их в слово. Но ребенок не ждет, когда речь облегчит общение, он не теряет времени. Напротив, всеми доступными ему способами он форсирует общение: прислушивается к словам взрослых, а встретившись с ними взглядом, отвечает каскадом звуков и эмоциями — глазки блестят, расширены, он всплескивает ручками, как бы спрашивая: «А что дальше? А что еще будет? А ты кто?»

Не следует ждать требовательного крика, плача, чтобы удовлетворить потребности младенца, помочь ему. Формируются привычки — пусть они будут полезными. Формируются первые черты характера, поведение. Формируется стиль отношений. От взрослых зависит, какими они будут, этот стиль, эти привычки, этот характер. Четвертый месяц ребенку — четвертый месяц воспитанию, ибо все начинается с колыбели.

Если разобраться в поведении младенца, то можно легко убедиться, что его крик вызван обычно нашим нерадением: нарушили режим, отвлеклись, что-то сделали не

мя и потом сустимся, виноваты, а он что-то улавливает, этот непостижимо много чувствующий малыш. Наша провинность как-то учтена им, и крик все требовательнее, капризнее, а мы все суетливее...

Мать ободряет малыша, радует лаской, нежным воркованием, но без ненужной жалости, без сюсюканья и причитаний: «Ах ты мой маленький, ах ты мой бедненький...» Если жалеть здорового, он станет воспринимать себя больным. Даже если ребенок болен, жалость и тревогу не демонстрируют, ибо он свяжет болезнь с особым к нему отношением. Тогда, уже выздоровев, он будет жаждать жалости и поведет себя как больной. Так проклевываются ростки истеричности, тревожности, ипохондричности и эгоизма.

Как часто педиатру приходится видеть на приеме бестолковую мать! И опытный врач терпеливо разъясняет, повторяет, контролирует, и постепенно мать обретает должный уровень понимания. Созрев как мать, женщина созревает как личность. Это очень важно, поскольку речь идет о борьбе за правильное воспитание и — что также важно — за мать для ребенка и за ребенка для матери.

На четвертом месяце ребенок уже пытается повернуться на бочок. Натолкнувшись на предмет, он ощупывает его. Мы даем ему погремушку, подвешиваем над грудкой, на расстоянии его вытянутой руки удобные для хватания игрушки. Пусть овладевает актом хватания.

Мы потянули его за ручки, и он сел. Тут же опускаем его. Спинка-то слабенькая! Подержали под мышки, «потанцевали» под музыку или пение — и достаточно, пусть отдохнет.

Четвертый месяц — трудовой, тренировочный. Никаких сенсаций, никаких сверхдостижений. Главное — он лежит на животике в манеже, красиво и высоко подняв головку, опираясь на предплечья, спокойный, веселый, наш гордливый львенок.

К концу четвертого месяца ребенок смеется заразительно и самозабвенно. То, что его окружает, становится все более интересным для него. Он оглядывает предмет, как бы ощупывает его взглядом, определяя его форму и размеры. И это все более долгое зрительное сосредоточение, это внимание, как и все более разнообразное гуление, как и новая поза в манежике с опорой на предплечья, — свидетельство нормального психофизического развития.

На четвертом месяце дети улавливают разницу в форме

плоскостных фигур — овала, прямоугольника, треугольника. В этом же возрасте дитя начинает различать некоторые цвета и мир для него перестает быть черно-белым.

К трем месяцам развитие глазного яблока в основном завершается. Совершенствование функции зрения позволяет ребенку все увереннее рассматривать и запоминать окружающих его людей, предметы, а следовательно, разбираться в хаосе, который его окружал, ориентироваться и познавать.

Таков этот «тихий», незаметный четвертый месяц. Предмет ребенку пока не схватить, но вложенную в его ручку погремушку и не отнять — держит крепко! Неумело, ладошкой, но держит и даже встряхнет и удивится звуку, хотя еще не связывает его со своим движением. Тем не менее встряхнет не еще раз и вновь удивится.

Четырехмесячный активен на руках у взрослых. По звуку отыскивает людей, смотрит вперед и через плечо назад. Увидев человека, подавшего ему голос, назвавшего его по имени (он уже начинает узнавать свое имя), он отвечает ему радостным гулением.

Теперь все окружающее его заполнено звуками, приятными и неприятными, успокаивающими и раздражающими дитя. С третьего месяца он хорошо различает тембр, интонацию, направление, силу звука и воспринимает все это эмоционально. Очевидно, что в возрасте от полутора до четырех месяцев на ребенка благотворно влияет мелодичная музыка. Ребенок вслушивается, поворачивает голову к источнику звуков, пристально смотрит в ту сторону, откуда они доносятся, — он как бы хочет видеть звуки. Под музыку он бодрствует. Радуясь ей, улыбается; устав от нее, засыпает.

Коль скоро он начал различать цвета, важно красочно оформить его уголок. Яркие игрушки, разноцветные гирлянды, бумажные фонарики, в меру и со вкусом подобранные, готовят ребенка к освоению цветов и форм предметов, влияют на его настроение.

Теперь, на четвертом месяце, он проводит все больше и больше времени в манежике. Подержали его на руках, поносили по квартире — и в манеж. Мы помогаем ему повернуться на бочок, потом и на животик, готовим к ползанию. Однообразие утомляет его не меньше, чем чрезмерность потока информации.

Полежал, подвигал ручками, ножками — молодец. Можно

снова взять его на руки, чтобы через некоторое время вновь вернуть в манежик. Но действуем мы не по слезкам его, а по нашему впечатлению: заскучал малыш, значит, пора сменить положение. Если же мы начинаем действовать, подчиняясь его слезкам, ходить нам осужденным им. Это не значит, что мы бесчувственны к плачу малыша. Мы успокаиваем его, ласково говорим с ним, но действуем так, как надо.

Свет на манежик должен падать сверху и к глазам ребенка доходить отраженным, приглушенным, но достаточно сильным — таким, чтобы взрослый мог свободно читать в детском уголке.

Все это — музыка, оформление детского уголка, игрушки, одежда окружающих — продуманы, подобраны с любовью, чувством меры, не навязчиво, со вкусом, ибо уже с этого возраста начинается эстетическое воспитание.

Дитя рассматривает игрушки, ощупывает, непроизвольно захватывает их. Ребенок протягивает ручки к предмету, цепляется за него, хотя движения его пальцев еще не дифференцированны. Он сам придерживает бутылочку или грудь матери во время кормления, хотя это скорее прикосновение. Ладошки у него часто раскрыты, он складывает их вместе, переплетает пальчики, удерживает вложенный в руки предмет до 30 секунд, хлопает ручками по воде в ванночке, делает попытки повторить свои движения, контролируя их взглядом.

В четыре месяца ребенок открывает ротик, когда подносят ложечку с пищей. Уверенно держит головку, когда его поднимают, способен несколько секунд сидеть без поддержки, а при поддержке за обе ручки сидит несколько минут.

Лежа на животике, высоко подняв головку, пытаясь упираться только ладошками, чтобы приподняться повыше, увидеть побольше и подальше, он следит за всем, что вокруг него. Непрестанно изучает он теперь окружающий мир, и только сон способен отвлечь его от этого. Он уже реагирует на изменение облика человека, надувшего щеки или надевшего маску: «Что это?! Кто это?!» И, о радость, — это же папа! Всю эту гамму чувств мы читаем на его лице, и нам кажется иногда, что он говорит, — так понятны нам его переживания.

Он всему удивляется. Удивление приходит раньше страха, побеждает страх. Удивление — важный этап познания мира. Не случайно Аристотель называл удивление началом

философии. И наш маленький философ широко раскры-
тыми глазами смотрит на мир. Изображения грудных детей
у всех народов и во все времена запечатлели удивленные
глаза входящих в этот мир.

В четыре месяца обаяние ребенка несотразимо. Кожа его
да и весь он благоухает, и нет в мире запаха приятнее. Всем
своим существом взывает он к лучшим человеческим чувст-
вам. И хотя он часто на руках, это как раз та ноша, которая
не тяжела. Теперь малютка все время в центре событий. Он
пугается, если слышит сердитый голос отца или матери, их
ссору; он радуется, если они веселы. Он интересен для нас, и
вся семья интересна ему. Мы воспитываем его. Он воспиты-
вает нас. Чтобы вырастить Человека, семья с появлением
ребенка должна в чем-то измениться к лучшему и приобрес-
ти какие-то качества, противостоящие развитию в ребенке
нежелаемого. Пусть мелкое, вздорное уйдет из взаимоотно-
шений в семье. Мы все должны стать сдержаннее, продум-
аннее говорить и поступать, следить за своей речью, ибо
она — источник речи ребенка. Станем теперь осторожнее.
Среди нас посланец будущего. Будем достойны миссии
представить ему человеческий род.

Окружность головки в четыре месяца у мальчика 41,5 –
42,5, у девочки — 40,5 — 41,5 см.

Пятый месяц. Ребенок подолгу и певуче гулит. Это пери-
од «свирели». Звуки нежные, мягкие, во всевозможных соче-
таниях: ал-ле, ам-ми, а-бу.

К пяти месяцам малыш уже переворачивается со спин-
ки на животик. Без нашей помощи, сам: головку к груди
поджал и — раз! Готово! Покончено с беспомощностью, с
абсолютной зависимостью от взрослого. Мало того, ребенок
лежа на животике, опирается только на ладошки выпрям-
ленных рук, грудка оторвалась от ложа, а сам он буквально
устремлен вперед. Он стремится сесть сам.

Лежа на спинке, он поднимает головку и плечики. Он
стремится встать, наш человечек. И если его поддержать
под мышки, он ровно и устойчиво стоит.

Ребенок тянется к предмету, стремится отбросить мешаю-
щую ему пеленку.

И, наконец, к пяти — пяти с половиной месяцам он
сосредоточится и захватит игрушку, висящую над ним.
Захватит и удержит, удержит по-человечески, противопос-
тавив большой палец другим. Это произвольное захватыва-

ние предмета, овладение им — такой же важный этап, как и начало ходьбы. Запомним этот день, сообщим педиатру: он схватил игрушку и потянул к себе! Это генетически важно. Это предусмотрено природой. Это уже произвольный активный познавательный акт — важная веха развития ребенка. Он схватил игрушку или какой-то другой предмет. И, следовательно, все идет нормально, своим путем. Однако здесь намечается принципиальное: он или занимается захваченной игрушкой, или отбрасывает ее через секунду, не заинтересовавшись ею, чтобы тут же схватить что-то другое. Второе плохо, так как свидетельствует о начале поверхностности и отвлекаемости.

Теперь он не только узнает близких, но и проявляет интерес к посторонним. С этого возраста он воспринимает лицо человека в целом. Искажение знакомого лица вызывает неодобрение, а нередко и страх. Дитя различает и тон, с которым к нему обращаются: улыбается ласковому голосу, а на строгий отвечает гримасой обиды. Он неотрывно следит за передвижением матери по комнате, реагирует на новизну ситуации. По нескольку минут ребенок ритмически взмахивает ручками и, нежно воркуя, гулял, слушает себя.

До четырех — четырех с половиной месяцев дитя следит за предметом не отрываясь, а потеряв его из поля зрения, забывает о нем. В пять месяцев ребенок по 10 - 15 минут неотрывно следит за предметом или человеком. Если раньше он смотрел на то, что привлекло его внимание, то теперь он сам выбирает объект, на котором фиксирует внимание. Перед ним вертят волчок, а он смотрит на прыгающую в сторонке заводную лягушку. Она ему интересна. Это уже праматерь обучаемости — устойчивое внимание. Пятимесячный, проявляющий сосредоточенное внимание и интерес к окружающему, психически полноценен. У малыша созрела способность видеть дальше и слышать больше, и именно поэтому в предназначенное природой время он стремится лечь на животик и, опираясь на ладошки, высоко поднять головку. Только так следует понимать этот сложный акт психомоторного развития. Последует еще один шаг психического развития, и это положение его уже не удовлетворит, он поползет и сядет.

С пяти месяцев интерес к игрушкам доминирует. Он прекратил изучение своего тела и переключился на исследование окружающего его микромира.

Увидев новое лицо, ребенок замирает, внимательно всматривается в человека, широко открыв глазки, ротик и напрягая слух. Он, конечно, еще побаивается новых людей, но уже надеется на мать и редко выказывает страх. Затоухода матери из комнаты вызывает его протест: с ней ему веселее и не страшно.

Итак, к пяти месяцам ребенок решительно повернулся на животик, потянулся к игрушке, в пять месяцев схватил ее, стукнул о манежик, оставил, издал звук удовлетворения посмотрел, что там делает мама, удивился прыжку кошки, встревожился, заплакал и протянул к матери руки — «на ручки!» Да, немалого достиг наш малыш к пяти месяцам!

К этому следует добавить, что он не только открывает ротик, когда подносят ложку, но и снимает пищу губами (до этого он сосасывал пищу с ложки).

На пятом месяце в определенное время ребенка уже следует подержать над горшком, побуждая к опрятности (лучше через 15 - 20 минут после еды, после пробуждения и через каждые час — полтора, если нужно).

Окружность головки у пятимесячного мальчика 43 - 43,5 см, у девочки того же возраста — 41,5 - 42,5 см.

Шестой месяц. Главное в нем — ребенок начинает ползать. Перебирая ручками, упираясь стопками и даже помогая себе подбородком, он стремится вперед. В шесть месяцев он поползет. Возможно, даже встанет на четвереньки (особенно — сангвиник) и поползет быстро, но сутью пойдет жит на четвереньках. Пополз он не столько от того, что укрепил спинку и конечности, а потому, что умственно созрел для этого, что должен реализовать инстинкт свободы. Умственно полноценный пополз потому, что для дальнейшего развития ума ему нужно осваивать новое пространство. Он пополз к новой игрушке, он пополз за умом. Умственно отсталый, будучи физически крепким, не поползет, потому что ему это незачем.

Своевременно пополз — вовремя сел. Своевременно сел — освободил руки для игр со множеством предметов вокруг себя, осмотрелся именно в тот нужный час, когда для этого созрел мозг и все запечатлевается в нем. Своевременно пополз, сел, ложится и встает самостоятельно — пойдет к году. В свой второй год жизни он войдет не на руках матери, не на четвереньках, а на своих ногах, как и подобает человеку. И второй год будет использован для развития так

максимально, как и первый.

Ползая, ребенок лучше всего проявляет свой темперамент, а знать, каков он, очень важно. Ползет настырно, неудержимо, как танк, — значит, он холерического темперамента. Ползет быстро, ловко, весело — он сангвиник. Ползет медленно, степенно, только по делу, к чему-то, а не без толку, проползи и надолго залег у игрушки — флегматик.

Естественно, ползание совершенствует ребенка и физически. Ползание должно предшествовать самостоятельному сидению, так как укрепляет мышцы спинки, туловища, конечностей. И когда научившийся ползать ребенок сядет, спинка его не выгнется беспомощно, угрожая искривлением позвоночника и нарушениями в развитии внутренних органов.

Отсюда требование — дать малышу простор для ползания. Это может быть манеж, как в детских яслях, или отгороженная часть комнаты с покрытым ковриком полом, где оборудован детский уголок и куда вход взрослым категорически запрещен по соображениям гигиены. Но лучше все-таки иметь манеж на высоте в 60 см от пола. Потеснимся, не пожалеем ему места. Манеж легко соорудить и самим. Четыре ножки, фанерный лист, перильца, за которые малыш будет держаться, когда встанет, когда начнет передвигаться вдоль них. Расстояние между перекладинами перилец должно быть таким, чтобы он не мог просунуть головку между ними, а сами перильца не должны иметь заноз, трещин, острых уголков, щелей, куда можно засунуть пальчик.

Там же, в манеже, ребенок к шести месяцам переворачивается с животика на спинку, что также важно, так как теперь он может отдохнуть, поиграть со свободными ручками. Но при этом мы помним: он по-прежнему и даже еще в большей степени нуждается в материнских и отцовских руках. Спинка его окрепла, он свободно сидит на руках взрослого, подвижен и зорко следит за окружающим. Он стремится к передвижению, приносящему новые впечатления, но у него пока слабы ножки, а двигаться нужно, и ноги родителей — его ноги.

Вместе с матерью, на ее руках, ребенок исследует помещение, глядит в окно и в открытую дверь. Глаза его на уровне глаз взрослого, и вместе с матерью он общается с людьми, рассматривает их, вслушивается в речь, запечатлевает выражение лиц, походку и поведение.

Важно и то, что только в кольце материнских рук он чувствует себя в полной безопасности, а потому без страха постигает окружающий мир. Без матери малыш боится того, чего не следует опасаться, и, напротив, несосторожен в опасной ситуации. На руках у матери он адекватно реагирует на окружающее, ибо, если спокойна мать, значит все вокруг в порядке. И лишь беспокойство матери, ее страх настораживает ребенка и заставляет тревожиться и его.

На шестом месяце заметно усиливается и становится качественно новым интерес малыша к окружающему. Если ребенок и раньше любил, когда с ним разговаривали, прислушивался к речи, то теперь он начинает ее понимать: ищет взглядом называемый предмет или человека, смотрит на говорящего.

В пять-шесть месяцев он явно огорчен, если что-то не удается, радуется, овладев предметом, обижается, если у него отняли игрушку или не обращают внимания на его призывы к общению.

Любимое занятие ребенка после шести месяцев — открывание и закрывание коробочек, вкладывание и выкладывание предметов. Все, что быстро исчезает и внезапно появляется, да еще и с шумом, привлекает самое пристальное его внимание.

Теперь ребенок узнает близких по голосу из соседней комнаты. Мать разговаривает в прихожей, вернувшись откуда-то, а он, еще не увидев ее, уже возликовал на руках у бабушки, а то и заплакал капризно.

Да и на посторонних малыш реагирует по-новому. «В то время как 3 — 4-месячные дети улыбаются и оживляются на обращенный к ним разговор любого взрослого, 5 — 6-месячные дети, — пишет Д. Б. Эльконин, — если к ним подойдет и начнет говорить чужой человек, вместо того чтобы сразу улыбнуться, долго и сосредоточенно смотрят на него, а затем либо улыбаются, либо отворачиваются, а иногда могут громко расплакаться» (1960, с. 76). Это уже не трехмесячные несмышленыши.

В шесть месяцев дитя воркует, слушая музыку, как будто подпевает, часто смеется, вполне адекватно воспринимает выражение лица, настроение, эмоции окружающих. Ребенок берет игрушку, находясь в любом положении, долго изучает ее, ощупывает, теребит, тянет в рот и, наконец, бросает.

В шесть месяцев малыш уже уверенно ест с ложки. Сидя на руках у взрослого, он открывает ротик при виде полной ложки. Он все более активен: стучит ложкой по миске, хватается за висящее кольцо, передвигает кубики, стараясь захватить сразу два. Его поражает их устойчивость, форма, яркая раскраска. Нравится ему и деревянная миска с такой же ложкой. И раскрашена, и стучи сколько хочешь — не ушибешься и ручку не поранишь.

С пяти-шести месяцев ребенок переходит на пять кормлений с перерывами в четыре часа, бодрствует до двух с половиной часов подряд, спит днем три раза по полтора-два часа и ночью спит, как обычно, с полутора месяцев до самой школы — 10 - 11 часов.

В шесть месяцев окончательно исчезает физиологическая мышечная гипертония. Движения малыша расковапны, плавны. Ручки его ловки.

Окружность головки у полугодовалого мальчика 43,5 - 44,5, у девочки этого же возраста — 42,5 - 43,5 см.

Седьмой месяц. Основное достижение его — ползание. К семи месяцам ребенок должен встать на четвереньки и быстро и ловко, словно краб, побежать по манежу, обследуя его. Держась за пальцы взрослого, он легко садится, стоит, крепко вцепившись в барьер.

В этом возрасте дитя подолгу лепечет, начинает произносить слоги «ма-ма-ма», «да-да-да», «бу-бу-бу» и т. д. На вопрос «где баба?» и даже «где киса?» ищет бабушку или кошку взглядом, указывает на них пальчиком. И ребенок, достигший всего этого к данному возрасту, умен.

Ребенок хватает взрослого за нос, волосы, уши, срывает очки и пытается потрогать его глаз. Он хочет поближе познакомиться со взрослым, требует внимания к себе. Отец повернул лицо в сторону, и малыш тут же призвал его к порядку, ладошкой вернув отцовское лицо в первоначальное положение.

Ребенок все более понимает требования взрослых, и воспитательное воздействие на него в это время — настоятельная необходимость. При неправильном к нему отношении ребенок ведет себя требовательнее и капризнее. Советский врач и педагог Е. А. Аркин указывал: «Жестами, мимикой, хлопаньем в ладоши, ласковым лепетом ребенок достигает часто того, что ему в этом периоде жизни наиболее нужно, т..е. любви, помощи и подчинения себе взрослых»

(1961, с. 160). Любви — да, помощи — да, но подчинения ему взрослых не должно произойти, ибо, как мудро писал более века тому назад французский психиатр Э. Эскироль, нельзя допустить, чтобы неслепая и гибельная нежность родителей подчинила детским капризам разум взрослого человека. Ласково, но твердо капризы пресекаются, ибо здесь цветочки к будущим ягодкам.

Следует помнить, что даже на самых ранних этапах взаимодействия в системе ребенок — семья не должно быть бездумного, безответственного любования ребенком, любования без воспитания.

Общение должно быть радостным, счастливым, но разумным. В противном случае мощное взаимное влияние в системе ребенок — семья превратится в противоестественное одностороннее влияние ребенка на семью с попыткой оседлать родителей, и тогда «хвост будет вертеть собакой», возникает та опасная ситуация, когда родители, потворствуя стремительно растущим требованиям своего отпрыска, приходят в конце концов к краху семейного воспитания.

Вот как раз разум и должен подсказать каждому родителю, какие требования ребенка необходимо выполнить и чем следует пренебречь. Тут нужна большая мудрость, чувство меры. Ребенка не подавляют и не запугивают, его поощряют к активности, но и строгость необходима. Семимесячный уже совсем хорошо различает ласковый и сердитый взгляд и тон. Значит, пришло время похвалить его или показать, что им недовольны. Ребенок должен усвоить с младенчества, что, если он переходит грань допустимого, любящие, ласковые, добрые становятся суровыми. Недопустимо, когда он бьет бабушку по лицу, а она ловит губами его ручку и целует ее. Ласка всегда поощрение для ребенка и знак — все хорошо, так себя и надо вести. Но вот родители становятся строгими — стало быть, они огорчены им. И он получает урок — как аукнется, так и откликнется.

Любить ребенка — значит понимать его нужды, уважать в нем человека, личность и требовать правильного поведения, опрятности, внимания, обучать тому, что доступно ему по возрасту, организовывать его досуг. Все это настойчиво, мягко, разумно, индивидуально, считаясь с состоянием ребенка в данную минуту, с его возможностями, здоровьем, темпераментом. Любить, уважать, понимать и воспитывать, воспитывать. Воспитание следует начинать

пока дитя еще не сказало первого слова, не пошло, потому что потом будет уже поздно. Сегодня ему семь месяцев, а в восемь-девять, как пишет Аксарина Н. М., «неудовлетворение желаний, которых у малыша становится все больше, вызывает у него отрицательные чувства... некоторые дети начинают по-новому выражать свой протест и недовольство: плача, сильно изгибаются, а иногда даже ложатся, если у них, например, отбирают заинтересовавший их предмет или если взрослые поступают не так, как им хочется...» (1977, с. 59). Вот вам и крошка-несмышленыш!

К не менее опасным последствиям ведет и воспитание малыша в этом возрасте, как, впрочем, и в последующем, методом диктата, подавления, дрессировки, запугивания, жесткой требовательности. Ведь он не кукла, а человек, человек с темпераментом, зачатками характерологических черт, испытывающий боль, радость, удивление, пресыщение, скуку, страх. Мы кормим его насильно, мы торопимся или хотим вбить в него норму каши, а он не испытывает голода, быть может, болен, или у него вообще снижен аппетит, или каша невкусна, или еще что-то... Он отворачивает личико, отстраняет руку с ложкой. Когда его моют в этом возрасте, он сердито отталкивает руку с мылом. Он не желает, не хочет, протестует, сопротивляется. Властная мать такого своеволия не потерпит. Тут и недоумение, и сердитое «мал еще командовать», страх перед будущим упрямством и непослушанием, неосознаваемое стремление подавить тенденции автономности у сына, ибо они, по мнению матери, весьма развиты у мужа и «не приведут к добру».

В протесте ребенка — «не хочу!», как и в стремлении реализовать «хочу!», закладывается начало формирования важных личностных характеристик: самооценки, чувства собственного достоинства, самостоятельности, автономности, инициативности. Накормить его силой, вымыть, переодеть, не считаясь с его «не хочу», властно манипулировать им, что так часто встречается в уходе за ребенком, — и дитя смиряется перед волей и силой родителей.

В семь-восемь месяцев он, подобно тряпичной кукле, податлив в быстрых руках матери; в три года он смирен как выдрессированный песик; и вот двадцатилетний сын без воли, без хребта, характера удивляет родителей: «В кого это он? Мы такие решительные, энергичные, а он...» Ну а другой будет хитрым и изворотливым вначале только перед насилием,

однако впоследствии хитрость и беспринципность станут такой же его отличительной особенностью, как ролимое пятно. Третий начнет длительную и изнурительную войну с родителями, все более ожесточаясь, все более отдаляясь от них. В этой борьбе он может выработать твердый характер, закалиться, но чаще такая неравносильная борьба приводит к пессимизму, замкнутости, неврозу. Вот что пишет Б Харрисон, изучавшая жизнь орангутангов: «В младенческом возрасте орангутанги очень сильно привязываются к тому человеку, который их кормит и ухаживает за ними, даже если уход не ахти какой. В зависимости от обращения у них развиваются те или иные черты характера — робость и невротический страх, если их обижают, буйство и дерзость, если их балуют, равнодушие и апатия, если их держат в тесном помещении, никак не поощряя их любознательности и эмоций» (1969, с. 28). Что же тогда говорить о детях! В неправильном воспитании ребенка до годовалого возраста таятся не менее разрушительные последствия.

Ребенок имеет право на «хочу» и «не хочу». Это право вытекает из инстинкта свободы. За инстинктами — энергетическая мощь организма и темперамент, мощь эмоций.

«Так что же, доктор, по-вашему, — все позволять?!» — «Нет! Воспитывать. Умно, грамотно, любовно, стабильно, твердо, уважительно». Да, воспитание, как предупреждал молодых родителей еще Демокрит, — дело трудное. Со времен Древнего Рима известно и действует правило: незнание закона не является оправданием. С тем же основанием можно сказать: педагогическая, психологическая, медицинская безграмотность в воспитании — не оправдание. Воспитывая человека, надо знать то, что надлежит знать.

Все воспитание направлено на социализацию «хочу» и «не хочу», чтобы, сохранив неотъемлемые права человека его достоинство, очеловечить его желания, оградить их разумными, жизненно необходимыми для общества и для самого человека рамками, границами, внедрить словами «нельзя!» или «подожди» установку-табу на мощное «хочу» и социальную установку «надо!» на «не хочу».

Родители выполняют желание ребенка — и вдруг следует строгое «нельзя». И он удивлен, плачем и криком выражает протест, но его «хочу» не выполняется и он на несознаваемом уровне постигает, что не все можно, что какие-то «хочу» невозможны. Запечатлевается и знак запрета — слова

«нельзя!» Придет день, и малыш выразит свое желание не требовательным «хочу», а вопросительным «можно?» И на разумное желание последует ответ: «Это можно». Вначале все это воспринимается ребенком неосознаваемо, а затем становится осознанной категорией. «Можно» и «нельзя» войдут в плоть и кровь малыша, превратятся в стержень чувства собственного достоинства, которое будет ущемлять-ся как раз тогда, когда человек окажется вынужденным переступить через эти понятия. То же самое с «надо». Он протестует: «Не хочу!», но родители ласково и настойчиво утверждают «надо!», одевая его на прогулку, укладывая спать, намыливая ему головку при купании. «Это, мой маленький, можно, а это никак нельзя. Это надо, а тут пусть будет по-твоему». Придет время, и самостоятельность проявится больше в самоограничении «нельзя» и в выполнении «надо», чем в достижении запретного «хочу» и в борьбе против необходимого «надо». В утверждении «нельзя» и «надо» не может быть разногласий среди взрослых, иначе нет воспитания. Асоциальный человек — это человек, преступающий через «нельзя» и не ведающий «надо».

Итак, воспитание — это всегда требовательность, нередко идущая вразрез с желаниями малыша, но требовательность разумная. Воспитывающий обладает практически неограниченной властью над ребенком. Более того, дитя, по мнению многих, «ничего не помнит». Любое насилие над ним как будто остается без последствий. Для человека уставшего, раздраженного, недалекого существует соблазн не считаться с «капризами» ребенка — ведь он бессловесен, еще неразумен. Но это совсем не так.

Не следует забывать: у малыша цепкий взгляд и острый слух. Он ранним, и у него есть своя глубокая память. С каждым месяцем все сложнее будут его глубинные переживания. Они неведомы нам и, главное, неведомы самому ребенку. Они в неосознаваемом. Человек не помнит переживаний детства, они где-то в глубинах его психики, но впоследствии они будут влиять на поведение и реагирование, на ощущение собственной полноценности и чувство достоинства, на оптимистическое или пессимистическое отношение к жизни. Малыш как будто и не помнит, как именно его обижали, подавляли, унижали, как пугали, но ЭТО осталось в нем навсегда и будет исподволь влиять на отношение к членам семьи, к жизни, людям и к самому себе. Он может стать

трусливым, жестоким, эгоистичным, хитрым, злым из-за влияния того, о чем и «не помнит». Всю жизнь он будет относиться к кому-то из родителей, членов семьи несправедливо, возможно, агрессивно и даже жестоко, сам не понимая истоков своего предвзятого отношения. А все началось тогда, когда он «ничего не понимал и не помнил».

Как часто доводилось мне наблюдать молодых мам с жалобами на невыносимость голоса родителей, на капризность, шумы, производимого их платьем, скрипа постели, на которой они отдыхают. Эти молодые люди осознавали иную роковую, глубинную враждебность к родителям, но не понимали причин ее. А все началось в раннем детстве. Игнорирование воли ребенка, его желаний, нетерпеливая властность, подавляющая забота, неправильное поведение родителей оставили в несознаваемом протест, страх, агрессию, направленные на них, и в результате — внутренний психологический конфликт на долгие годы. В осознаваемом — признательность, привязанность, чувство долга, а несознаваемом — противоречивость эмоций, борьба положительных тенденций с отрицательными и как следствие — раздражение, агрессивность, неприятие.

Молодые родители могут позволить себе любовные игры в присутствии «спящего» ребенка, но он как раз и не спит, он в просоночном состоянии, когда особенно сильно воздействуют звуки, слова, впечатления. И я помню девушку, болезненно воспринимавшую любые звуки, доносившиеся из комнаты родителей. А начало этого болезненного, истерического отношения к шумам, связанным с родителями, — раннее детство. Родители не считались с ребенком в свое время. Думали, что спит, а он, потрясенный, цепенел от страха.

Начинается непонятное поведение: капризность, страхи, особенно ночные, недержание мочи, заикание. Такова цена недооценки глазок, ушек ребенка, недооценки удивительных возможностей его психики. Такова цена губительных последствий безответственности по отношению к малышу, неуважения, подавления, насилия, запугивания уже в возрасте до года.

Не следует никогда, ни на секунду забывать: среди нас — человек. Крошечный, беспомощный, бессловесный, но уже человек. При грудном младенце обидели, унизили мать. Он слишком хорошо улавливает настроение матери, ее бо-

гнев и особенно ее неуверенность, смятение, страх. Сложным будут взаимоотношения детей и матери, которую при них унижали в их раннем детстве. Не осознавая причины, человек будет относиться к матери с жалостью, любовью и... презрением. Перед ее обидчиком, даже если это родной отец, он сохранит страх на всю жизнь, и родная сестра страха – враждебность — навсегда отравит их отношения.

Мать, повторяю, для ребенка до пяти лет — источник безопасности. Испытывающая страх, насилие, нестабильная, неуверенная в себе мать вырастит тревожного, боязливого, не уверенного в себе человека. Только гордая, спокойная, уверенная в себе женщина воспитает такого же ребенка.

Однако вернемся к нашему семимесячному, который чудо как хорош и умен! Он все более мил, все большую симпатию вызывает живая мимика его лица, широко открытые глазки, полные ума, внимания, радостной готовности.

Он не только быстро ползает и переступает у стены, но и самостоятельно встает на колени, перекладывает предмет из одной ручки в другую, и весь он при этом такой упоительно озабоченный. Не будем отвлекать его. Миг внимания дороже часа вялого созерцания. Из этого мига вырастает сосредоточенное трудолюбие взрослого.

Седьмой месяц — период бурного развития понимания речи, интенсивного ползания и переступания бочком у барьера. Поэтому как можно больше говорите с ним, побуждайте его двигаться.

Пришло время дать ему ящик с шариками, кубиками, которые можно вынуть и вложить обратно, пластмассовый тазик и резиновые игрушки (все это легко моется) — пусть во время купания поиграет с водой.

С каждым днем дитя все отзывчивее на нашу ласку, речь, все глубже чувствует наше настроение. У сына Ч. Дарвина в 6 месяцев и 11 дней появлялось грустное выражение лица, когда няня притворялась плачущей. Но мы с ним, нашим ребенком, так не забавляемся, он ведь действительно переживает за нас. Не будем его огорчать.

И еще об одном, попутно. Нет сил удержаться и не поцеловать его в обе щечки, в этот чудный высокий лобик, эти пухлые ручки с перевязочками. Нередко в семье, где много взрослых, идет спор — целовать или нет. «Зацеловали ребенка, все соки из него высосали, щечки бледные, сын

на коже... Доцеловались!» — говорит отец или бабушка. Целовать дитя можно. Более того, в этом есть свой смысл. Говорят, волчица «целует» своих детенышей, чтобы они своевременно созрели. Поцелуй — гормональное воздействие через слизистые покровы губ. Если у матери непреодолимая тяга поцеловать свое дитя — значит, это нужно ей и ребенку. Если этого непреодолимо захочет отец (иногда следует вслушаться и в голос инстинкта) — пусть поцелует. Но больным, пожилым, посторонним людям не следует целовать ребенка, тем более в лицо и уж, разумеется, в губы.

Окружность головки в семь месяцев у мальчика 44,5 - 45, у девочки — 43,5 - 44 см.

Восьмой месяц. Развитие речи и движений ребенка продолжается. Он неутомимо произносит слоги и повторяет их за взрослыми, подражая им. И вновь напомним: нельзя забывать ни на миг — он подражает нам во всем. Развитие ребенка, как и стиль его отношений с людьми, зависит во многом от того, что он слышал и видел в родительской семье.

А он уже выполняет просьбы взрослых «дай ручку», «сделай до свидания» и, наконец, играет в ладушки. Реагируя на вопрос «где мячик?», он ищет его взглядом по всей комнате, а не только на привычном месте. Заинтересовавшись игрушкой, ребенок проявляет настойчивость: подползает к ней, встает, цепляясь за барьер, тянется, берет ее.

Важно, чтобы игрушки были разнообразны по цвету, форме, и вместе с тем их должно быть немного. Они не загромождают детский уголок или манеж, не пресыщают дитя количеством. А. Маутнер справедливо заметил: «Для такого ребенка (имеющего лишние игрушки. — *В. Г.*) уже трудно найти, что могло бы возбудить его воображение и доставить удовольствие. Тут же предлагают ему дорогие вещи, опустошают для него шкатулки, отдают ему в жертву часы... И все-таки ребенок забавляется ими недолго и доходит наконец до того, что все, что увидит, хочет присвоить себе и думает, что весь свет его игрушка. Рано или поздно наступает разочарование; но в душу закрался уже червь обиженного самолюбия... Таким образом ребенка доводят до тщеславия и эгоизма!» (1856, с. 182).

Дадим ему из десятка игрушек три, пусть поиграет, изучит их. Затем уберем одну, добавим новую. Придет время — вновь вернем в манеж забытые игрушки, если они еще

способны занять малыша. Развитие ребенка стремительно, и незачем превращать детский уголок в хранилище испуж-ных или искалеченных игрушек. Появление новой игрушки следует обыграть: надо показать, как играют с ней, тут же несколько раз назвать ее, поиграть ею вместе с малышом, удивить ребенка, извлекая максимальную пользу из его максимального интереса.

Интерес его проявляется во внимании. И если мы овладеем этим капризным инструментом познания, мы тем самым овладеем механизмом развития интеллекта ребенка. Мы разыгрываем сценки с куклами и игрушками, сооружаем простую ширму, экран, из-за которых перед потрясенным ребенком будут внезапно появляться куклы. Действия их должны быть понятны малышу. Куколка будет ходить, есть (родители поясняют: это «ам-ам»), собачка бегать за куколкой, лаять («ав-ав»), а кукла Оля покормит и накормит; прилет и кошка («цап-царап»). Всех этих персонажей мы назовем: куколка Машенька, собачка, киска, прокомментируем каждое их действие. «Ай, собачка, к Машеньке», «Машенька, погладь киску». Следует четко и ясно назвать действующее лицо, любимые уже известные ребенку звукосочетания, связанные с этим персонажем: «машинка — би-би», «часики — тик-так». Подведя ребенка к ширме и спрятав за ней игрушку, мы предлагаем ему найти ее и, если он ее нашел, просим: «Покажи собачку».

Весь восьмой месяц мы побуждаем ребенка больше ползать: подзываем его ласково к себе, предлагаем игрушку, играем таким образом, чтобы он активно двигался по манежу или детскому уголку. Он должен в восемь месяцев сесть. Сесть уверенно. Ползание подготовило его к сидению. Умение садиться, сидеть и при этом свободно действовать руками — важнейший этап в развитии ребенка до года. И вновь подчеркнем: малыш сел потому, что умственно созрел.

Он уверенно сидит, действуя обеими ручками. Берет игрушку, четко противопоставляя большой палец остальным. Пальчики его цепки, личико серьезно. Он играет и, играя, совершенствует пальчики, познает, обучается. Не следует отвлекать его. Эти минуты сосредоточенности важнее всего: подождут каша, наши дела и даже сон. Режим важен, но его интерес, внимание, усидчивость — важнее.

Он сидит и видит все в комнате. Следует быть осторожным: не делать резких движений, не изменять неузнаваемо

и неожиданно для него свой облик. Занимаясь своими дела-
ми, взрослые не упускают его из виду ни на миг. Он смотрит
на нас — улыбнемся ему, заговорим с ним. Ему стало скучно,
ему кажется, что он забыт, заброшен. Подойдем к нему;
дадим новую игрушку или вызовем интерес к старой; возь-
мем его на руки и продолжим наши дела уже вместе с ним,
опять-таки с разговорами, пояснением. Развитие понима-
ния речи — отныне важнейшая забота. Этот речевой фон
опора ему, свидетельство гармонии с близкими, начало
речевого общения с окружающими.

А малыш между тем приобретает все новые умения. Он сам берет хлеб, печенье, крепко удерживает яблоко и пытается его кусать — ведь у него уже четыре зуба! Он пьет из широкой чашки — придерживаем ее пока мы. Поскольку он уверенно и прочно сидит, его теперь в восемь месяцев можно высаживать и на горшок. Пусть не засиживается на нем (не более 3 - 4 минут), а то он может, сидя на горшке, заиграться, забыв, для чего его высадили, приобрести вредную привычку.

Он уже может и встать, схватившись за перильца барьера, переступает бочком, перебирая ручками по перильцам. Появляется и новое в движениях — ритмические прыжки. В течение одной — двух минут он приседает и подпрыгивает, подготовляя ножки к ходьбе. И хотя они еще не окрепли, он стремится пойти, если мы держим его под мышки. Но это уже — девятый месяц жизни. Окружность головки в восемь месяцев у мальчика 45 - 46, у девочки — 44 - 44,5 см.

Девятый месяц. Дитя неутомимо, охотно и радостно повторяет слоги, притом с разнообразными интонациями. Это модулированный лепет. Постепенно из слогов начинают составляться долгожданные слова: па-па, ба-ба, де-да. Мы откликаемся на эти призывы: «Где, папа? Вот — папа!» Но первое слово — «ма-ма» как благодарность за жизнь, материнскую любовь. Возникает оно, по-видимому, из звука чмокания при сосании и лишь впоследствии связывается с матерью. И все взрослые по возможности называют его деда — «дедушка», маму — «мама» и т. п., чтобы не путать малыша. А то ведь мама для дедушки ребенка — дочка, для бабушки — Леночка, для отца ребенка — Ленок, и на все это мама откликается.

Известный французский психолог Зазо и его супруга не откликались на слова «папа» и «мама», с которыми к ним

обращался их старший сын, и эксперимент кончился тем, что эти слова, вовремя не наполнившись смыслом, умерли для него и он стал звать родителей по имени.

Девятимесячный уже знает свое имя и отвечает оживленными движениями на зов взрослого. Он уже добрый или «злой», энергичный или пассивный, настойчивый или уступчивый, спокойный или плакса, бесстрашный или осторожный, а то и боязливый, общительный или сам по себе. Как-то в трамвае я повстречал такого общительного человечка месяцев восьми - девяти от роду. Через плечо матери он доброжелательно и с интересом оглядывал вагон, пытливо всматривался в лица пассажиров, искал их глазами, издавал звуки, обращенные к ним, мимикой, глазами, жестами требовал общения, указывал пальцем за стекло трамвайного окна. Когда мы с ним, наконец, встретились глазами, то возликовали оба и уже не расставались, пока мать не увела его. Мы симпатизировали друг другу, мы понимали друг друга, нам было хорошо. Хотелось и мне размахивать руками, привлечь его внимание к песику у тумбы, к машинам, хотелось вскакивать, вскрикивать, радоваться вовсю, но свою симпатию к нему я мог выразить лишь взглядом, ибо все остальное мне уже не позволено.

А уж самостоятельности ребенку девятого месяца жизни не занимать: он отталкивает руку взрослого, если отказывается от ласки или если рука мешает ему. Он поиграет с нами в «ку-ку», а потом сам быстро отодвинет от нашего лица газету, посмотрит, где это мы там прячемся. Если мы накроем простынкой игрушку, он тут же ее снимет и сам попробует накрыть. А уж если мы вытираем ему нос, он отвернется и не заплачет, а сердито закричит, отталкивая докучающую руку.

Я прячу в карман пиджака игрушку малыша и стою рядом. Один тут же решительно лезет в карман и достает отнятое. Другой проделывает то же самое погодя, посмотрев на мать и дождавшись ее одобрения. «У, какой дядя!» — говорит за него мать, и это, наверное, точно соответствует тому, что хотел бы сказать он сам.

Девятимесячный, действуя, уже определенно отдает предпочтение одной из рук, показывает у человека или куклы нос, глаза, уши. На вопрос «где?» он отыскивает несколько предметов, находящихся возле него.

Сидит он свободно, наклоняется вперед, вбок. Игрушка

ми пользуется осмысленно: шарик катает, кубик переставляет, вынимает один предмет из другого, сжимает резиновую игрушку. Он берет мелкие предметы двумя пальчиками, а большие всей ладонью, крепко сжимает отнимаемую игрушку, пьет из чашки, которую уже держит сам; сидя на специальном стульчике за столом, он возится с бумагой: рвет ее, разбрасывает клочки вокруг и тут же подбирает их. Дитя подставляет ручки под струю воды, а затем тянется к полотенцу.

Он неутомим, выполняя ритмические прыжки по 10 - 20 минут подряд. Ножки его окрепли и готовы топать по первым в жизни тропам. И он свободно ходит вдоль стены, слегка придерживаясь за нее, а при поддержке взрослого за обе ручки передвигается и по всей комнате. Но не торопитесь научить его ходить. Подождем еще один месяц. Однако пришло время спустить его на пол, надеть штанишки вместо ползунков, чулочки, ботиночки. В это время он хорошо улавливает ритм, приседает под музыку.

К девяти месяцам вес его мозга удваивается и достигает 50% веса мозга взрослого! Все мозжечка увеличивается в два с половиной раза, и это означает, что движения малыша достигли высокого совершенства, — он весьма и весьма координирован в пространстве и готов пойти. И если вначале быстрее растет мозг, затем грудная клетка, а уже потом ноги — значит, природа так позаботилась о человеке, чтобы в первую очередь совершенствовалась его психика. Разумеется, все это — еще один аргумент в пользу настойчивого требования заботиться о психическом развитии ребенка не менее, чем о физическом его благополучии, и уважать в крохе человека.

Многие будущие достоинства и недостатки закладываются в эти первые месяцы жизни. Ребенок взял игрушку, бросил, потянул новую и тут же, не проявив интереса, вновь кинул, ищет мать, плачет — ему скучно, он требует новых впечатлений, но взгляд его лишь скользит по поверхности. Без упорной работы с ним именно сейчас, в этом раннем возрасте, когда он еще удивительно пластичен, возникнут трудности в школе и дальше — во взрослой жизни, но тогда это будет уже характер. Древние говорили: многое в малом. И не упускайте малого с самого начала.

Окружность головки в девять месяцев у мальчика 45,5 - 46,5, у девочки — 44 - 45 см.

Десятый и одиннадцатый месяцы. Ребенок неустанно повторяет за взрослым разнообразные звуки и слоги, подражает как может. Он внимательно следит за действиями старших. Он — весь внимание. Новое удивляет его, удивление тут же трансформируется в безмолвный вопрос. Он не просто заинтересован проделками котенка, а его взгляд настойчиво вопрошает: «Что котенок делает?» И мать отвечает, каждая по своему разумению: «Вот как балуется этот котенок», «Котенок играет», «Киска ищет мышку». Все ответы хороши, нельзя только молчать. В миг удивления внимание ребенка сконцентрировано и слова матери — источник постижения родной речи, развития ума и эмоциональной сферы малыша.

Первый год жизни поистине удивителен. Потери времени в этот счастливейший период освоения мира недопустимы. Несколько дней полежал на спине без впечатлений — то ли лечили, то ли руки не доходили, то ли спит что, не получил информации, и вот от скуки начинает теребить свой пупок или сосать палец — ущерб в известной степени оказывается невосполнимым.

Слова к этому времени играют все большую роль в социализации ребенка. Взрослые, играя с малышом, обучая его, ухаживая за ним, с особой настойчивостью продолжают разъяснять свои действия, сопровождая их ясной и правильной речью. Следует постепенно подводить ребенка к пониманию происходящего через речь. Взрослый говорит с ним спокойно, неторопливо, ласково, умно. «А где мячик, Сашенька? Нет, это кубик. А вот и мячик. Красненький мячик. Подержи его, Сашенька. Хороший мячик. Брось его, Сашенька, он прыгнет. Ах как прыгнул! Покатился мячик от Сашеньки далеко-далеко. Пусть там полежит, а Сашенька возьмет кубик. Вот он, кубик. Желтенький. А теперь брось кубик. Брось его. Вот как! Стук — и лежит. Кубик далеко от Сашеньки не убежит. Вот он, кубик».

Ребенок этого возраста понимает шутку, весьма обидчив. И когда мы объясняем ему свои действия, ласково и терпеливо поясняем их необходимость, мы не обижаем его, не пугаем, не унижаем даже в том случае, если необходимость заставляет нас действовать вразрез с его желаниями.

Дитя азартно играет в «догони-догони», уклоняясь от наших рук, в «сороку-ворону», тянет на себя простынку, с тем чтобы на недоуменный вопрос: «А где же наш Мишутка?!» — вы-

звинуть и возрадоваться: вот ведь как спрятался, вот как провел всех вас!

Действия с предметами, игра с коробочкой, которую он открывает и закрывает, извлекает из нее кубик и кладет обратно, уже прочно освоены им. Смекалка его такова, что он способен перевернуть коробочку, чтобы достать из нее сразу все предметы. Он уже вытряхивает содержимое из матрешки, снимает кольцо с пирамидки, стремится засунуть пальчик в любую доступную щель. Проказник! Теперь за ним нужен глаз да глаз.

К одиннадцати месяцам он должен освоить просьбы-указания, такие как «закрой коробочку», «надень колечко», «положи шарик в коробочку». Разумеется, чтобы он все это мог сделать, понять, откликнуться, его следует обучать.

К счастью, ребенок поразительно терпелив, настойчив, внимателен. Он такой умница, что грех не помогать ему в полную силу ума и сердца. Многие действия он повторяет непрерывно, многократно, усердно тренируется, чтобы действовать все увереннее и лучше.

В возрасте одиннадцати месяцев ребенок коротким углом карандаша проведет сверху вниз первую бороздку-черточку на листе бумаги. Заметим — к этому времени он скажет и первые слова.

Но главное в этом возрасте — он встал сам, без поддержки, и подолгу стоит, держась за что-либо. Он самостоятелен. Вдумайтесь, вслушайтесь — Само-стоятельность — «самому стоять». Он уже сам стоит, наш ребенок.

Если мы спрашиваем его, хочет ли он чего-то, что мы ему предлагаем, он кивает: «да» — или качает головкой: «нет!» А сказавший «нет» — уже личность. Правда, в самом начале ее формирования. Если у него что-то болит, он — умница — уже покажет, где «бо-бо», чем серьезно поможет маме и доктору.

Окружность головки у десятимесячного мальчика 46 - 46,5, у девочки — 45 - 46 см; в одиннадцать месяцев у мальчика — 46,5 - 47, у девочки — 45,5 - 46 см. Большой родничок в девять - десять месяцев 1,4 - 1,9, в одиннадцать 0,5 - 1,0 см и чуть пульсируется кончиком указательного пальца.

Ему исполняется год. Малыш этого возраста произносит 6 - 14 слов, многие слова понимает, знает наименования многих окружающих его предметов. Ребенок поднялся на ступень выше в психическом развитии. Если мать говорит:

«Давай поиграем», он радуется и ждет, что она придумала, чем его займет, а слово «поиграем» означает для него уже не одно какое-то конкретное действие, а целый ряд веселых и занимательных действий.

Годовалый освоил ряд важных автоматизмов действий. При слове «до свидания» он кивает головкой, машет ручкой. Он осваивает ритуалы общения, поведения.

«Покажи», «дай», «возьми», «можно», «нельзя» — все эти слова усвоены им и формируют его поведение, волю. Повинуясь, соблюдая указания, требования взрослых, он действует в одних случаях и сдерживает себя в других. Происходит социализация ребенка, его естественное врастание в сложный мир людей.

Он понимает похвалу и порицание, и мы учим его адекватно воспринимать поощрение и наказание. Более того, в самой простейшей форме прослеживается высшее, к освоению чего он еще будет долго идти, — предвидение последствий своих действий. Бросив печенье на пол, малыш выжидательно смотрит на бабушку: мать ему спуску за это не даст, а бабушка? Да, у него уже проявляется функция лобной доли, радуя и удивляя нас.

Ребенок играет на коврике. Кладет кубик на кубик, укладывает их в ящик, способен этот ящик тащить из другой комнаты, вспомнить о нем в нужную минуту. Удерживая по кубику в каждой ручке, он пытается взять третий. Это не жадность, это жажда познания.

Он втыкает палочку в узкое, всего-то один-два сантиметра отверстие, подолгу и сосредоточенно нанизывает кольца на колышек и снимает. Сколько в этом интересного для малыша! Колышек как будто ждет эти колечки, они его украшают, без них он такой скучный. Потом он их не отпускает, снять колечко можно, только потянув его вверх. А вот кубик или мячик на колышек не надеть. Ребенок удивляется и размышляет.

Малыш тянется к своему изображению в зеркале, но себя в нем пока не узнает — до этого должно пройти еще полтора года. Но раз он с интересом смотрит в зеркало, ему уже можно показывать картинки. Когда его одевают, он помогает, протягивая нужную ручку или поднимая ножку.

К году дети все настойчивее стремятся к сверстникам, но пока только разглядывают друг друга, бегают рядом, возбуждая друг друга радостным криком, смехом. Однако без кон-

троля взрослого их более близкий контакт кончается конфликтом: они толкаются, отнимают друг у друга игрушки, могут нанести себе или другому травму. И это не от агрессивности, а от несмышленности — малы еще. Однако отрицательный опыт общения вызывает страх, неприязнь друг к другу, подозрительность. Какие ядовитые семена мы сеем, если пускаем на самотек эти первые контакты детей! Взрослый, наблюдая за группой годовалых, внимателен, мудр, терпелив. Он дирижер их общения.

Главное достижение этого возраста — малыш пошел. Настала пора дать глазкам, ушкам, ручкам, сказочно быстро развивающемуся мозгу простор, расширить границы познания — и ребенок пошел. Представим себе на миг — дитя встало на ножки и пошло сразу после рождения. Пошло, не имея годового опыта развития, не понимая слов, пошло без вошедшего в плоть и кровь «можно» и «нельзя», без знания мира предметов, без, наконец, знакомства с собственной матерью. Пугающая картина. Повторим еще и еще раз: ребенок начинает ходить не только потому, что окрепли его ножки, а главным образом потому, что дозрел ум, появилась потребность дойти до интересующего его, дойти со свободными руками. Девочка пойдет месяцем-двумя раньше, чем мальчик, сангвиник раньше, чем холерик. Последним двинется в путь флегматик. И все это — разворачивание генетической программы, подчиненной у человека психическому развитию. Однако необходимо помнить, что все должно развиваться комплексно, что движением ручек и ножек руководит головка, но развитие функции ручек и ножек — в то же время и развитие головки. Ведь малыш с ловкими пальчиками, как правило, имеет хорошее психоречевое развитие.

В реализации потребности ходить недопустимы ограничения. В детской следует убрать все опасное для малыша. Непредусмотрительность здесь нетерпима. Скатерти — долой, ибо малыш может нанести себе серьезную травму, стянув скатерть или салфетку с тяжелой вазой (в случае, который я наблюдал как врач, это кончилось идиотией ребенка). Заклеим пластырем электророзетки, спрячем неустойчивые торшеры, стеклянные аквариумы, запрем дверцы шкафов и уберем ключи от них. Снимем ковры со стен: упавший на ребенка ковер — для него как обрушившееся небо, дитя может не выбраться из-под него, а испуг приведет к неврозу.

Разумеется, в детской мы не оставим пуговицы, орехи, вилку, ножницы, иглу, нож, шпильки, стакан, хрупкую чашку, блюдце, отточенный карандаш, ручку, расческу, тюбики с клеем, сапожным кремом, лекарства, пищевые полуфабрикаты, вино, чернила, одеколон, веревку, полиэтиленовый мешочек, в который так легко входит головка, а потом его уже не снять. Мне никогда не забыть тельце с таким мешочком на голове, когда меня, в то время врача скорой помощи, вызвали слишком поздно.

На головку ребенка можно надеть шлем из трех валиков: один вокруг нее, а два — крестом. Как бы он ни упал, он ударится упругим валиком и не повредит головку.

Вот и закончился первый год пребывания нового человека в семье. Мы уже не мыслим жизни без него. Нежная любовь и большая дружба связывают нас с ним. Годовалый уже свободно ориентируется в семье и понимает место и положение матери, отца, бабушки в семейных отношениях. И сам он равноправный член семьи.

Окружность головки в годик мальчика 46,5 - 47,5, у девочки — 45,5 - 46,5 см. В годовалом возрасте или чуть позже закрывается большой родничок.

Заканчивая главу о первом годе жизни, осмыслим основное в нем. До полутора месяцев ребенок дозревает. Он еще как бы донашивается, он еще по-настоящему не раскрыл глаза. Это адаптация пока преимущественно на физиологическом уровне.

С полутора месяцев до года протекает второй этап адаптации, основное содержание которого — эмоциональное развитие. И это второй — психоэмоциональный — период развития.

Название периода характеризует главное в этом возрасте.

Проблема главного и второстепенного чрезвычайна. Решение ее даст в данном случае ответ на вопрос, что наиболее важно в родительском труде на первом году жизни ребенка.

Человек характеризуется как homo rectum (человек прямостоящий), homo lingues (человек говорящий), homo sapiens (человек разумный). Но он еще и homo emocionalis (человек эмоциональный). Эмоции врождены, как и инстинкты, темперамент. В антропогенезе вначале были эмоции, и лишь потом развились разум и речь. Поэтому первичная психи-

ческая адаптация протекает через эмоциональные акты.

Эмоции сигнальны. Удовлетворенность и неудовлетворенность выражаются ребенком через эмоции. Неразрывная взаимосвязь ребенка с матерью базируется на эмоциях. Гуление — эмоциональная перекличка младенца с матерью, как бы взаимное объяснение в любви. Без эмоционального контакта с матерью психическое развитие искажается, обедняется и белые пятна в психическом развитии малыша отражаются на всей его последующей жизни, как на его эмоциональных, так и на умственных личностных характеристиках.

Эмоции — движущая сила психического развития. Именно они побуждают схватить, ползти, сесть, встать и пойти. Первые слова «мама», «папа», «баба» и «деда» рождены эмоциями радости, любви. Первые впечатления детства — это фиксированные эмоции. Они запечатлеваются как первый жизненный опыт. Это или опыт радости, или опыт психической депривации (при отсутствии материнской любви) — опыт страха, тоски, отвержености. Этот опыт и есть первичные установки. Они, установки, — основа характера, личности.

Эмоциональность, развиваясь и обогащаясь, служит фундаментом умственного развития. Эмоции — то звено, за которое вытаскивается вся цепь психического развития. Эмоциональная полноценность — залог умственной полноценности. Умственно отсталый всегда уплощен эмоционально. Его эмоции грубы, бедны и примитивны. Опытный врач безошибочно судит о психической полноценности ребенка по его эмоциональности. Если эмоции богаты, разнообразны, многокрасочны, если ребенок «эмоционально умен», я как врач спокоен, даже если у такого ребенка задерживается речевое развитие.

Из вышесказанного вытекает основная рекомендация к воспитанию ребенка до одного года жизни — он нуждается в любящем, ни на миг не прерываемом эмоциональном контакте с матерью, в ее ласковом лице, ее сияющих глазах, ее нежных руках, в ее воркующем голосе, в ее добрых словах. Идеальный уход в идеальном Доме ребенка, даже если малыша побуждают вовремя схватить, поползти, сесть, пойти, говорить, но побуждают равнодушно, без любви, порождает патологию. Отрыв ребенка, которому еще не исполнился годик, от матери при госпитализации или по каким-то другим причинам оправданий не имеет. Любите ребенка, об-

щайтесь с ним любя, а все остальное — на этом фоне. Естественно, мать может да и должна периодически отлучаться по своим делам, чтобы не возникла симбиотическая связь. Но отлучаясь, она передает ребенка человеку, преисполненному любви к нему.

А развитие на первом году жизни идет фантастическими темпами, сохраняя в известной степени стремительность внутриутробного периода. И если ребенок рождается, уже обладая четвертью веса мозга взрослого (300 - 400 г.), то за первый год жизни вес его мозга удвоится, к трем годам — утроится. Оставшаяся же четвертая часть мозга дозревает к 20 годам (мозг взрослого весит 1200 - 1600 г). Таким образом, на первом году жизни мозг ребенка увеличивается ежедневно более чем на грамм! Думаю, трудно привести более убедительные доказательства исключительного значения нормального развития ребенка на первом году жизни.

ГЛАВА II
Второй год жизни

Ничто не может изгладить
первых впечатлений детства.

Гёте

В этот неповторимый, своеобразный второй год ребенок все в более полной мере реализует свое стремление к познанию мира. В этот период нет нерадивых, нет ленивых, нет равнодушных детей, если они не больны. Но ленивыми, нерадивыми, равнодушными они могут стать, если время уходит по-пустому, бестолково, если их только заботливо кормят и играют с ними как с куклами, если «не доходят руки», «нет времени» и нет знаний для их полноценного воспитания.

До полутора лет малыш бодрствует до четырех с половиной часов подряд, а с полутора лет — до пяти с половиной часов и спит только раз в день (13 - 15 ч 30 мин), как бы стремясь не упустить часы и минуты для познания. Кстати, ночной сон на весь период дошкольного детства незыблемо — с 21 до 7, т. е. десять часов (если спит до 8, следовательно, ему это нужно). Однако и ребенок, которого поднимают в ясли-сад в половине седьмого утра, не страдает при условии полноценного, если нужно, продленного на час дневного сна.

В течение этого необыкновенного года ребенок пройдет гигантский путь в психоречевом развитии — от первых неуверенно произносимых слов до фраз в три-четыре слова; он переживет первые неудачи и первые победы; он будет жадно впитывать информацию. Оставаясь для нас «несмышленышем», он внимает, подражает, запечатлевает, имея

к тому исключительные способности. Это год Первых впечатлений детства, неизгладимых, как писал великий Гёте.

Второй год жизни довольно резко разделяется на два этапа: до и после полутора лет. В первом полугодии малыш больше слушает нас. В нем идет подспудная работа по накоплению информации. Нам кажется, что он только бегает, хватает и тянет. Мы видим только эмоции. К году он произносит 6 - 14 слов — в полтора года он будет произносить 30 - 40. По нашему мнению, это удручающе мало. Он как актер немого кино. Однако мимикой, жестом, выразительным взглядом, одним словом «мама», придавая ему интонацию просьбы, требования, вопроса, он выражает все, что ему необходимо: требует еды, ухода, сообщает об опасности, спрашивает о непонятном

Глаза малыша широко раскрыты, он слушает и слышит. Говорите с ним, говорите — и во втором полугодии его «прорвет»: его словарный запас возрастет в десять раз! К двум годам он будет произносить 300 - 400 слов, среди которых 180 - 200 существительных и примерно 70 глаголов, отражающих мобильность и динамичность этого года его жизни. В какой-то момент он свяжет два слова вместе, построит первую фразу и как бы шагнет сразу от подножия к вершине развития. Первые слова в одно и то же время произносит и будущий гений, и умственно отсталый, а вот первую фразу из двух слов в полтора года и тем более одну фразу из трех-четырех слов к двум годам построит только ребенок умственно сохранный, интеллектуально полноценный.

Однако выявится разница в темпах развития девочки и мальчика. Девочка должна освоить фразовую речь к полутора годам; мальчик — и это нормально — освоит ее к двум годам.

Во втором полугодии развитие ребенка стремительно. Счет идет на дни и часы. И здесь все зависит от родителей. Одного растят умным, другого — посредственностью, оставляя без внимания, с пальцем во рту и старой погремушкой. И один ребенок с нормальным интеллектом знает к двум годам всего до 45 слов, а другой — свыше 300 слов.

Чем больше внимания уделяется развитию речи ребенка, тем богаче она, тем сложнее общение, тем выше интеллект; высокий же интеллект, в свою очередь, способствует развитию речи. Такой вот круг. Ж. Пиаже справедливо отме

част: чем больше ребенок видит и слышит, тем больше он хочет увидеть и услышать. Мы же скажем: чем больше слов знает он, тем большим их числом стремится овладеть. Таким образом, умный стремится стать еще умнее, активный — активнее, и все это зависит от воспитания.

Л. С. Выготский настойчиво напоминал родителям, что ребенка необходимо учить понимать речь и говорить как можно раньше, и предостерегал: если ребенок не знает названия вещи, он ее как бы не видит. Вот как! Для педагогически запущенного ребенка мир пуст. Такой малыш пялит бессмысленно глаза. И он все больше отстает от сверстников.

Оптимальным сроком обучения речи Л. С. Выготский называл период до трех лет. И второй год, по моему глубокому убеждению, — решающий в речевом воспитании.

Родители должны заботиться не только о количестве впечатлений и информации, но и об их качестве. А. Декедр, французский психолог, напоминает в этой связи, что ребенок в первую очередь усваивает те слова, которые выражают его интересы, и по лексике можно судить об интересах малыша, о направлении его воспитания, о развитии его интеллекта. Таким образом, на качество речевого развития ребенка влияют и установка семьи, и система ценностей родителей, и уровень их культуры.

Максимальное речевое общение отвечает одной из ведущих потребностей ребенка этого возраста — общению со взрослыми, особенно в семье, где он не испытывает опасений, всех любит, уверен в любви всех и чувствует себя свободно, раскованно.

Находясь с малышом, которому нет еще и полутора лет, в комнате, во дворе, на улице, в обычной беседе с ребенком мы называем предметы, объясняем их назначение, указываем на их основные качества. К полутора годам он должен уметь назвать свои основные игрушки и действия с ними: «спит», «купает», «поехали» и т. п. Разумеется, произношение его несовершенно, он искажает слова, но главное, что мы уже имеем дело с речевым мышлением.

На втором году жизни малыш начинает задавать вопросы «кто?» и «что?», а после полутора лет «что это?» и «кто это?», продолжая еще сопровождать вопрос указующим жестом. С полутора лет необходимо постепенно отучать его от этого жеста, с тем чтобы с четырех с половиной — пяти с

половиной лет он не прибегал к нему.

Пока же ребенок, заинтересовавшись чем-то, лепечет, размахивает ручками, глазенки расширены, но интонации уже богатейшие. Он восполняет мимикой, жестом, интонацией то, что еще не в состоянии выразить словом. Он хочет рассказать нам о переживаемом, и мы, к счастью, понимаем его. Нужно постоянно помнить, что ребенок нуждается в семье еще и потому, что в ней его понимают и помогают разобраться в окружающем. «Ва-ва» в его речи означает одно, «ав-ав» — другое, «ту-ту» одновременно и просьба пойти погулять, и обозначение поезда, трамвая, еще чего-то. За каждым таким словом — радость, удивление, испуг, вопрос, требование. Он теперь не в силах молчать, его переполняют чувства.

А запоминает он все: имена близких, знакомых, названия все новых и новых предметов, игрушек, действий. Характеризуя показатели развития детей от полутора до двух лет, Н. М. Аксарина и Н. Ф.Ладыгина (1965, с. 284-285) пишут следующее.

Понимает смысл целых предложений — высказываний о событиях и явлениях, часто повторяющихся в личном опыте ребенка. Словом можно изменить состояние ребенка, разнообразить его действия.

Легко повторяет произносимые взрослыми слова и простые фразы.

Облегченные слова заменяются правильными. В речи появляются прилагательные и местоимения.

Изменяет слова грамматически.

Речь становится средством общения со взрослыми. Просьба, желание, впечатление передаются словами. Много говорит во время игры и других действий. Речь эмоциональна выразительна. И если до полуторагодовалого возраста, как уже говорилось, ребенок больше слушал, то теперь он больше говорит. До полутора лет мы сопровождали каждый свой шаг речью, теперь же он рассказывает нам. Не следует отучать понимать его с полуслова. Пусть произнесет слово целиком, пусть точно выразит, что ему надобно. Сверхзаботливая мать, угадывающая и выполняющая все желания ребенка еще до того, как он их высказал, тормозит развитие его речи.

Ну а если двухгодовалый вовсе не говорит? Или достиг не всего, что необходимо в данном возрасте? В этом следует

разговориться. Причиной задержки речевого развития может быть умственная отсталость, нарушения в соответствующих отделах мозга или органов речи, глухота, педагогическая запущенность (родители — первые педагоги ребенка) или просто лень. Необходимо обратиться к невропатологу, без специалиста здесь не обойтись.

Однако следует помнить и слова немецкого детского врача прошлого века А. В. Маутнера: «Ребенок, который поздно начинает говорить, не всегда бывает глуп; иногда даже, наоборот, такие дети имеют отличные способности: молчаливые люди часто бывают очень глубокомысленны...» (1856, с. 201). И он оптимистично заявляет: «Если взгляд ребенка подвижен, черты лица оживлены, ребенок слышит и понимает сказанное, тогда заботиться не о чем: он начнет говорить поздно, зато правильнее и понятнее» (там же). Но это опять-таки произойдет не само по себе, а при настойчивом воздействии родителей.

Дети, рано начинающие чрезмерно много говорить, нередко, по мнению А. В. Маутнера, при отсутствии должного воспитания «не обдумывают своих речей и болтают без смысла».

Примерно так же рассуждают и многие современные авторы. Ведь известны великие умы, поздно заговорившие в детстве. И все-таки, если речевое развитие задерживается, не откладывайте консультацию с детским психиатром или невропатологом. При этом не следует забывать замечание Г. Л. Розенгард-Пуико (1963) о том, что, если при хорошем понимании чужой речи у ребенка длительно — до двух с половиной — трех лет — отстает его самостоятельная речь, он становится раздражительным, кричит в отчаянии от собственного бессилия и непонятливости окружающих. Позже он овладеет речью, но сохранится огорчительный стиль поведения: нетерпеливость, гневливость, обидчивость. Таким образом, даже такая, обычно потом компенсирующаяся задержка может неблагоприятно отразиться на взаимоотношениях ребенка с окружающими его людьми и на складывающемся характере маленького человека.

Мы учим ребенка классифицировать предметы по их качествам («дядя больной», «котенок пушистый»), функциям («машинка едет», «собачка бежит»), указываем их главные, общие качества, разделяя предметы на большие и маленькие, мягкие и твердые и т. д.

Мы настойчиво учим малыша обобщениям. Уже в начале второго года для него все молодые женщины — «тетя», а пожилые — «баба». Побуждая ребенка находить самые простые объединяющие признаки, одновременно переходим к выявлению различий: «Дядя большой, а Петя маленький». Первые самостоятельные суждения малыша типа «дети хорошие, играют» — свидетельство его формирующегося мышления.

Он знал в полтора года два цвета, а к двум годам может различать до четырех (красный, синий, желтый и зеленый). Все чаще мы говорим ему: «Мишка черный-пречерный, травка зеленькая-зеленькая...» От первого, самого поверхностного ознакомления с окружающим миром мы постепенно продвигаемся с ним к более углубленному познанию предметов, явлений.

Уже с года мы показывали ему картинки, рассматривали их вместе с ним. С полутора лет он учился узнавать на них свои игрушки, находить собачку, тетю, бабушку с палочкой. С двух лет он будет разбираться в картинках относительно свободно, отвечая на вопросы «где?», «что делает?».

К полутора годам (некоторые дети — к году и восьми месяцам) малыш получает карандаш и бумагу. Именно к этому возрасту он начинает чиркать карандашом по листку, на котором появляются скопления из множества штрихов — первый «рисунок». Вспомним: именно в полтора года он построил первую фразу из двух слов. Ребенок совершенствует моторику речи и с карандашом в руках — движения кисти. И то и другое взаимосвязано и взаимообусловлено. Развитие интеллекта, речи, моторики, рисование — единый процесс. Отставание в чем-то одном из перечисленного приносит ущерб развитию в целом. И родители уделяют равное внимание тому и другому — развитию речи и обучению рисованию. Наградой им будет полноценное психическое развитие их ребенка.

Карандаш должен быть средней мягкости, грифель коротко и округло очинен. Бумага — плотная, иначе тут же порвется под размашистым, энергичным ударом-натиском. С полутора лет родители учат ребенка относиться к бумаге так же бережно, как и к игрушкам: не рвать ее, не комкать. Е. И. Игнатьев указывает: «В возрасте от одного года восьми месяцев до трех лет ребенок под влиянием рассматривания картинок, наблюдения процесса рисования взрослыми и

некоторого личного опыта усваивает то, что лист бумаги, исчерченный его карандашом, представляет собой рисунок или картину» (1959, с. 17).

С полутора лет малыш способен представить себе все предмета, который еще не держал в руках. Правда, такая оценка еще часто незрела — большой предмет представляется ему тяжелее маленького, но он освоит эти премудрости по мере накопления опыта. Полуторагодовалый ищет спрятанный предмет везде, переворачивая платки, покрывала (до этого возраста он вновь и вновь заглядывает под лежащий перед ним платок, где ранее видел искомый предмет, совершенно не обращая внимания на рядом лежащий плед, под которым на сей раз скрыт предмет).

С полутора лет он выполняет две последовательно изложенные просьбы: «Убери свой уголок и приходи умываться» (в год и два месяца — год и четыре месяца — одну и в два года — три просьбы).

Прогресс в развитии отмечается с года восьми месяцев — возраста во многом переломного: с этого времени малыш настолько понятлив, что мы приступаем к его планомерному обучению, по сути — к подготовке к школе.

Картинки занимают все большее место в жизни ребенка, они готовят его к восприятию книги. Вскоре мы перейдем к чтению ему потешек, стихотворений, рассказов и сказок из тех, что для самых маленьких.

Вот малыш сидит на стульчике рядом с бабушкой. Ему скоро два года. Время показа картинок с названием изображенного на них перешло в период показа с рассказом. Он любит слушать, понимает простой сюжет, замирает от грозных речей волка и радуется удаче зайчика.

Теперь об игрушках. С полутора лет уместно завести «чудесный мешочек» с игрушками, из которого мы извлекаем их, называя, рассказывая о них, используя интерес к мешочку и его содержимому для дальнейшего развития.

Ребенку второго года жизни необходимы пособия и игрушки для занятий с ними, для развития речи и движений. В книге «Воспитание детей раннего возраста» под ред. Г. М. Лямпной (1976) рекомендуются наборы алюминиевой посуды, мебель, достаточно большая, чтобы ребенок и сам мог ею пользоваться, куклы и одежда для них, зверюшки, совки, лопатки, ведерки, кубики, пирамидки, обручи, мячи, тележки, машины и, конечно, разный строительный материал (дерево и пластмасса).

Решающее значение в этот возрастной период приобретает показ игрушки. Каждую новую игрушку следует обыграть с ребенком так, чтобы он понял ее функцию, принял ее с пониманием и радостью. Вот у него в руках пирамидка. Ему год и месяц. На пирамидке три кольца. Он неловко захватывает колечко всей ладошкой, ему удается сорвать его со штыря, но надеть назад очень трудно. Он бросил колечко, отбросил с досадой штырек. Мы помогли ему, и, подражая нам, он освоил эту трудную операцию. Смотришь, в полтора года дитя уже управляется с пирамидкой, на которой пять колец, а главное — захватывает теперь колечко только пальчиками, сосредоточенно занимается с этой непростой игрушкой, требующей глазомера и терпения. В два года — награда за наше с ним упорство: он берет колечко двумя пальчиками, справится и с шестью колечками, а сверху быстрехонько приладит верхушечку-колпачок. Раз — и пирамидка готова! Правда, он еще не умеет соблюдать порядок надевания колец, ибо трудно уловить столь незначительную разницу в размерах, но в дальнейшем, на третьем году жизни, при систематическом обучении освоит пирамидку из восьми колец и соберет ее, соблюдая размеры.

Как все это важно! За этой пирамидкой трудолюбие, интеллект, глазомер, развитые пальцы. Ко мне очень часто обращаются с жалобой — ребенок хорошо читает, но плохо, коряво пишет. Много детей с неловкими, неразработанными пальцами. А развитые, искусные пальчики — это еще нередко нормальная артикуляция. Тренировка пальцев рук совершенствует мозг, как подчеркивает М. М. Кольцова (1973), те его зоны, которые ответственны за речь.

Обращаю внимание на «совпадение»: к двум годам ребенок берет колечко двумя пальчиками (как это непросто, как это важно — красиво, ловко двумя пальцами взять колечко), листает страницы книги, разворачивает конфетную обертку, способен правильно держать ложку и карандаш. Это и есть овладение тонкой моторикой. И хотя ему еще придется до пяти-шести лет неустанно развивать ее, увязать совершенствующиеся возможности пальцев с глазомером, начало этому важнейшему процессу положено именно на втором году жизни. К этому времени, к двум годам, он освоил и фразовую речь из трех — четырех слов.

Упорно занимаясь с ребенком, помогая ему осваивать ту же пирамидку, мы выполняем одно из принципиальных

требований: с года — года и трех месяцев приучаем ребенка сознательно подражать взрослому, подражать без балова-ва, не отвлекаясь, серьезно, целенаправленно. Это и есть показ. Без игр с показом дитя не будет продвигаться и разви-тии так, как нам бы этого хотелось.

Малыш понятлив. Однако будем внимательны: понят-ливость — хрупкий дар природы, ее легко погасить, если ребенок играет примитивно, без смысла и выдумки. Иногда он не столько непонятлив, сколько нетерпелив, вырватыва-ет неосвоенную, непонятную ему игрушку из рук родителей. «Непонятливым» ребенок может быть оттого, что имеет обыкновение вначале присмотреться к новому; он может показаться непонятливым и от неуверенности, из-за пози-ции пассивного зрителя — ждет, чтобы его развлекали, игра-ли за него. Во всех случаях взрослый не проявляет чувство досады. Досада взрослого смущает ребенка, вызывает не-уверенность и чувство вины (разумеется, все это имеет место в более старшем возрасте, но корни таких переживаний иногда сокрыты и в раннем детстве).

Игра ребенка после года, по мнению А. Валлона, похожа на вдохновенное исследование. Мы же следим, чтобы ма-лышу было интересно, вовремя предоставляя ему новые игрушки. К двум годам сажаем ребенка за столик (высотой около 38 см), на стульчик (18 - 20 см), где ему удобнее играть. Он должен правильно сидеть, рисуя и играя не отвлекаться. не суетиться, не чиркать карандашом по столу, не царапать его. Здесь, на втором году жизни, закладываются основы аккуратности, бережливости, усидчивости, основательнос-ти и т. п.

Не следует торопиться с новыми навыками, умениями, играми. Не надо перевозбуждать дитя, утомлять его. До полутора лет ему достаточно освоить за день одну дидакти-ческую задачу. Сегодня он катает шарик, машинку, колеси-ки. Завтра кладет кубики друг на друга — это у него день строительства. Послезавтра втыкает втулочки в отверстия, далее открывает и закрывает. Будет предусмотрен и день для занятий с цветными шариками и кубиками. В этот день он выберет из кубиков разных цветов все красные, на другой день — желтые. Рекомендуется дать ребенку в возрасте года и четырех месяцев палочку с кольцом на конце: пусть нау-чится этим кольцом захватывать и подтягивать к себе мя-чик, кубик, паровозик (за трубу). На все это уйдет несколько

лей, а потом ему можно дать черпачок, и он будет ловить им в тазике пластмассовую рыбку, доставать шарики.

К полутора годам мы научим его строить из кирпичиков, кубиков стенку (как подготовку к строительству первого в его жизни домика), «стол», «стул». После полутора лет мы будем поздравлять с ним башни, используя кубики трех размеров, а к двум годам придет день, когда он соорудит башню из пяти разных по размеру кубиков — самый большой внизу, самый маленький — наверху.

К двум годам, при терпеливом и добром показе, малыш построит стену с баненкой, а к ней пристроит скамеечку из двух кубиков и донечки-перекладинки. К двум годам он разберет и соберет двойную матрешку.

Организуя и поощряя игру малыша, взрослый упорно стремится к развитию его глазомера: ребенок вкладывает в отверстия шарик или кубик, оценивая их величину и форму глазом.

Малыш построил башню и уже не торопится ее разрушать, а любуется делом своих рук и ждет похвалы от взрослых. Похвалим, поощрим маленького строителя.

С года и девяти месяцев малыш начал говорить и, следовательно, способен к речевому общению. Он твердо стоит на ногах, ручки его достаточно ловки, сильны и надежны. Он многого достиг, многое знает и умеет: у него есть и своя память на хорошее и плохое, он уже вполне воспитан, опрятен. Теперь он готов к более плодотворному общению со сверстниками.

Вначале у оказавшихся рядом малышей не все ладится. Они еще очень далеки от взаимопонимания и, хотя уже не могут друг без друга, еще не могут и друг с другом. Короче — нет пока игры и общения без организующей роли взрослого. При плохой организации игры один постоянно отнимает, другой — безропотно отдает. Пострадают оба. Первый пошел по пути насилия, второй — непротивления. Первый приобретает опыт правоты грубой силы и безнаказанности, будет стремиться к самоутверждению через унижение другого. Второй станет робким, неловерчивым, пассивным. Где же взрослые?

На втором году жизни малыш нуждается во взрослом, как слепой в поводыре. Он еще многое не способен связать в единое целое. Ему неведомо то, что для нас само собой разумеется. Он заинтересовался глазиком грудничка, тычет

в него пальцем и не понимает, почему младенец кричит. Отсюда, кстати, легенда о детской жестокости. Но это — заблуждение. Дети добры. Просто они еще малы и любой их поступок — хороший или плохой — на совести взрослого.

Собрав двух-трех сверстников, мы затеваем веселую игру: строим сообща или ром в песке, снегу канавку. Сотрудничеству, взаимопомощи, умению уступать друг другу, не обижать, не отнимать, делиться с другим ребенком учат так же, как самостоятельно пить, есть. Общение к концу второго года — жизненно важная потребность. Он уже узнает сверстника, с которым играл вчера, и радостно бежит ему навстречу. Не удерживайте его, не опасайтесь встреч с детьми. Без них ему не стать человеком.

И, наконец, о навыках. Уже в год и два месяца малыш ест десертной ложкой с помощью взрослого. С года и четырех месяцев он уже самостоятельно ест суп, с полутора лет — кашу и пюре, а суп — с хлебом. С этого времени его не следует кормить с ложечки. Пусть лучше не доест, чем вырастет беспомощным, пассивным.

С полутора лет следует учить ребенка мыть руки и лицо. Надо засучить ему рукава, помочь намылить руки, смыть остатки мыла. К двум годам он уже вполне сносно умывается, неумело, но вытирает руки и лицо полотенцем, приучается пользоваться салфеткой за столом. Но весь третий год мы еще будем терпеливо учить его правильно есть, умываться и быть опрятным.

К двум годам он научится снимать расстегнутую взрослым одежду, расшнурованные ботинки, сам стянет носочки. Пусть теперь сложит одежду на стульчик. Одеваться ему пока трудно. Он может лишь натянуть шапку, надеть шарфик. Пуговицы пока не подчиняются его пальчикам.

На горшочек дитя просится с года и к полутора годам должно вовремя обратиться к взрослому, а с двух лет и просыпаться, если нужно, ночью.

Столь же серьезно и упорно мы обучаем ребенка трудовым навыкам. Кто любит свое дитя, тот рано приучает его к труду, чтобы не выросла дочь, как иронично говорят, «некрасивой, но зато неряхой», а сын «без способностей, но зато лентяй, бездельник». Пусть малыш сам сложит свои игрушки, поставит на место стульчик, на котором сидел, отнесет вслед за мамой свою тарелочку в мойку, поднимет упавшее, поправит загнувшийся угол коврика. Пусть делает все, что

ему под силу, и делает сам. Не следует торопиться избавить его от усилий («пока он сделает!»). Все это чрезвычайно важно. За всем этим — судьба ребенка.

Подкупающая непринужденность, изящество, что так высоко ценятся в человеке, органически присущи ему только в тех случаях, если воспитывались вовремя, в самые ранние годы.

А дети на втором году жизни подражают взрослым во всем, буквально запечатлевают их поведение, действия, и мы не должны об этом забывать. Как ведет себя отец — так скорее всего будет вести себя и сын. Какова мать — угловата, ловка или неуклюжа — такой, возможно, станет через два десятка лет ее дочь. Асоциальное поведение взрослых воспринимается эмоционально и всегда имеет последствием невроз, протестное поведение или жестокость и трусость, асоциальность детей.

«Можно» и «нельзя». На втором году жизни эти понятия закрепляются, становятся нормой поведения. Ребенок охотно следует указаниям взрослых, реализуя «можно», радуясь поощрению и стремясь избежать наказания, неодобрения, тормозя желание выхода за рамки дозволенного. Бурно формируется основное волевое качество — способность в одних условиях действовать со всей энергией, а в других — сдерживать, ограничивать себя.

Говоря о втором годе жизни, подчеркну: стремясь к максимальному развитию интеллекта ребенка, не следует забывать и о столь же важной задаче — адекватном развитии его эмоциональности. Ребенок второго года жизни фантастически одарен: он неутомим, память его феноменальна, интеллект, как и речь, развивается стремительно, но более всего поражает его удивительная эмоциональность. Е. А. Аркин пишет о ребенке этого возраста: «...на протяжении получаса перед нами, по существу, проходит вся гамма человеческих чувств и настроений... радость, печаль, гнев, ярость, любопытство, удивление, нерешительность, удовольствие, любовь, отвращение» (1968, с. 11).

Не следует стеснять этот праздник эмоций, нельзя требовать от ребенка ровного настроения, реагирования: «Перестань кричать, перестань хохотать, перестань плакать». Пусть и покричит, и посмеется, и поплачет. Пусть отреагирует все свои эмоции. Ребенок ведь!

Выявляя главное на втором году жизни, входящем в

третий период развития — от года до двух с половиной — трех лет, мы с полным правом назовем второй год жизни, как и весь третий период, «психоречевым».

Однако все развивается гармонично: психика, речь и моторные навыки. На втором году жизни ребенок самостоятельно поднимается на детскую горку — первую в своей жизни вершину и спустится, переборов страх, мобилизуя волю, внимание, по лестнице. Он подпрыгнет, впервые оторвавшись от земли; научится пятиться назад — отступать, перешагнет через ветку, потом полено.

Однако эти достижения достанутся ребенку трудно. По крайней мере до года трех — года четырех месяцев он учится уверенно ходить. Это нелегко. Уверенная ходьба и бег, прыжки, грация движений даются человеку не так просто и быстро, как животным. У него все сложнее. Вот малыш идет, скорее бежит, наклонившись вперед, чтобы не упасть. Ручки ему пока только мешают, головка тянет вперед. Трудно остановиться, изменить направление движения. Но в этот период продолжается бурное развитие головного мозга, мозжечка, подкорковых узлов, ответственных за координацию движений. Он учится стоять и ходить, бегать и прыгать, а за этим прослеживается напряженная подготовка к более тонкой моторике, в первую очередь, к работе пальцев рук, продолжается совершенствование артикуляции (речевая моторика).

Ходьба позволяет ребенку принципиально изменить ситуацию, расширив среду обитания. Он знакомится с бесчисленными предметами вокруг себя. Информация, до этого поступавшая размеренно, ручейком, в относительно малых дозах, теперь течет к нему рекой во все убыстряющемся темпе. Он падает, встает, натыкается, обходит, толкает, тянет, опрокидывает — и все это опыт, опыт, опыт. Мягкое, твердое, тяжелое, легкое, одно звенит, другое гремит. Все это надо понять и усвоить.

Движения ребенка пока во многом импульсивны, а интерес неустойчив. Малыш напоминает бедняка в пещере Аладина, который мечется среди богатств и чудес, не в силах остановиться на чем-то одном. Ребенок движется в одном направлении и вдруг, потеряв интерес к тому, до чего еще не дошел, направляется в противоположную сторону, возвращается назад. Его радует само движение, он поглощает пространство, как воздух.

З. С. Уварова с соавторами (1963) пишут, что ребенок
...чиная с года до года двух месяцев проходить, не присажи-
...сь, вначале 3 - 6, затем 10 м и более, влезать на стремянку
...сотой в метр и спускаться с нее приставным шагом,
...ерешагивать через бревно и из положения сидя бросать
...мя руками большой мяч. Разумеется, таких успехов дитя
...стигает только при терпеливом руководстве взрослых, и
...анные эти приводятся потому, что это достижимые рубе-
...ки.

С года двух месяцев до года четырех месяцев малыш
...чала пройдет по лежащей на полу дорожке шириной в 30
...м, затем по доске в 25 см ширины, а мяч бросит уже из
...ложения стоя. Бросит, а сам успеет. Дадим ему малень-
...кий мяч, и он бросит его одной рукой.

Далее, по данным З. С. Уваровой и соавторов, ребенок
года и четырех — года и шести месяцев проходит вверх и
вниз по наклонной доске (шириной 25 см и длиной 1,5 - 2 м),
один конец которой поднят на высоту 10 - 15 см от пола;
самостоятельно и без помощи рук (особенно после показа,
когда это сделает другой ребенок) забирается на ящик высо-
той 10 - 15 см.

К полутора годам малыш уже перешагнет через палочку
или веревочку на высоте в 5, а потом и в 10 см от земли,
опять-таки особенно охотно и легко, если это сделает на его
глазах его сверстник. На втором году жизни ребенку жизнен-
но необходим сверстник: робкому — решительный, реши-
тельному — равный.

Между тем ручки малыша все совершеннее справляют-
ся с достаточно сложными движениями. Мячик он уже
бросает в щит или в корзину. Мишень, однако, должна быть
шире 50 см в диаметре. И все-таки — какое достижение! Тут
и глазомер, и координация движений мышц ног, туловища,
руки.

К году и семи-восьми месяцам наклонную доску можно
сузить до 20 см при длине в полтора метра, а ближе к двум
годам конец двухметровой доски поднять над полом снача-
ла на 15, а потом и на 20 см. Он сам взойдет на эту высоту по
узкой дощечке и спустится по ней. Сколько страха и сколько
радости!

Однако понаблюдаем за группой детей в возрасте года и
семи-восьми месяцев. Вот они собрались стайкой перед
поднятой на 20 см наклонной доской. Один пошел без коле-

баний, одолел подъем и невозмутимо направился к игрушкам. Для него это пустяк. Другой прошел осторожно, но как обрадовался и возликовал! В этом его поступке и воля, и пробуждающаяся решимость преодолевать страх, и формирующаяся способность бороться с трудностями и преградами. Третий — присмотрелся... и не пошел. Внимательнее понаблюдаем за боязливыми. Один из боязливых ушел, не оглядываясь. В будущем, если воспитание не изменит его, он будет стремиться обходить препятствия, отказываться от риска и борьбы. Второй боязливый подошел, осмотрелся и осторожно, шаг за шагом, колеблясь, пошел. Прошел, постоял, прочувствовал пережитое и отправился по второму, третьему разу. Этот по-своему храбрее всех, поскольку знает чувство страха, но борется с ним и побеждает. Важную информацию дают родителям наблюдения за детьми на игровой площадке. Здесь раскрываются темперамент и формирующийся характер ребенка.

В год и восемь месяцев — два года ребенок перешагивает через палочку или веревочку, поднятую на 12 - 15 - 18 см от пола. Теперь не зевать! После полутора лет забраться на стул и схватить лежащие на столе предметы для него уже не проблема. Убрать, убрать из всех возможных зон досягаемости опасные для ребенка предметы! Ребенок доверяет нам, а на столе — флакон одеколона, уксус, кипяток, ножницы. Этому оправданий нет.

И самое последнее. Вес малыша к двум годам достигает 12 - 12,5 кг, рост — 84,5 - 85 см, объем головы — 48 см. Вес мозга 1050 - 1100 г, или 75% веса мозга взрослого. Примерно к полутора годам черепно-мозговые нервы покрыты миелиновой оболочкой, что свидетельствует о зрелости нервной системы.

Глава III
Третий год жизни

Проповедовать с амвона, увлекать с трибуны, учить с кафедры гораздо легче, чем воспитывать одного ребенка.

А. И. Герцен

Этот год переломный, год рождения личности, рождения «я». На третьем году жизни сохраняются бурные темпы развития ума ребенка, его речи, эмоциональности и пластики движений. Ребенок, как и прежде, нуждается в неутомимом, полном понимания и любви общении со взрослым — и воспитании.

Рассказ об этом годе автор начинает с развития речи, ибо и на третьем году жизни это важнейший, решающий момент становления человека разумного. Достаточно сказать, что наш маленький лингвист осваивает за этот год 900 - 1200 слов — до 100 слов в месяц. Следовательно, к трем годам он произносит до 1500 слов. Ему покоряются падежные окончания, он употребляет глаголы не только в настоящем, но и прошедшем и будущем времени. А как он говорит! Не умолкая, взахлеб. Он пользуется сложносочиненными предложениями, пытается в одной фразе высказать так много, что часто не справляется со связью слов, хотя уже начал употреблять союзы и предлоги. Иногда он и вовсе не может закончить предложение, столь витиевато оно для него, но замешательство длится лишь миг, и он уже говорит о другом, не менее важном. Мы доброжелательно и внимательно слушаем его. «Не перебивайте меня, я и сам собьюсь», — как бы говорит нам ребенок. Его речь все более изобилует вопросами. И если раньше они во многом инспирировались роди-

телями, то теперь возникают спонтанно, отражая растущий интерес ребенка к происходящему. Принципиальный вопрос, заданный ребенком в этом возрасте, — «почему?». Произошел интеллектуальный скачок. Малыш задумался. Его заинтересовали причины явлений и их взаимосвязи. Он знал, что солнышко красное. Теперь он хочет знать, почему оно красное, а не синее, как небо.

Вопрос «почему?» — основополагающий. Если ребенок задал его во второй половине третьего года жизни, он безоговорочно умен. До сих пор, задавая вопросы «что это?», «кто это?», «где?», ребенок познавал по горизонтали. Теперь он копает вглубь, линия развития пошла по вертикали. Ранее он просто знакомился с миром, теперь хочет его понять. На вопросы «кто?» и «что?» мы отвечали не задумываясь; отвечая на вопрос «почему?», вместе с малышом задумались и мы. В самом деле, почему? Отвечая на вопрос «почему?», мы учим ребенка думать. И от того, как отвечаем мы на этот основополагающий вопрос, зависит, насколько умным человеком станет наш ребенок. Отвечаем, глубоко вникая в то, что его заинтересовало, — глубоко мыслит будет и он; отвечаем поверхностно, отмахнувшись от крохи, — поверхностен и он. С другой стороны, один задал вопрос и, выслушав ответ, задумался, задал новый вопрос на ту же тему; другой, не дослушав, тут же задал еще один вопрос и, вновь не дождавшись ответа, убежал. Этот другой врядли станет умным.

Во второй половине третьего года, когда малыш переживает некий перелом в своем развитии, у него возникают вопросы «а как сделал?», «а что там внутри?», «а куда он ушел?», «когда она вернется?». И это уже попытка связать прошлое с настоящим и будущим, свидетельство все более императивного интереса к более глубинному. Мать все настойчивее указывает малышу на последствия его поступков, готовя его к вопросу «что будет?». «Упадешь, будет больно», — говорит она. И малыш отказывается от затеи прокатиться по ледяной дорожке вслед за старшим по возрасту мальчиком. Так, начиная с простого, мы учим его выспросу в мышлении — предвидению.

Теперь в речи ребенка начинают все чаще появляться придаточные предложения, хотя он и допускает при этом ошибки. Он еще не думает, как говорит; он пока говорит, как думает. А мысль его стремительна и неустойчива — он

радуется, наслаждается способностью понимать и выражать понятое.

Но неутомимый говорун способен теперь подолгу, затаив дыхание, слушать. Он познает неведомое ему уже не только руками, глазами, но и через слово. Он не бывал в пещере, но мама объясняет ему, какова она. И он представляет ее себе.

Общение со взрослым по-прежнему основная потребность ребенка. Связь с матерью еще нерасторжима. Однако возрастает и роль отца. Взрослые все в большей степени становятся для малыша основным источником информации. Чтобы получить максимум информации для бурно развивающейся психики, он посредством с пристальным вниманием и слушанием овладеть речью.

Малыш знает наименования многих окружающих его предметов и способен выразить практически все свои желания через речь. Он теперь понимает все более сложные словесные указания. Ребенок третьего года жизни все еще пристально жестикулирует, и родители мягко, но настойчиво воспитывают у него культуру жеста. Теперь жесты должны лишь эмоционально дополнять его речь: это ласка, нежное прикосновение, стремление усилить высказанное, выразить несогласие

Разговаривая с малышом, постараемся пополнить его словарный запас, используя все части речи. Мы путешествуем с ним в окружающем мире. Существительные знакомят его все с новыми и новыми предметами и явлениями, называя их, давая им имена (и мы говорим: речка). Прилагательные рассказывают, какие эти предметы и явления, чем они отличаются и чем похожи друг на друга, т. е. представляют мир красочным, разнообразным (и мы продолжаем: веселая речка). Глаголы говорят о том, что мир вокруг движется, дышит и живет (и мы дополняем: веселая речка бежит). Наречия показывают, как именно он живет и дышит, как и куда движется (и мы заключаем: веселая речка быстро бежит далеко-далеко). Повторяем: речь беседующего с ребенком взрослого должна быть грамотной, динамичной, яркой, образной, умной. Недопустимы при этом слова паразиты, жаргонные словечки.

Когда дети вырастут, один станет математиком, другой — художником или врачом. Но точная, образная, грамотная речь будет необходима и первому, и второму, и третьему в

одинаковой степени, ибо развитие речи и интеллекта неразрывно связаны.

Итак, малыш задаст вопросы. Он надоедлив; перебивает нас, но все это потому, что он боится забыть вопрос, ему пока трудно ждать своего часа, мы только начинаем его к этому приучать. Он уже научился усмирять многие свои желания, но жажда познания императивна — отвлечемся от дел, от беседы со взрослым, ответим на его вопрос.

Ребенок часто еще не в ладах со звуками «р» и «л», свистящими и шипящими. Не следует повторять, умиляясь, ошибки его речи. Отвечать ему надо серьезно, произносить слова и звуки правильно. Говоря правильно, мы, не обижая малыша постоянными поправками и придирками, учим его правильной речи наиболее эффективным способом — собственным примером.

Будем же доброжелательны, терпеливы, тактичны с малышом, оставим неуместную иронию. Достаточно того, что над ним будут смеяться сверстники, если недостатки с речью сохранятся до четырех — пяти лет. Если же все-таки придется поправлять его произношение, сделаем это ненавязчиво, осторожно, деликатно. Деликатность и еще раз деликатность. Ведь малыш разумен, очень эмоционален, раним, помнит зло, ревнив и т. д. Ч. Дарвин писал о своем сыне Долли, что в два года пять месяцев «он сделался очень чувствительным к насмешкам и до того подозрительным, что нередко, если люди разговаривали между собой и смеялись, он думал, что смеются над ним» (Дарвин, 1881, с. 18).

Недопустимо, когда и в этом возрасте торопящаяся мать норовит использовать собственные руки и ноги вместо руки ног трехлетнего — одеть, увести, накормить, умыть, принести, вместо того чтобы терпеливо заставить малыша услышать ее и выполнить ее просьбы и указания.

Малыш обижается, если его вопросы остаются без ответа, если ответ ему непонятен или не удовлетворил его. Он горько плачет от обиды, нанесенной словом. Он, наконец, просто оскорблен, когда его хватают и тащат, не объяснив, куда и зачем. Проявим к нему уважение. Это очень важно. Тогда и он будет уважать себя. А уважая себя, он естественно придет к уважению других.

Суждения ребенка между тем все более метки, интересны, поражают свежестью видения. Внимательные к ребенку, любящие родители нередко с гордостью рассказывают друзь-

бессознательном психическом. И если ребенка сломили в период оппозиции, в период становления личности, в нем сформировали установку: «я — никто; тот, кто надо мной, — все; надо всегда и во всем слушать старших, вначале — старших по возрасту, затем — по чину и званию...» Так формируется рак души — комплекс неполноценности.

Трехлетний говорит: «Я сам сделаю.» И пусть сделает сам. Не сможет — попросит помочь. Это от гордого: «Если я буду нуждаться в вашей помощи, я попрошу о ней». Трехлетний заявляет: «Я не хочу!». Разберемся, что и почему он не хочет. И если он не хочет сию минуту есть, поскольку он занят или у него нет аппетита, — отложим кормление. Он не хочет идти на прогулку, потому что у него нет желания, настроения или он плохо себя чувствует, — отложим или отменим прогулку. Он хочет ту, а не эту рубашку. Что же — он человек и имеет право носить то, что он хочет носить. Если он не хочет говорить с тетей, значит, она ему не нравится. И говорить или не говорить с ней — его дело. Он не хочет ложиться спать, если что-то интересное для него недослушано, недосмотрено, недоделано или он возбудился. Уступим ему, не будем упрямо настаивать на своем. Через тридцать минут он и сам угомонится.

Если нам удалось до трехлетнего возраста воспитать в ребенке установки «нельзя!» и «надо!», он и сам воздержится от того, что «нельзя», и выполнит разумное «надо!». Он не терпит только самодурства, тирании родителей. Позднее, пройдя без подавления его личности родителями период оппозиции и вновь с пяти — пяти с половиной лет став покладистым, он подчинится, не унижаясь, выполнит указания других, социальные нормы как осознанную необходимость. А став взрослым, он будет социальным человеком, гражданином не из страха и подавленности, а по велению совести, чести, из порядочности и ответственности.

На протяжении трех лет ребенок, развиваясь, впитывал, запечатлевал мысли, поступки своих родителей, становился похожим на них — яблочком, что падает недалеко от яблоньки. И чтобы у непривычно пораженного горе-родителя не возник вопрос: «Откуда это у него?!», автор настоятельно советует несдержанным на слово и способным на неблаговидный поступок взрослым не забывать, что рядом с ними ребенок.

Здесь автор позволит себе акцентировать внимание на

чрезвычайно, с его точки зрения, важном. Ребенок генетически запрограммирован запечатлеть сущность своих родителей. И природа даст ему возможность запечатлеть истинное в них, отметая шелуху наносного, неискреннего и неистинного. Родители вежливы с соседями, но в глубине души ненавидят их — и ребенок отметает показное, впитывая ненависть. Конечно, малыш станет взрослым, созреет его разум. Его отношения будут определяться сознанием. Но то, что воспринято на несознаваемом уровне, будет воздействовать на разум, а нередко и подменять его, сталкиваться с доводами разума, обрекая человека на внутренний конфликт с самим собой. Отсюда — важность для родителей постоянного самосовершенствования. Воспитывая ребенка, они воспитывают и себя.

Итак, рассмотрев первый период — «период младенчества», второй — «психоэмоциональный» — и третий — «психоречевой», мы подошли к четвертому — периоду становления личности, длящемуся с двух — двух с половиной — трех до пяти — пяти с половиной лет. Очевидно, что периоды не имеют жестко очерченных границ и что не завершенное в одном завершается в другом периоде.

В ребенке третьего года жизни заложены основы эмоциональности, которая формировалась под солнцем нашей любви; он овладевает речью, а с этим глубже познает мир, развивая свой ум, — и мы помогаем ему в этом, много и глубоко беседуя с ним. Теперь, от двух с половиной — трех до пяти — пяти с половиной лет, он предстает перед нами в новом качестве, уже как формирующаяся личность, и мы, воспитывая, воздействуем на ее формирование. Так от младенчества, через ступеньки развития, решается вопрос, каким он будет, наш ребенок, — добрым или злым, альтруистом или эгоистом, оптимистом или пессимистом, уверенным в себе или закомплексованным, скромным или самонадеянным, трудолюбивым или убежденным тунеядцем, ответственным или безответственным.

Достигнув трех лет, малыш бодрствует шесть — шесть с половиной часов, т. е. целый «рабочий день». Но, как известно, дети различны не только по интеллекту, но и по выносливости. Один устает после четырех-пяти часов бодрствования, другой не выказывает утомления и через семь, а некоторые в три года и вовсе перестают спать днем.

Дети третьего года жизни обладают неуемной фанта-

зней. Подобно богам из легенд и сказок, они способны превратить палочку в лошадь, стул в автомашину и одним движением руки породить бурную реку, которую мы, взрослые, увы, уже неспособны увидеть. Из кубиков они строят дворцы, мосты, и эта способность к символическому обозначению всей сложности реального мира через несколько простых предметов приобретает решающее значение в развитии у ребенка абстрактного мышления.

От семи кубиков, обозначавших мост, башню, корабль, до понимания и использования математических символов, нотных знаков, до способности карандашом, пером и кистью выразить на бумаге всю сложность и разнообразие мира — всего только шаг.

И все-таки ребенку должны быть предоставлены все необходимые по возрасту игрушки. Да, детская фантазия делает из палки лошадь. Но справедливо писал Я. Корчак: «Палка для ребенка не лошадь, но, не имея настоящей лошади, приходится мириться и с деревянной. И если дети плывут на перевернутом стуле по комнате — это не катание на лодках по озеру...» (1966, с. 50).

Таким образом, для ребенка необходимо, чтобы игрушка максимально приближала его к реальной жизни, к действительности.

В два с половиной года, рождаясь как личность, овладевая фразовой речью, стремясь к общению с другими детьми, делая первые попытки оценить себя в сравнении с другими и — скажем так — становясь разумнее с каждым днем, ребенок естественно приходит к сюжетно-ролевой игре. Осознавая себя как индивидуальность, он способен примерить к себе роль другого. Он, развиваясь, подражает взрослым. И, подражая им, он сначала принимает роль самых близких из них — мамы, папы, а затем и роли наиболее потрясающих его воображение людей: шофера, врача, пожарного, милиционера, воспитательницы, если речь идет о девочке, посещающей ясли-сад. В то же время для простейшего сюжета созревает и ум малыша. И говоря: «Я буду шофером, а медвежонок и зайчик пассажирами, поедем на дачу» — ребенок творит сюжетно-ролевую игру. Он загрузил самосвал кубиками и повез их на стройку. Пока игру рождает и определяет игрушка. Есть машина — и он шофер, есть самолет — он летчик, есть кукла — и девочка — мама. В развитии сюжета еще нет логики, нет четкой цели. Но, вра-

ящая руль, приняв роль шофера, малыш уже понимает, что он не шофер, а девочка, играющая роль матери, укладывая спать куклу, понимает, что дочь — она сама и все это — «понарошке». Ребенок еще играет в одиночку, даже если рядом с ним занят игрой сверстник. Однако чем ближе к трем годам, тем пристальнее всматривается ребенок в игру сверстника, все ближе подвигается к нему.

Взрослый подсказывает сюжет игры, организует ее, посильно для детей усложняет игру и, развивая сюжет, поощряет инициативу. Детская игра — слишком серьезное дело, чтобы пустить ее на самотек.

Родители и воспитатели в отношении к игре, к занятиям ребенка третьего года жизни не должны руководствоваться столь же древним, сколь и неверным принципом: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало».

Одно дитя тешится тем, что сосет палец, другое — мучает кошку, третье — бессмысленно таскает за собой на веревочке перевернутую автомашину или бегает за старшими детьми, не понимая сути их игры. Ребенок же, которого мы с вами воспитываем, с нашей помощью играет сосредоточенно и осмысленно. Даже игра с кубиками в этом возрасте иная, чем, скажем, год назад, — малыш настойчив, целеустремлен и добивается определенного результата, экспериментирует.

Кто-то возразит: «Дидактика отнимает у детей детство». Это не так. Детство отнимают у ребенка как раз те, кто позволяет ему бессмысленно слоняться по двору или квартире. Только не мешать малышу жить — недостаточно! Перенести обучение на период после семи лет — значит сделать невозможным полноценное обучение в школе. Школа — суровый экзаменатор наших усилий за эти семь решающих лет.

Общение трехлетних — и это принципиально — все сложнее и богаче. В контакте со сверстниками ребенок реализует и свои усложняющиеся интеллектуальные, речевые и эмоционально-нравственные проблемы. Трехлетний скучает при расставании с товарищем по играм и радуется предстоящей встрече. Он симпатизирует, сочувствует, плачет при виде слез и горя товарища, понимает: «Васе больно, он хочет к маме». Он уже, подражая взрослым, дает совет: «Так не надо, собачка укусит», утешает: «Не плачь, мама придет», вежливо просит «Дай покататься». Он не капризничает при отказе в его просьбе. Трехлетние уже могут делить-

ся игрушками, угощают друг друга конфетками и орешками без подсказки взрослого, помогают друг другу. Правда, иногда они упираются и свое не дадут. Но огорчаться не следует. Б. Спок в таких случаях успокаивает: «Если ваш двухлетний ребенок не хочет расставаться со своею собственностью, он ведет себя нормально для своего возраста. Он постепенно станет добрым, когда научится любить других детей» (1971, с. 231).

К трем годам у малыша проявляется избирательность по отношению к другим детям, возникают симпатии и антипатии, привязанности, соперничество, ревность. Ребенок идет на сознательную уступку и компромисс, сравнивает самого себя. Без всей этой сложной начальной школы отношений, гаммы переживаний не стать человеком среди людей.

При правильном воспитании ребенок третьего года жизни проявляет сочувствие к больному и пожилому человеку. Правда, все это еще незрело, но тем не менее это зачатки доброты, способности сопереживать, чуткости.

Трехгодовалый воспринимает юмор, насмешку, конфузится под ироничным взглядом взрослого и смеется над смешным. Перед экраном телевизора он заразительно, громко хохочет над незадачливым волком. Мультипликационный фильм для детей понятен ему и без мамы. А если папа надел мамин халат, он смеется вместе с родителями, а потом попросит папу: «Ты еще надень», чтобы снова посмеяться, и удивится, что уже не так смешно, как в первый раз.

Трехлетний честолюбив и самолюбив. Построив башенку, он хочет, чтобы его труды были оценены. Внимание льстит ему — уж тогда-то он старается да еще и прихвастнет: «Я еще лучше могу!» Одним словом, все человеческое ему не чуждо.

Будучи в этом возрасте эгоцентричным, малыш часто порицает других, указывает на недостатки у сверстника («он плохой, дерется»), жалуется на него маме. Следует ненавязчиво преодолевать такую тенденцию, учить признанию успехов товарища, учить гордиться его удачами и добрыми поступками. Доброжелательность воспитывается! А ведь она — прививка от завистливости — чувства, несущего сердце в самом прямом смысле: у завистливых оно чаще болит, у них чаще язвенная болезнь желудочно-кишечного тракта, гипертоническая болезнь и другие психосоматические расстройства.

Родители, слепо любящие свое чадо, захваливают его и порицают других детей, подыгрывая ему в его эгоцентризме. Он у них всегда прав, виноваты всегда — другие. Малыш обиделся на товарища, заплакал, призвал мать, а она, не разобравшись, не помирив, не указав обоим, как следует вести себя, успокаивает своего, выговаривая чужому ребенку. Сегодня она, пылая «праведным» гневом, оттолкнула трехлетнего «обид'чика» Васю, хотя тот и прав, увела сына, сказав: «Он — плохой, не играй с ним!» Но с кем он будет играть, как будет учиться жить среди людей? Так воспитываются эгоизм и такой несносный тип психозащиты, когда и у взрослого во всех бедах и неудачах виноваты другие. И это большая беда. Человек, воспитываемый таким образом, озлобляется, а главное, не учится на своих ошибках и неудачах, не изменяется к лучшему, не совершенствуется. Васю в его три года оттолкнуть и обидеть нетрудно. Но что произойдет через двадцать лет, когда оскорбленного Васю будет уже не оттолкнуть? Вот тогда-то Вася и поучит нашего эгоиста. Только это будет горше и суровее, чем когда они были трехлетними.

Некоторые родители склонны до детского сада, т. е. до трех лет, а иногда и до школы воспитывать своих детей без детского общества, в семье среди взрослых. Так растут маленькие старички, степенные, серьезные, унылые. Как они будут жить среди сверстников? Как они вообще будут жить, лишенные детства, без оптимизма, жизнерадостности, без друзей?

И говоря о воспитании, Д. Брунер подчеркивает: «Начиная с двухлетнего возраста, окружающие его (ребенка — *В. Г.*) взрослые все больше подчиняют его желания групповым целям; ребенок все менее становится индивидом и все более членом коллектива» (1977, с. 334).

Мы помним: на третьем году начинается период становления личности, ее системы отношений: к себе, к другим, к жизни. К себе — с чувством достоинства, но без зазнайства, без переоценки своих возможностей, без эгоизма; к другим — с чувством собственного достоинства, но уважая при этом чувство достоинства других, на равноправной основе; к жизни — с чувством собственного достоинства, со знанием своих прав, но и обязанностей, оптимистично, но и трезво. И становление такой системы отношений ребенка — задача воспитующих усилий родителей.

На третьем году жизни малыш по малой, но выразительной части воспроизводит целое. Мама нарисовала ушки, а он уже знает: «Это будет заяц!» Мама рисует страшные зубы, а он кричит: «Волк!»

Ребенок третьего года жизни продолжает рисовать карандашом. При этом он способен работать до 20 минут. Вот он, будущий хороший школьник. Ему только третий годик, а он уже пол-урока отсидел над бумагой. Рисует он пока плохо. Штрихи образуют пятна, пучки, клубки. Это некая туманность, ядро, из которого проступает «изображение». Родители привлекают внимание малыша к возникающим контурам, формам, объясняют, что он изобразил. Малыш радуется. Старался, черкал — и вот, оказывается это «дорога», «дерево», «туча», «лужа» и даже «тетя».

Однако при всех успехах ребенка все это — еще подготовка. Время истинного рисования — с трех лет, когда малыш осознает себя индивидуальностью, осознает себя как «я». Он осознал свою принадлежность к человеческому роду и тут же создал на бумаге образ-символ человека — «головонога». Овал — голова, две извилистые линии вниз — ноги. Его человек имеет голову, ноги — стоит, ходит. Верно отображена суть. Вспомним: в научной символике мужчина — ♂ и женщина — ♀, и оценим точность восприятия человека трехлетним — ♀♂.

Покажем его достижения бабушке — и только. Похвалим, но сдержанно. В похвале всегда должна соблюдаться та мера, за которой она переходит в лесть, ложь или насмешку. Детям чрезмерность в похвале так же вредна, как и взрослым. Но совсем не похвалить нельзя, так как похвала стимулирует.

По-прежнему много сил мы уделяем воспитанию последовательности и усидчивости. Главное — пусть доводит все дела до конца. Начал нанизывать кольца на пирамидку — пусть нанижет все восемь, складывает игрушки — должен сложить все. Поиграл — положи игрушку на место. Мелочь — сел за стол, не помыв рук. Один раз, второй, третий... Небрежность станет привычкой, привычка — характером.

В этом возрасте мы наблюдаем первые элементарные попытки планирования ребенком своих действий, когда он собирается, например, построить из кубиков домик или вылепить из песка пирожки. Взрослые должны поощрять эту тенденцию к планированию, проявляя интерес к его

занятиям и давая оценку его намерениям: «Хороший будет домик».

Дети естественно переходят от игры к делу. Если взрослые всей семьей весело, охотно трудятся на глазах у них (на даче, при воскресной уборке, при подготовке к встрече гостей, стирке и пр.), то и дети включаются в работу. Они и так склонны во всем подражать взрослым, а в труде не «понарошке», а «взаправду», когда они ощущают его полезность, когда их время от времени ободряют, поощряют, благодарят, они стараются не щадя сил: и коврик вытрясут, и белье сложат, и тарелку с хлебом поставят на стол, и пыль сотрут.

А на улице трехлетний обязательно поможет маме нести покупки. У него тоже есть сумочка (в ней — граммы, надо беречь его осанку, не следует перегружать одну ручку), и он пусть символически, но участвует в мамином труде, помогает. Так в ранние годы закладывается основа основ — положительное отношение к труду, трудолюбие, отзывчивость. Ему три года. Уже немало. Мать тащит тяжелые сумки, устала, а он идет рядом, не видя этого; более того, он спит и капризничает, требует чего-то, чуть ли не просится на руки. Ему невдомек жалость, понимание... Ну что ж, очень плохо. Упущено многое.

В начале третьего года ребенок осваивает велосипед. Научившись ходить, он стремится побежать, а затем и поскакать. Ему необходима скорость. Она отвечает его важнейшей потребности к ускоренному развитию, движению, к получению новой информации.

Раньше трехлетнего сажали на коня, он вцеплялся в гриву, и коня отпускали, полагая — конь ускакал с ребенком вернется — с мужчиной.

Теперь лошадь заменил велосипед. Он необходим каждому ребенку так же, как ботинки. Вначале трехколесный, потом — по возрасту. Велосипед принесет малышу радость, поможет выработать смелость, уверенность в себе, ловкость, координацию, умение быстро ориентироваться в ситуации, крепость мышц спины и ног.

На третьем году жизни для правильного развития ребенку понадобится ряд гимнастических снарядов. Нужна наклонная доска шириной в 20 см — до 2 лет 6 месяцев и в 15 см — до трех лет и старше. Закрепим один конец доски 20-сантиметровой ширины на высоте 25 - 30 см от пола, и ребенок двух с половиной лет поднимется на указанную

высоту, получится настоящий гимнастический снаряд. Малыш пройдет по нему до конца, мы поможем ему развернуться, и он храбро проделает обратный путь.

Он может передвигаться и по дощечке шириной в 10 - 12 см, поднятой на высоту 20 см от пола, может спрыгнуть с нее. Следует быть особенно внимательным, когда он спрыгнет: его голеностопный сустав и стопка еще плохо приспособлены для подобных нагрузок — возможны травмы. Поэтому подстрахуем его, поддержим. Он поднимается по гимнастической стенке (расстояние между перекладинами 15 см) на высоту до полутора метров и спускается с нее сам, но опять-таки надо быть рядом и подстраховать малыша.

Мяч он бросает одной рукой в кольцо перед собой, а двумя руками — вверх. К трем годам он бросает мяч на расстояние 125 см и перешагивает через веревочку на высоте 30 - 35 см, начинает подпрыгивать на месте на двух ногах, бегает вприпрыжку, перепрыгивает через веревочку или палочку, лежащие на земле.

Правда, бег его еще тяжел, не ритмичен, он ставит стопу плашмя, низка скорость, но у него все впереди.

Малыш этого возраста способен, если его обучать, двигаться в согласии с другими детьми. Его движения красиво и плавно сливаются в общем хороводе с музыкой и пластикой движений группы детей.

На третьем году жизни дети уже ориентируются во дворе, в здании детских яслей, среди людей, во времени («спать буду после обеда и когда станет совсем-совсем темно»).

К трем годам ребенок овладевает основными бытовыми навыками: пользуется носовым платком и салфеткой, чисто моет руки перед едой, опрятно ест, не чавкает; набирает в рот пищи столько, сколько следует для нормального пережевывания, с тем чтобы во время еды ответить в любой момент на вопрос или высказать вдруг пришедшую мысль (а уж высказаться он должен немедленно!); не выходит из-за стола, продолжая жевать, и т. д. В гостях после угощения благодарит — «Спасибо!» Он и лицо теперь вымоет с мылом, насухо вытрется полотенцем, а на ночь вымоет ножки и почистит зубки. Все это, воспитанное так рано, войдет в плоть и кровь ребенка, как будто оно — врожденное.

Но если ребенок аккуратен дома, примерно ведет себя в гостях, а в подъезде и на улице бросает бумагу, пачкает углем стены, обдирает гвоздем краску, то мы его ничему не науч-

ли, кроме чисто внешнего соблюдения приличий.

Трехлетний принесет к столу хлебницу, раздеваясь, расстегнет крупные и средние пуговицы, расшнурует ботинки, теперь уже аккуратно и в должном порядке сложит одежду. Оденется он почти самостоятельно, а взрослый лишь поможет ему: зашнурует ботинки, застегнет мелкие пуговицы, особенно сбоку или сзади, а также поправит то, что сделано неловко. Кстати, в это время малыш уже и сам видит неполадки в одежде и обращается за помощью, если не может справиться с ними сам.

К трем годам ребенок расскажет нам стихотворение из четырех и более строк.

Средний вес трехлетнего — 14 — 14,5 кг, рост 93 — 94 см, объем головки — 49 см. Он набирается сил для решения задач четвертого года жизни, для новых достижений.

Глава IV
Четвёртый год жизни

С 3 лет... ребенок становится способным тайно питать неистовую ревность, исключительную привязанность и честолюбие, еще, быть может, неопределенные, но тем более требовательные.

А. Валлон

Четвертый год стоит особняком среди чудесных лет дошкольного детства.

Известный немецкий детский психолог К. Бюлер писал на рубеже этого века: «...он (ребенок — *В. Г.*) появляется на свет беспомощнее большинства животных, совершенно пассивным, еще лишенным всякого духовного побуждения; спустя три года перед нами стоит духовное существо, перегнавшее всех животных, оставившее их далеко позади, потому что оно говорит человеческим языком, рассуждает, делает выводы, обладает мировоззрением, хотя еще очень примитивным и недостаточным, и некоторым отношением к истинному и ложному, доброму и злому, красивому и безобразному» (1924, с. 15).

Удивительный, таинственный рубеж. Будто некая пелена спадает с глаз в этом возрасте. Так гусеница превращается в бабочку. Как правило, человек помнит себя именно с трех лет. До этого ребенок не осознает себя отдельно от среды, он как бы часть окружающего мира и прежде всего — частица матери.

В четвертый год жизни ребенок вступает, уже осознав свою индивидуальность, свою «я». У него другое выражение глаз, лица. Он задумался о себе. Раньше, задавая вопросы «кто это?», «а он хороший?», он познавал других, не зная себя. Теперь он приступил к самому трудному — к познанию

себя и сам себе задает вопрос: «кто я?», «я хороший?».

Он крепко держался за руку матери, и это символизировало нерасторжимую еще взаимосвязь с ней. Теперь он высвободил руку и делает первые шаги в самостоятельность.

Пришло время осознания своих возможностей. Родители приложили усилия, чтобы он знал то, что положено знать к трем годам, умел все, что положено уметь в этом возрасте, чтобы он не был оторван от детей. Следовало так воспитывать в первые три года жизни, чтобы, осознав себя, ребенок не разочаровался в себе, чтобы не возникло чувство неуверенности в себе — самая больная беда, порождающая нерешительность, робость и тревожность, страхи и сомнения в своей способности преодолеть трудности, достичь желаемого, победить в борьбе, защитить чувство собственного достоинства. И на четвертом году его жизни мы продолжаем укреплять разум и силы ребенка, не вяжем его по рукам и ногам, а, напротив, несем его самостоятельность, укрепляя его веру в себя.

Теперь он постоянно оценивает себя в сравнении со сверстниками, братом, сестрой, другими людьми. Он или робок, потому что осознал свою слабость, недооценивает себя, или смел, потому что осознал свои выигрышные данные, а иногда и переоценивает себя. Осознав себя, он застенчив или назойлив, скромен или самонадеян, сдержан или расторможен. Все это еще только в зародыше. Все узлы завязываются здесь, и этот возраст — истинное начало биографии человека.

Пришло время знать свои права, но и свои обязанности, а также и права других людей. Как раз в это время при неправильном воспитании закрепляются эгоизм, требовательность к другим без требовательности к себе. Это время, когда нравственное воспитание решает, каким человеком ему быть, какой личностью он станет. До трех лет мы внушали ему. Мы говорили: «Ты хороший» — или: «Ты поступил плохо», не объясняя, что в нем хорошего и почему он поступил плохо. Теперь мы убеждаем его, объясняя и приводя доводы. До этого ему внушали: «нельзя!» и «надо!» Теперь мы объясняем малышу, почему нельзя и почему надо. Мы ищем понятные ему слова и доводы, и любовь к нему питает нашу мудрость.

Пришло время готовить его, уже мыслящего, уже осоз-

нающего себя и окружающее, к жизни. Уровень ума — это уровень ориентации в себе, в других и в жизни. Чем умнее человек, тем глубже он ориентирован. Ребенок ориентируется в окружающем его мире через вопросы. Достигнув одного уровня ориентации (в семье, в простейших явлениях, в предметах), он задает новые, более сложные вопросы, ориентируясь на другом, более сложном уровне. Ответы на вопросы ребенка ориентируют его, достигнутый уровень ориентации порождает новые вопросы. И это вечный процесс, но никогда он не протекает так бурно и так наглядно, как в детстве. Генетическая потребность в ориентации — ведущий стимул умственного развития, и вопросы ребенка — орудие ориентации, познания, умственного развития.

Направленностью своих вопросов в соответствии с генетической программой развития ребенок как бы определяет, в каком возрасте, в какие сроки и что именно он хочет знать, в какой информации он нуждается и что способен постичь. И здесь не нужно ничего выдумывать. Ребенок сам своими вопросами задает нужное направление умственного воспитания. Вопросы составляют большую часть его речи. Отвечая на них и в свою очередь задавая их ребенку, требуя толкового ответа и отвечая толково ему, добиваясь понимания обсуждаемого, родители ориентируют его и через ориентацию вытаскивают всю цепь умственного развития.

Вопросы полуторагодовалого «кто это?» и «что это?» (один задаст их чуть раньше другой — чуть позже) — первая элементарная ориентация в окружающем, ориентация в людях и предметах. И только в ответах на эти вопросы он нуждается в данном возрасте. Развивающийся быстрее задаст вопрос раньше, и мы ответим ему. Развивающийся медленнее задаст вопрос позже и дольше задержится на нем. Но мы будем терпеливы, отвечая ему. Вместе с тем, стимулируя его умственное развитие, мы сами зададим ему вопросы, которые должны возникнуть в соответствующем возрасте, и ответим на них, пробуждая интерес к новому.

С двух — двух с половиной лет малыш задаст вопросы «где?», «куда?» и «откуда?», ориентируясь в пространстве, раздвигая границы ориентации, а стало быть, и познания. К трем годам, начав ориентироваться во времени, он задаст вопрос «когда?». Рождаясь как личность, как человек мыслящий, ребенок во второй половине третьего года жизни задает вопрос вопросов «почему?», удовлетворяя возник

ную потребность ориентации в сути явлений, в причинно-следственных связях. «Почему я такой, почему люди такие, почему они разные, почему поступают так или иначе?» Пришло время глубинной ориентации. Пришло время — и ребенок спросил: «почему?» Пришло время формирования осознанных принципов, основ будущего мировоззрения, основ личности. Повторяю: пришло время не внушать ребенку, а убеждать его. В это же удивительное время, где-то в три с половиной года, ребенок спросит: «зачем?», «для чего?», чтобы на пятом году жизни, задав вопрос «что будет?», выйти к ориентации в будущем, к предвидению. Четвертый год — пик натиска вопросов, что свидетельствует о резко возросшей любознательности ребенка. Он буквально терзает родителей. Посудите сами: малыш задает в день до 400–450 вопросов. Но будем терпеливы: человек направлению, вдумчиво исследует мир. И на вопросы следует столько же вдумчивых, серьезных ответов. Полученная информация откладывается впрок как знания, бесценный опыт, как фундамент будущего мышления человека, как основа его ориентации и адаптации в мире. Чем глубже, ярче, образнее ответы, тем глубже ориентация, а стало быть, тем глубже понимание, глубже ум ребенка. Чем глубже ориентация, тем увереннее в себе и самостоятельнее ребенок. И тем больше он как личность.

Таким образом, развитие интеллекта ребенка на четвертом году жизни зависит более всего от качества ответов на его вопросы, хотя и игра по-прежнему важна.

Ребенок видит грозу. «Мама, что это?!» Один вариант ответа: «Не бойся, это гроза. Иди-ка лучше вымой руки, они у тебя грязные». Как будто все правильно. Главное сказано: не бойся, это обычное явление, называемое грозой. И все-таки это вариант ответа «отстань!».

Второй ответ: «Это гром гремит, скоро гроза пройдет, дождик кончится, гулять пойдем». Поступила дополнительная информация: гром связан с грозой и это проходит. Мало! Если такие неполные ответы становятся системой, малыш удовлетворится поверхностными сведениями о потрясающем его воображение и привыкает скользить по поверхности явлений.

Третий вариант: «Это, сынок, гром гремит. Две большие тучи, синие и тяжелые, — видишь, как они низко висят над самой землей, — столкнулись, и от этого грохота и

молнии — искры. Эти искры — электричество. Оно светит нам в лампочках. В туче очень много электричества, и когда одна туча сталкивается с другой, оно превращается в молнию». Ребенок чего-то не поймет, а что-то и осмыслит. Но он получил основательный ответ, последствия которого важны: малыш учится слушать; он осознает сложность окружающего мира и будет стремиться постигнуть его; у него возникнут побудительные мотивы узнать больше; обстоятельный, серьезный ответ важен для самоутверждения ребенка, ощущения самоценности. Заданный вопрос кажется ему и уместным, и разумным, ибо дети, над вопросами которых смеются или от которых отмахиваются, замыкаются в себе, перестают спрашивать (особенно если ребенок обидчив или не уверен в себе, замкнут, боязлив). Формируется ощущение неполноценности. И — что очень важно, — отвечая ребенку серьезно и уважительно, взрослый тем самым воспитывает и самого себя.

Теперь, на четвертом году жизни, малыш с каждым днем действует все более планомерно, задумывая, а потом исполняя намеченное. Сказал: «Буду строить мост» — и строит его. Во время такого строительства он вносит поправки в первоначальный план, совершенствует его.

Родители начинают учить ребенка этого возраста думать, прежде чем высказаться. Это новая, важная и принципиальная фаза в развитии интеллекта и личности в целом. Мать прямо заявляет: «Ты говоришь глупости. Остановись и подумай как следует».

Живой ум ребенка четвертого года жизни проявляется в очень важной для оценки интеллектуального развития способности разгадывать загадки, пока еще простые. Этому следует учить. Пусть сначала подумает. Потом мы поможем ему наводящими вопросами и, наконец, подведем к отгадке. Вслед за первой мы задаем ему другую, однотипную.

Дети этого возраста склонны как к количественной оценке поступков («долго плакал», «много игрушек набрал»), так и к качественной («плохо бегает», «хорошо играет»).

Четвертый год жизни — время систематического обучения умению обобщать. Возросшие возможности ребенка позволяют решительно расширить знакомство с числом признаков, характеризующих предметы и явления. С помощью родителей он свободно выбирает предметы, окрашенные в определенный цвет, равной величины, сходной

формы, определенной консистенции, одной функции.

При правильном воспитании к четырем годам ребенок отбрасывает лишнее в перечне «гуси, утки, куры, зайцы» и объясняет, почему зайцы не могут быть в этом ряду: «Они совсем и не птицы, у них нет клюва, крыльев, у них четыре лапки, у них нет перьев, а есть шерстка и зубы». Чем больше отличий находит малыш, тем, разумеется, он разумнее. Но чтобы он мог полнее выявить все различия в одном случае и все признаки сходства в другом, опять-таки надо постоянно упражнять его в способности размышлять, т. е. учить анализировать, рассуждать, приходить к выводу, умозаключению.

На четвертом году малыш уверенно употребляет все части речи, в том числе местоимения, предлоги «в», «над», «под», «за» и др., прошедшее и будущее время, наречия «завтра» и даже «послезавтра», «давно», «скоро», множественное число; со смыслом заканчивает начатое взрослым предложение; с увлечением рассказывает о виденном на прогулке, пережитом, поразившем его.

Четырехлетний ориентируется на улице. «Это дом», «это завод», «тут магазин», «кино», различает жилые дома и здания общественного назначения.

В своих занятиях он все более усерден, сметлив. Он уже способен правильно соединить две части разрезанной картинки, найти недостающий для завершения постройки кубик, подобрав его по форме и цвету; он располагает два кубика так, что они своими углами придерживают третий, образуя ворота, а соединив таким образом несколько арок, строит длинный мост, высокие башни. Он укладывает кубики, кирпичики ровно, один к одному, соблюдая определенный, заданный порядок; используя цветные материалы, складывает из кубиков, плиток простейшую мозаику.

Четвертый год жизни характерен более всего развитием сюжетно-ролевой игры. На третьем году жизни ребенок примерил первые роли и создал первые простейшие сюжеты. Игру определяла игрушка, и играл он практически в одиночку. Теперь же начинается групповая сюжетно-ролевая игра. Трехлетний уже достаточно самостоятелен и знает, во что хочет играть. В процессе игры ее сюжет изменяется и усложняется. Но ребенок все же еще мал. Поэтому игра еще незрела, идет трудно, с конфликтами и недоразумениями. Без взрослого она еще однообразна. Силы, разбитые

ние детей,
ших. Дети
сюжет ее с
лый. Коро
лям его и
его игру.

Трехлет
нечно, това
когда они
перед всем
собственны
среди них,
малыша же
игре. И как
ности това
и два мину
дают общий

Таким о
нока приноси
только разви
необходимо

Исполня
вживаясь в о
ных: он и зу
повеление. М
ина, об отце и
таки мы вы
пример.

Взяв на
зия и с логи
к другим дет
требовате
он охотно и л
телей, на усв
без предварит
мучительных
непонимание

В игре ма
потому что он
балуясь перво
роли, он следу

Играя, реб

ицие детей, разрушающие игру, пока сильнее объединяющих. Дети пока поминутно отвлекаются. Логику в игру, сюжет ее еще продолжает привносить и развивать взрослый. Короче: и на четвертом году жизни ребенка мы направляем его игру и его поведение. Мы пока опекаем ребенка и его игру.

Трехлетние дети подражают сверстникам, поэтому, конечно, товарищи по игре должны также воспитываться нами, когда они под нашим присмотром. Это наш долг не только перед всеми детьми на свете, но и в первую очередь перед собственным ребенком. Дело не только в том, что ему жить среди них, а и в том, что мы быстрее добьемся от нашего малыша желаемого, если этому будет обучен его товарищ по игре. И как бы мы ни воспитывали своего, при невоспитанности товарища по играм — плюс и минут дадут минус, как и два минуса. В математике воспитания только два плюса дают общий положительный результат.

Таким образом, игра ребенка на четвертом году жизни пока приносит нам много хлопот, но она же и помогает не только развить ум малыша, но и воспитывать его. Теперь необходимое для этого возраста не воспитать без игры.

Исполняя в сюжетно-ролевой игре ту или иную роль, вживаясь в образ, малыш приспосабливается к миру взрослых: он изучает их жизнь, ему становится понятнее их поведение. Можно многое узнать о ситуации в семье малыша, об отце или матери по игре их дочери или сына. Опять-таки мы вышли на поведение взрослых, на родительский пример.

Взяв на себя роль отца или матери, вынужденный в связи с логикой роли быть требовательным по отношению к другим детям, куклам, животным, ребенок примиряется с требовательностью родителей по отношению к нему. В игре он охотно и легко учится выполнять такие требования родителей, на усвоение которых в реальной действительности без предварительного переживания их в игре ушло бы много мучительных усилий с конфликтами, слезами, взаимным непониманием.

В игре малыш научится съедать положенную порцию, потому что он «солдат» или «летчик»; он съедает споро и не балуясь первое, второе и третье блюда, поскольку, приняв роль, он следует ее требованиям неукоснительно.

Играя, ребенок вовремя, по «отбою» — звонку, радиосиг-

налу времени, прощанию диктора телевидения: «Спокойной ночи, малыши» — идет спать. В игре он учится быстро, как «военный», одеваться и раздеваться (для девочки — «как мама»), прямо держать спинку (как «офицер» или «стюардесса»).

На четвертом году жизни в игру ребенка все более входит символика. Начало ее мы отмечали на третьем году жизни, но теперь она явно усложнится. Так, классик детской игры Л. С. Выготский обнаружил готовность к принятию символического замещения одного объекта другим у детей начиная с трехлетнего возраста. В его опытах-играх дети хорошо понимали инсценировку, когда «доктор» (обозначался ножом) на «извозчике» (крышка от чернильницы), подъезжал к «дому» (книга), стучал в дверь, ему открывала «няня» (карандаш) и он лечил детей. Сходство предметов, использовавшихся в игре, с обозначаемыми ими персонажами не играло большой роли. Нужно было только оговорить, «что есть кто», и с помощью выразительных жестов вдохнуть жизнь в перемещающиеся и действующие предметы, символически замещающие людей. Однако до пяти лет ребенок признает, к примеру, лошадь медведем только под воздействием другого лица, но, как только он остается один, лошадь опять станет лошадью. Необходимо достичь умственного скачка пятого года жизни, чтобы он сам придал стулу любое, надобное для игры значение.

Символ — образ, слово или знак, емко охватывающий все разнообразие жизни. На рисунке руки ребенка тянутся к солнцу, и все ясно: это символ мира и счастья. Часто символ — это предмет, наделенный особым значением: знамя, скипетр царя и маршальский жезл, цветок, обозначающий счастье или печаль. Символы — восход и заход, одинокое дерево и плакучая ива. Символы — цифра и буква, ноты и код. Символика обогащает мышление, обеспечивает способность к абстрагированию. Символика — высшая математика мышления. Игра подготавливает способность к абстрагированию, восприятию цифры, буквы, нотного знака, соединению знака и значения, а со всем этим — способность к музыкальному и математическому обучению, чтению и письму.

К трем с половиной годам ребенок начинает осваивать симметрию. Соответственно возникают симметричные узоры и на бумаге. Он учится передавать цвет. Ребенок четвертого

года жизни вначале срисовывает, а потом и сам рисует круг и прямоугольник. Таким образом он также готовится к шести годам написать букву и цифру.

Пластилин он получит в три — три с половиной года. Лепит он вначале огурчик, яблочко и еще что-то, что назовет собачкой. Он радуется возможности создавать объемные предметы.

Воспитанный ребенок этого возраста уже вполне и сознательно вежлив, достаточно сдержан в отношениях с посторонними и в поведении. Родители учат его не перебивать говорящего, а терпеливо ждать своей очереди. Последнее — особенно важно. Не имея выдержки, не научившись терпеливо ждать, ребенок не сможет адаптироваться в дошкольном учреждении; возникнут трудности и более серьезного характера, если, повзрослев, он сохранит эгоистическую тенденцию не считаться с интересами других. Поэтому за столом первая тарелка — пожилому человеку, вторая — пришедшему с работы отцу, третья — ему, маленькому. Во времени разница мизерна, на аппетите, здоровье такая задержка не скажется, а уважение к старости, к труду будет проявлено. А он, малыш, еще должен заслужить право на первоочередное удовлетворение желаний.

Ко взрослому он теперь обращается по имени и отчеству, посторонним взрослым уважительно говорит: «вы», употребляет волшебное слово «пожалуйста».

Он сам открывает и аккуратно прикрывает дверь; помогая, подает тарелку со вторым блюдом, а бабушке — стакан с водой; достает с вешалки пальто и сам надевает его; вспоминает, куда что уложил.

Из достижений этого возраста следует отметить и способность взобраться на скамью шириной всего в 10 см, пройти по ней полтора-два метра (а ведь ее высота 20 см!) и самому сойти с нее. К четырем годам он перепрыгнет через веревочку на высоте 5 см, начинает прыгать в длину. С трех с половиной до четырех с половиной лет его следует научить плавать.

Видный американский психолог, знавший и любивший детство, А. Гезелл писал: «Если представить всю человеческую жизнь в виде одного дня, то период от года до четырех лет составит только час, но в течение этого часа протекает большая часть всего потока развития» (1930, с. 20). Этими словами автор заканчивает главу об удивительном годе, ког-

да подземные воды, набрав силу, вдруг вырываются на поверхность светлым ключом, которому, быть может, суждено стать истоком великой судьбы.

Глава V
Пятый год жизни

Года четыре был я бессмертен
Года четыре был и беспечен,
Ибо не знал я о будущей смерти,
Ибо не знал я, что сек мой не вечен.

С. Маршак

Развитие интеллекта на пятом году жизни сохраняет всю стремительность предыдущих лет. Завершается первоначальное, базовое овладение родной речью. По мнению известных исследователей детства Э. Торндайка, Б. Уайта, Дж. Брунера и многих других, к этому времени ребенок проходит полпути в своем интеллектуальном созревании. По-видимому, это преувеличение, но сомнений в его гигантских успехах на пути психоречевого развития нет.

С четырех с половиной до пяти с половиной лет ребенок достигает таких успехов в осмыслении «я», в самооценке и общении, в речи, обучении, освоении навыков, самостоятельности, т. е. в ориентации в окружающем, что в это время психологи, психиатры, педагоги способны в известных рамках, оценив развитие ребенка, дать прогноз его грядущих успехов в школе, равно как и в более отдаленном будущем.

На пятом году малыш считает до пяти, ближе к пяти годам складывает и вычитает в пределах пяти («было четыре яблока, ты два съел, сколько осталось?»). Кстати, счет до пяти лишь контрольное достижение — многие дети в этом возрасте считают до десяти и более.

Четырехлетний запоминает буквы; запоминает и, соблюдая интонацию, декламирует стихи (четверостишия, восьмистишия и т. д.). Нередко дети этого возраста знают и

декламируют стихи практически неограниченного объема, и это — тоже норма.

Ребенок этого возраста твердо знает свой пол, фамилию и, если его научили, отчество; адрес и транспорт, которым часто пользуется. У него хороший глазомер, и он укажет, какая линия длиннее или короче, если они отличаются друг от друга не менее чем на сантиметр. Из нескольких частей он складывает картинку.

Малыш может командовать, подчиняться, согласовывать свои действия с действиями других. Он соревнуется, стремится к победе, в неудачах более или менее объективно винит себя и других, упрекает, благодарен за помощь и польщен доверием, понимает, что такое личная победа и командная. Ребенок четырех с половиной лет способен сознательно быть дисциплинированным, сдержанным и терпеливым при всей своей несмелости и азартности. Играя в «кошки-мышки», он может подолгу выжидать своего часа, хотя буквально дрожит от напряжения и нетерпения.

По данным А. Декёдр (1925), после трех с половиной – четырех лет дети осваивают тонкие ручные работы, например нанизывание бус на нитку. Развитие тонкой моторики ребенка, ловкости его пальчиков, точности и надежности мелких движений, глазомера по-прежнему важнейшая задача, косвенно способствующая совершенствованию интеллекта и речи.

Совершенствующаяся тонкая моторика в комплексе с завершением базового овладения речью и усилением влияния лобной доли головного мозга в процессах мышления открывают новые возможности обучения малыша. С четырех с половиной — пяти лет можно начинать систематическое обучение ребенка игре на музыкальных инструментах и ожидать успехов в рисовании, лепке. Ребенок пятого года жизни уверенно пользуется карандашом и кисточкой. Он различает и называет теперь не только красный, синий, зеленый, желтый, но и в ряде случаев голубой, оранжевый, фиолетовый цвета.

При направленном и настойчивом обучении многие дети в четыре с половиной года знают уже основные цвета. Родители не преминут, уловив интерес ребенка, например, к песку, отметить его желтизну, синий, голубой, серый, белый цвета моря, голубой и розовый цвет неба. И все же, как правило, практически в этом возрасте еще обходятся двумя

тремя карандашами, к цвету относятся вольно: солнце могут изобразить синим, если попался под руку такой карандаш, а фуражку — красной («потому что она — командирская»).

Изображая человека, ребенок на лице прорисовывает глаза и рот. И не случайно именно глаза и рот. В четыре года он уже настолько умен, что его внимание к человеку глубинно. Он смотрит в глаза, и в общении ему более всего важна речь. На его рисунке лицо без носа. Нам представляется нелепым изображение лица без носа, а малышу нос в характеристике человека ни к чему. Он не понимает его функции — в общении нос не играет какой-либо роли, а раз так, то нос игнорируется. Однако мы скажем ему, что с носом человек красивее, и малыш согласится с нами: он ценит красоту, и нос появится на рисунке. Позднее он научится прорисовывать и уши. Почему позднее? Да потому, что слушать научиться труднее, чем говорить.

С четырех лет малыш все более осознает свое тело, и на рисунке появляется туловище. Руки и ноги теперь он прорисовывает к туловищу — время «головонога» кончилось. Пальцев пока на рисунке нет; частности малышу ни к чему. Он схватывает и рисует самую суть: у зайца уши и ноги — услышать и дать стрекача, у волка глаза и зубы — увидеть и схватить.

От четырех до пяти лет ребенок определяет положение предметов относительно себя: справа, слева, впереди, позади, сверху, снизу, дальше, ближе. Все это с нашей помощью он отражает и в рисунке. Все более совершенствуется глазомер, точнее становится рука. Рисунок усложняется. Заметим, что в этом же возрасте совершенствуется и сюжетно-ролевая игра. Он как бы продолжает игру и на бумаге, творя рисунок.

На пятом году жизни мальчик увлеченно занимается с конструктором: собирает автомашины, вагончики, трактора — все, что видит на улице или на картинке. Девочка этого возраста складывает мозаику, уже хорошо соблюдая симметрию. Заниматься одним делом, не отвлекаясь, ребенок способен 25 минут подряд и, следовательно, уже вполне усидчив.

В первой половине этого года малыш по-прежнему упоен своими успехами, ощущает собственное всемогущество. Сомнения пока редко посещают его.

Обуреваемый жаждой познания, именно в этом возрасте

мальчик устраняет короткие замыкания в электросети, разбирает часы, электробритву, подбирается к приемнику и телевизору. Он неуемен и любознателен, в постоянном движении и поиске. Он исследует подвалы и чердаки, заросли, пруды и пустыри.

К этому времени мы должны принять исключительные меры к обеспечению безопасности ребенка: разобрать ружье, отнести к соседу порох и патроны, спрятать все огнеопасное; унести из дому кислоты и щелочи, все, что ядовито; закрепить кронштейны, починить лестницы, обрезать лишние веревки, снять ненужные провода. Необходимо надежно запереть чердаки и подвалы, заделать выпирающие крючки, гвозди. Электрические провода в пределах досягаемости не должны быть оголены. Закрыть все люки, зарыть старые ямы, засыпать мелкие, топкие бочажки, заполненные водой, арендовать бульдозер и зарыть старые строительные карьеры. Если бы знали родители, сколько детей гибнет в этих ямах, карьерах!

Следует подготовить себя и к возможным имущественным потерям. Мальчик в своем пытливом стремлении узнать «что внутри» может посягнуть и на ценные вещи. Что поделаешь. Но мы неустанно воспитываем в нем ответственность, продолжаем укреплять основу основ: «можно» и «нельзя». Разбирать исправный будильник все-таки нельзя, и такую попытку надо решительно пресекать.

На пятом году жизни у мальчика возникает все больше сложных вопросов. Он непрерывно требует разъяснений. Впечатлений так много, что, не выслушав ответа, он задает следующий вопрос. «Подожди, я тебе об этом скажу, но попозже, а сейчас слушай», — мягко сдерживаете вы его нетерпение, продолжая учить вниманию, терпению, сдержанности, умению сосредоточиться на одном.

К четырем годам ребенок уже способен, как пишет Е. А. Аркин, «к таким сложным и тонким, исключительно социальной жизнью обусловленным чувствам, как любовь, ревность, дружба, стыдливость, гордость, соревнование, стремление к власти, покорность и др.» (1968, с. 96). Что бы могли в таком случае Е. А. Аркин сказать о ребенке пяти лет!

Ребенок второй половины пятого года жизни — маленький философ. Он вдруг задумывается над такими глобальными вопросами, как рождение, жизнь, природа, смерть. «Года четыре был я беспечен», — пишет поэт. Только четы-

ре, ибо к пяти годам ребенок уже знает: люди стареют и умирают. С наивной надеждой он спрашивает мать: «Мама, ты не умрешь?» — и, успокоенный ее обещанием, задумывается над чем-то другим.

Возраст от четырех с половиной до пяти с половиной лет знаменуется новым уровнем постижения себя, других людей и окружающего мира, т. е. качественным скачком в формировании личности. Осознание сложности происходящего вокруг него подготавливает ребенка к выходу на «период застенчивости». Происходит это обыкновенно к пяти с половиной годам жизни. Три года, весь период оппозиции, становления «я» он лепил, наслаждаясь своим сказочным всемогуществом и нашей любовью, страховавшей его от разочарований. Три года он был безмятежным, ибо не догадывался о сложности жизни. Три года прошло с той опрометью несущейся поры, когда он осознал себя индивидуальностью. Три года неутомимого исследования окружающего, неисчислимых вопросов. Но с каждым днем усложнялись вопросы, становились сложнее ответы, ни на миг не прерывалось созревание его интеллекта и эмоциональности.

И вот, столкнувшись со сложностью мира взрослых, осознав несоизмеримость своих истинных возможностей с родительскими, познав неудачи, испытав чувство стыда и страха, наш малыш к пяти — пяти с половиной годам станет застенчивым.

Чувство стыда — стержень застенчивости. Чувство стыда — основа нравственности. Стыд — родник совести. Стыд — хрупкий цветок, но крепче камня оберегает он честь и достоинство. Бесстыдный — бессовестен и бесчестен. Адам и Ева стали людьми, познав стыд. Пробуждайте в ребенке это чувство, оно защитит его от бесчеловечных мыслей и поступков. Обидел животное — стыдно, огорчил бабушку — стыдно, кто-то трудился, а малыш разрушил — стыдно. Хлеб, брошенный на пол, — стыд, жадность — стыд и подлость — стыд.

Ребенок так упорно добивался автономии, самостоятельности, что взрослые ему поверили: опека стала менее назойливой. А он вдруг оробел. Вчера этот горлец рвал свою ручонку из материнской руки, а сегодня он ни на миг не отпускает эту надежную руку. Он стал явно осторожнее, послушнее, возникла или усилилась неуверенность в своих

возможностях, силах. Начинается пятый период развития — от пяти — пяти с половиной до семи лет, период застенчивости.

В период застенчивости ребенок стихийно доходит до мудрого: «Я знаю, что ничего не знаю». Однако в этом спасительном и мудром постижении своей слабости возникает опасность перехода ребенком черты, за которой сомнение и естественная неуверенность в себе перестают быть стимулом к познанию, обучению, а приводят к капитуляции и комплексу неуверенности в себе. И мы ободряем малыша, не запугиваем («чтобы был послушным!»), а, напротив, подвигаем к смелости и оптимизму. Всеми обращениями к нему, всеми действиями мы внушаем ему: «Мы учим тебя, мы готовим тебя, старайся и ты все поймешь, все будешь знать и уметь».

Период застенчивости — это время появления осознанного страха смерти и возможности беды. И мы не пугаем ребенка, но и не обманываем его заявлениями, что смерти и беды нет. Мы говорим ему, что беда угрожает только тому ребенку, который совсем не слушается своих родителей и старших. И добавляем: «А умирают очень старенькие, когда они очень устали и сами хотят умереть».

Никогда более в такой степени не нуждается человек в ободрении, поощрении, сочувствии, понимании, уважении и любви, как в период застенчивости. И только доброта, мудрость, такт родителей и окружающих малыша взрослых обеспечивают нормальное развитие личности в этот период, приводят к тому, чтобы человек, сохранив в разумных пределах это милое и по-своему необходимое человеческое качество — застенчивость, одновременно укрепился бы в чувстве собственного достоинства, в уверенности в себе, в решительности.

Но многие родители, допустив ранее ошибку в попытке преодолеть «непослушание» периода негативизма, теперь ополчаются против застенчивости пятилетнего. «Девчонка», «трусишка» — не жалеет обвинений для сына отец. «И в кого ты такая?» — горестно вопрошает мать, упрекая застенчивую дочурку.

Повторяю еще и еще раз: будем осторожны и чутки с детьми. Грубое, бесцеремонное, психологически безграмотное вмешательство причиняет ребенку вред, нарушает его взаимоотношения с родителями. Повторяю: застенчивость

ребенка с пяти лет и до юности, если она не выходит за рамки психологически объяснимого, не только допустима, понятна, но и естественна, необходима. Если за возрастной застенчивостью стоит понимание своего несовершенства, она — стимул к самосовершенствованию; в ней — осознание своей неопытности и рождение такой милейшей черты характера, как скромность. В возрастной застенчивости следует видеть и учитывать стремление ребенка и подростка защитить свое «я», свое достоинство от бесцеремонного вмешательства.

К. Д. Ушинский с гневом писал: «В ином семействе не пропустят ни одного знакомого, чтобы не показать ему, как хорошо дети декламируют стихи, как хорошо они танцуют, как говорят по-французски и т. п. Как часто на этих экзаменах воспитание так противоестественно борется с врожденной, драгоценной стыдливостью детей; как часто раздувает в них самолюбие, зависть, тщеславие, нахальство, кокетство с такой заботливостью, как будто бы это были лучшие человеческие добродетели» (1948, с. 466).

Период застенчивости — естественный этап психического развития ребенка. И если он отсутствует, мы имеем дело с грубым и роковым пробелом воспитания. Это бывает при отсутствии воспитания, у безнадзорных детей, а также у ребенка, не знавшего родительской любви.

Период застенчивости ставит перед родителями несколько важных вопросов. Выше уже отмечалось, что в пять лет возможен прогноз будущего для маленького человека. В трезвой оценке возможностей малыша — его судьба. Реальность такова, что в пятилетнем возрасте, когда ребенок уверенно владеет речью, достаточно глубоко переживает и достаточно много понимает, когда его умственные способности во многом определились, перед нами оказывается высокоодаренный, средний или слабый по своим умственным потенциям человек. Соответственно различно и их дальнейшее умственное воспитание: его уровень, требования, предъявляемые к ребенку. Разум и интуиция родителей подскажут, кому дано больше, кому — меньше. Если мы с точки зрения развития интеллекта будем воспитывать всех одинаково, умственно одаренный усреднится, средний будет развиваться нормально, слабый же надломится. Ребенка воспитывают индивидуально, по максимуму, но с учетом его возможностей, без надрыва. Мы видим, что Ване

мало того, что ему дают, ему скучно в его возрастной группе, – и мы поднимаем планку все выше и выше. Мы видим, что Коле трудно, и не спешим, работаем с ним в его темпе и на его индивидуальной волне.

Итак, в период застенчивости ребенок обрел, осознав мудрость и силу взрослых, сложность жизни. И сложность, полнозначность этого мира он постигает в игре. Мудрость естественного развития ребенка такова, что в игре со сверстниками застенчивость не проявляется. В игре малыш смел и решителен. Если ребенок застенчив и в игре со сверстниками, с которыми хорошо знаком, это означает, что он страдает чувством несостоятельности, близок к неврозу и нуждается в помощи психотерапевта.

Очевидно, что игра особенно важна для ребенка, переживающего период застенчивости. Именно поэтому мы возвращаемся здесь к теме сюжетно-ролевой игры, уже затронутой ранее, и подробно поговорим о ее значении.

Отдавая дань традиции соотносить развитие ребенка с его возрастом по годам, автор излагает материал в строгом соответствии с годами жизни ребенка, о чем говорят и названия глав. Однако в одном случае такая хронология вступает в противоречие с реальным развитием ребенка. В его жизни есть возраст, когда он движется в умственном развитии столь быстро, что, говоря словами Библии, «земля сама скачет ему навстречу». И это возраст от четырех с половиной до пяти с половиной лет. Автор долгие годы профессионально занимался проблемой умственного развития ребенка и, в частности, детей с задержкой умственного развития, посвятив этому вопросу главу в своей книге «Нервные дети». Автору удалось достичь многого в умственном развитии таких детей, если их приводили к нему до пяти с половиной лет. В пять с половиной лет как бы падает некий незримый флажок на часах, и дальнейшее обучение ребенка уже зависит от уровня его ума, который в пять с половиной лет определился.

И в возрасте от четырех с половиной до пяти с половиной лет, возрасте особого скачка в умственном развитии, сюжетно-ролевая игра ребенка естественно достигает своего апогея. Она все более усложняется. Доминирует групповая игра. Игрушка превращается лишь в орудие игры, и ее реквизит и не влияет на сюжет. Есть автомобиль, но при нужен танк, и автомобиль используется как танк. Если при

до четырех лет ребенок был только актером, а сценаристом, автором игры и режиссером являлся взрослый, то теперь малыш в первую очередь автор и режиссер, а уж потом — исполнитель. В игре кроется внутренняя логика, в самой игре по сюжету формируются цели, сюжет начинает организовывать и определять действия.

К концу пятого года жизни в игре доминируют правила, общие договоренности. Сюжет и роль свертываются. Роль взрослого в организации игры заканчивается. Дети уже самостоятельны, диктат взрослого начинает раздражать.

С шести лет ребенку уже не столь важно, во что играть, а значительно важнее, с кем и как играть, правильно или неправильно, справедливо или несправедливо, честно или с хитринкой, а то и с обманом идет игра. Ему важен ритуал: «Если ты командир, так и будь как командир и играй по правилам!».

На пятом году жизни ребенок живет игрой и его игра — сама жизнь. Крупный исследователь детской игры Карл Гроос полагал: «...мы играем не потому, что бываем детьми, но нам именно для того и дано детство, чтобы мы могли играть» (1906, с. 72). Самый несчастный ребенок, обделенный всем, все-таки бывает счастлив в те минуты, когда играет. В Освенциме, символе ужаса и бесчеловечности, обреченные на смерть нищи своим детям из тряпок кукл. Известный итальянский педагог Д. Колоцца писал: «...уже среди остатков каменного века мы находим маленькие кремневые стрелы и ножи, которые родители еще в те отдаленные времена изготовляли в качестве игрушек для своих детей» (1909, с. 31). Платон призывал предоставлять для игр детей места, посвященные богам.

И значение детской игры трудно переоценить. В играх ребенок наиболее эффективно готовится к жизни взрослых людей, и С. Л. Рубинштейн подчеркивает: «Ребенок, конечно, не для того играет, чтобы приобрести подготовку к жизни, но он, играя, приобретает подготовку к жизни... Он играет потому, что развивается, и развивается потому, что играет. Игра — практика развития» (1946, с. 594). Без игр в детском возрасте невозможно развитие и воспитание ребенка. Игру ничем не заменить, ей нет альтернатив.

В играх ребенок постигает все то, о чем словами не рассказать, — счастье, любовь, восторг, позор и печаль. Все это нужно пережить, и все это переживается в игре. В играх

ребенок испытывает эмоции, которые не могут возникнуть и проявиться в его обычной жизни, имеет возможность отреагировать их мощно, не сдерживая себя среди столь же эмоциональных сверстников. И нет замены детской игре, потому что она учит через радость, восторг и слезы, через споры до хрипоты и рвение — до изнеможения. В игре нет места лени, полуусилиям. Восторг и подъем игры позволяют ребенку во многом преодолеть самого себя, свою слабость и недомогание. Психологи, физиологи экспериментально доказали, что в игре ребенок в полтора-два раза превосходит свои показатели зрения, слуха, физические возможности. И взрослые, способные в деле к крайнему напряжению всех сил, азарту и риску, способны к этому потому, что испытали восторг штурма и натиска в детской игре.

В игре к ребенку приходит первое вдохновение. Оно порождается страстным накалом чувств, абсолютной самоотдачей, слиянием сознания с неосознаваемой сферой психики. И дети в игре талантливы. Великие люди науки и искусства — это люди, сохранившие на всю жизнь детскую раскованность и дерзость, детскую образность и красочность восприятия мира.

В игре ребенок думает в полную силу. Эмоции будоражат ум. В игре развиваются смекалка, находчивость и предприимчивость. Холодный теоретический ум может быть развит у ребенка в общении со взрослыми; живой, практический ум — только в детской игре.

Игра развивает кругозор, воображение. Играя, дети претворяют в жизнь мечты, фантазии. Игра — творчество. С самого раннего детства малыш предпочитает игры, в которых удовлетворяется ненасытная потребность творить. Не случайно Л. С. Выготский называл детскую игру девятым валом развития ребенка дошкольного возраста. Игра раскрывает способности ребенка, но еще и учит использовать их. Ларошфуко как-то заметил: « Мало обладать выдающимися качествами, надо еще уметь ими пользоваться». И уметь использовать свои возможности учит детская игра.

В детской игре кто-то командует и учится делать это справедливо. Кто-то подчиняется и учится делать это без унижения, толково, точно, быстро, решительно. Потом командир и подчиненный меняются местами. Дети, при

выкнис играть в одиночестве, требуют, сталкиваясь со сверстниками, подчинения себе, не будучи способными ни руководить, ни подчиняться.

Пассивный, беспомощный, не способный к полноправному общению с другими детьми, теряющийся в сложных и конфликтных ситуациях ребенок — это ребенок, который не играл с детьми. Он имеет любящих родителей, книги и игрушки, но он не знает детской игры. Он одинок в детстве, но он будет одинок среди людей и став взрослым. Он может получить впоследствии университетское образование, но оно будет значить меньше, чем детский университет общения в играх, этот первоначальный университет жизни.

В игре ребенок сталкивается с более сильной волей или просто с чужой волей, чужими интересами, которые отстаиваются умом и силой, честностью и честью, верностью и смелостью. Он попадает впросак, остается в дураках, оказывается среди неправого большинства и потом переживает стыд и первые муки совести. Он оказывается в правом меньшинстве и, хотя терпит при этом лишения и боль, гордится собой. Он накапливает опыт. Группа равных приучает его к терпимости, способности к уступкам без потери чести и достоинства, к компромиссу. Она наказывает пренебрежение мнением и интересами других, неразумное и эгоистическое своеволие. Она учит дисциплине и соблюдению правил поведения среди людей. Р. Гаупп, проследивший с обостренным вниманием любящего отца и методичностью врача и ученого развитие своих пяти детей, пишет: «Общие игры имеют большое воспитательное влияние... Выносливость по отношению к боли, чувство чести, чувство ответственности и доверия, сочувствие к слабому, чувство справедливости и неправоты — вот те свойства, которые требуются от детей... Ни в каком другом периоде своей жизни ребенок не выучивается столь многому, как в годы своих детских игр» (1926, с. 110).

Игра учит великодушию. В игре не злорадствуют, не оскорбляют проигравшего, помогают тому, кто устал. Она учит проигрывать достойно, не оспаривать свое поражение. Она учит морали, и Д. Б. Эльконин подчеркивает: «Нормы, лежащие в основе человеческих взаимоотношений, становятся через игру источником развития морали самого ребенка» (1960, с. 288).

В игре формируется самооценка. Игра со сверстниками

сурово и однозначно ставит каждого на свое место. Умный — так умный, смелый — и это видно сразу, ловкий — и нет вопросов, сильный — так сильный, и все тут! Естественно, игра более всего способствует развитию ума, смелости, ловкости, силы воли, организаторских способностей, лидерских качеств. Однако все-таки один — умнее, сильнее, он прирожденный лидер, а другой — слабее. И это очень серьезная проблема. Автор говорит о значении детской игры, о ее неоценимом значении для развития ребенка, но есть и опасности, которых следует избежать, наблюдая и контролируя детскую игру. И одна из опасностей — в игре сильный может становиться все сильнее, подавляя слабого. И тогда поговорим о сильных, о лидерах.

По непреложным законам групповой игры в группе спонтанно, т. е. сами по себе, появляются лидеры, способные повести игру, изменить сюжет в соответствии с новыми обстоятельствами, строго соблюдающие правила и условия предварительного уговора, приводящие в исполнение санкции против нарушителей их, определяющие несоответствие роли.

Такие лидеры обычно имеют уже некое психофизическое превосходство над сверстниками. Они разумнее всех в группе, могут организовать игру, у них богаче воображение. Они и смелы, отличаются волевыми качествами, способны убедить и чаще других оказываются правыми. Такой лидер должен быть гибким и компромиссным, чтобы не разрушить игру и группу. Он находчив и смекалист, быстро и легко ориентируется в изменяющихся условиях. Лидер видит промахи и удачи, степень вклада каждого участника в игру. Он способен обуздать и поставить на место сильного, из гнать зарвавшегося, защитить слабого, ободрить растерявшегося, распределить роли с учетом возможностей и пер распределить их в процессе игры. Он ободряет уставших несправляющихся. Он лучше других видит последствия обберегает группу от бед и неудач. Он выдвигается на остр конфликта с другими группами, и его тут же признает лид ром другая группа и ее лидер. Как правило, он облада холерическим или сангвиническим темпераментом и си ным характером.

Разумеется, это истинный и даже идеальный лидер, скор лидер подростковой группы, но зачатки всех перечис ных качеств уже проявляются у лидера группы дошк

особенно в возрасте пяти-семи лет. И все это имеет принципиальное значение.

Особая важность групповой детской игры состоит в том, что более слабый, зависимый, неприметный ребенок имеет в лице лидера образец для подражания. Что наши призывы к ребенку — стань умнее, сильнее, ловчее! А здесь, в детской игре, он тянется за лидером изо всех сил, азартно, истово, само собой, по логике игры и вслед за группой. Мы учим его терпению, компромиссу, великодушию, но это во многом абстрактно, а в группе все происходит само собой, естественно и прочно. Лидер верно оценивает участника игры, и тот в конце концов верно оценивает себя, преодолевая зазнайство, самоуверенность или пагубную неуверенность в себе. Игровая группа во главе с умным и нравственным лидером лучше всего развивает каждого своего члена умственно и нравственно. Группа во главе с лидером — лучшая, наиболее естественная площадка социализации ребенка, принятия им норм общения и взаимодействия с людьми. Группа и ее лидер лучше всего готовят к школе и к жизни. И я бы сказал: у каждого в детстве были родители, но и был лидер двора, в котором вырос, лидер, о котором поет Булат Окуджава.

Однако лидер может иметь и отрицательные качества, отрицательно влиять на группу детей. Тогда и возникает ситуация, когда пошли не за тем и пришли не туда. И родители внимательны к тому, кто лидер группы. Иногда это умный, умелый и даже одаренный ребенок, но слишком проказливый или плохо воспитанный. В этом случае родители ребенка, вошедшего в подобную группу, мягко, ненавязчиво, но твердо корректируют интересы и ориентации такого лидера. Если он умен и нравственно здоров, он гибко и быстро воспримет советы, увещевания взрослого. То же самое, если в группе складывается нездоровый микроклимат, когда сильные становятся еще сильнее, слабые — еще слабее, т. е. некая сильная подгруппа внутри группы подавляет слабых, а лидер на стороне сильных. И здесь возможна быстрая и добрая коррекция. Ведь все они — дети и дети еще малые.

Встречаются, однако, случаи, когда лидером группы детей становится трудный ребенок. Как детскому врачу автору симпатична позиция: все дети хороши, беспорочные, плохим бывает воспитание. Но как детский психиатр автор

встречался в своей практике с порочностью и у шестилетних. Казалось бы, ребенок щедро наделен природой: умен, ловок, красив. Он обаятелен, находчив, имеет все качества лидера. Но бьет из него какая-то подспудная генетическая струя истеричности, жестокости, зла. Все вокруг добро́, но он равнодушен к доброму. Он прямо-таки устремлен к дурному: мучает кошку, присваивает чужое, в нем рано пробуждается повышенная или извращенная сексуальность. Проблема такого ребенка разрешается детским психиатром, психотерапевтом. Родителям же обычных детей автор настоятельно рекомендует уберечь своего ребенка от влияния подобного лидера.

Решительная, уверенная в себе девочка играет со слабой, нерешительной. Она помогает ей, защищает ее. Взрослые умиляются. А врач-психотерапевт с сомнением качает головой. Решительная подчинила себе слабую, несет ее слабость, противится попыткам слабой стать сильнее, играет ею как куклой. Поменяйте их роли, и сильная, почувствовав себя уцемленной, прервет отношения. И первой, и второй такая «дружба» принесет вред, односторонний опыт.

Подобное же случается с близнецами. Они всегда вместе, но один сильнее, увереннее, решительнее другого. И чаще всего этот, сильный, подавляет другого, слабого. Известен такой эксперимент. Из двух совершенно идентичных близнецов произвольно выбрали «старшего». С раннего детства обращались к нему как к старшему. К примеру, деньги на мороженое давали старшему: «Купи себе и брату». Один с самого начала был «солдатом», другой — «сфрейтором». Казалось бы, разница ничтожна, но старший, «сфрейтор», вырос уверенным в себе, решительным, младший — несамостоятельным, застенчивым. Я консультировал ребенка с тяжелым неврозом. Оказалось, что он младший из близнецов и старший полностью подавил в нем все личностные потенции. Была дана рекомендация: срочно развести близнецов, отправив старшего к близким родственникам в другой город.

Или такой случай. Свели шестилетнего с четырехлетним. Младший бестолково повторяет действия старшего, старший, досадуя, что младший не понимает его замыслов, забавляясь, учит младшего проказам или просто ставит его в глупое положение.

Теперь, говоря о сильном и слабом, рассмотрим пробле-

му не подготовленных к игре, а также имеющих иский психофизический дефект, затрудняющий равноправное участие ребенка в игре со сверстниками.

Родители, наблюдая за игрой своего ребенка со сверстниками, нередко замечают, что он выпадает из игры, дети отвергают его. Так происходит, например, когда в игру вступает избалованный, эгоистичный ребенок, не имеющий опыта равноправного и доброго общения со сверстниками. И с самого начала, в соответствии с психологией человека, такому ребенку другие дети представляются «нехорошими», «злыми», не желающими с ним играть. Но ведь дети есть дети, и при грубом несоответствии сверстника интересам группы они его действительно отвергают. Отвергаемые есть в детском садике, во дворе и в школе. А ведь отвергаемому не позавидуешь. Приходит первая горечь ощущения себя как изгоя, ощущение несостоятельности, и нет более горького открытия для ребенка. Подобное развитие событий недопустимо, ибо отвергаемость накладывает на ребенка неизгладимый след и может сказаться на его дальнейшей жизни. Родители в таком случае ищут опытного психиатра и психолога, которые разбираются в проблеме. Прежде всего устанавливаются причины, по которым ребенок выпадает из детской групповой игры.

После первого же контакта с группой детей избалованный, эгоистичный ребенок, не имеющий опыта общения со сверстниками, откажется от игры, заявив: «Мама, я хочу играть с тобой». Мать в таком случае ободряет ребенка и внушает ему: «Дети хорошие, ты просто пока не умеешь играть с ними». Это важный момент. Мать борется со стремлением ребенка во всем обвинять других и с его психозащитной тенденцией переносить на других свои недостатки. Такая позиция матери подталкивает ребенка к самосовершенствованию: прежде всего ищи дурное в себе. В противном случае может вырасти человек, подобный тому, которому Сенека в ответ на его желание посоветоваться в важном моральном вопросе прежде всего с самим собой заявил: «Будь осторожен. Ведь ты будешь советоваться с дурным человеком». Чтобы ребенок не стал дурным человеком, первый урок ему: «Дети хорошие, это ты нехорошо поступаешь с ними — не делишься, не умеешь играть, скандалишь и жалуешься». Родители, осознав избалованность и эгоистичность своего ребенка, стараются устранить причины, порож-

дающие эти недостатки, терпеливо вводят ребенка в группо-
вые детские игры. Без таких игр избалованность и эгоцент-
ричность не преодолеть. Ж. Пиаже особо подчеркивает роль
детской игры в изжитии эгоцентризма ребенка («познава-
тельный эгоцентризм», по Ж. Пиаже). Доказывая наличие
такого эгоцентризма, Ж. Пиаже приводит простой и пока-
зательный пример: ребенок, отвечая без затруднений на
вопрос, сколько у него братьев, не мог ответить, сколько
братьев у его брата, т. е. не способен видеть себя и мир со
стороны. И если игра здорова, если в ней участвуют дети,
равные по возрасту, если в группе играющих есть лидер, то
она справедливо наказывает эгоизм и лечит от него в тот
единственный период, когда это возможно и происходит
наиболее безболезненно. Игра помогает ребенку увидеть
мир шире, чем через призму только своих интересов и
желаний. Он начинает понимать, что в общении с другими
что-то теряешь, но неизмеримо больше находишь, разде-
ляя общую радость и общую неудачу. Он начинает пони-
мать радость соучастия, радость слияния, сопричастности.
Ребенок становится общественным человеком. Так через
игру он учится постигать интересы и переживания
других.

Еще вариант: в игру вступает замкнутый и медлитель-
ный ребенок (флегматический темперамент). Родители
ободряют его и советуют выбирать более подходящие для
него роли: «Играете в футбол — будь защитником; играете в
индейцев — сиди в засаде; пусть другие бегают, а ты будь тем,
кому бегать не следует; все говорят, а ты внимательно слу-
шай — говорящим нужен тот, кто выслушивает их; помни —
нужен летчик, но никак не обойтись и без механика». Конеч-
но, замкнутый может прожить всю жизнь в одиночестве, не
нуждаясь в общении и даже не особенно страдая от этого, но
лучше, если он научится общаться с детьми. И родители
терпеливо подвигают его к общению и игре.

В игру вступает психически инфантильный ребенок. И
мы наблюдаем два варианта адаптации таких детей в груп-
повой игре. Один развит психически, как и его сверстники
по миниатюре. Родители ободряют такого и учат компен-
сировать умом и ловкостью присущую ему миниатюрность.
Такому ребенку всегда найдется место и роль в игре. Но
ловким и быстрым он должен быть обязательно, и родители
сделают все, чтобы он таким стал. Второй вариант: ребенок

успевает все, что
социально. Ему
задерживается в по
в группе шестилет
посмышленее, мо
гуманности. А он
жить среди своих
буждают его к са
займет среди свер
походит в «детях».

В игру вступает
функцией и синдро
но отвлекаем, возб
безответствен, сли
создает игру. Он о
устают от него. Зача
беготне. Такой ребе
тели костьми ложат
кой, успокаивают с
ситуацию и его пром
тельные средства.

В игру вступает а
тот его в группу силь
тельно с сильным по
утихомирят, поучат,
объяснят ему, за что

Ну а если ребенок
детьми младше себя
ительными к нему.
окажется забитым,
рятся с ролью шута
ющего просьбы ти
ви», постоянно слыш
сам».

Игра требует вы
сти и служит осно
ического соперни
соперник и вижу
сей. Родители благо
ельный». Однако п
ринятия всеми серье
сверстником и

усваивает все, что требуется по возрасту, но инфантилен социально. Ему шесть лет, а он играет с трехлетними и задерживается в понимании жизни и норм поведения. Однако в группе шестилетних нужен и «маленький», чтобы те, кто посмышленее, могли, опекая его, заботясь о нем, учиться гуманности. А он пусть вначале присматривается и учится жить среди своих сверстников. Он дозревает, родители побуждают его к самостоятельности, и он в конце концов займет среди сверстников достойное место, а пока пусть походит в «детях».

В игру вступает ребенок с минимальной мозговой дисфункцией и синдромом сверхподвижности. Он чрезвычайно отвлекаем, возбудим и чрезмерно подвижен. В игре он безответственен, слишком шумен и часто разрушает, а не созидает игру. Он отчаянный спорщик, конфликтен, и дети устают от него. Зачастую он стремится свести игру к пустой беготне. Такой ребенок чаще всего тоже отвергаемый. Родители костьми ложатся, чтобы он не выпал из игр сверстников, успокаивают его и детей, настойчиво объясняют ему ситуацию и его промахи. Врач выписывает такому успокоительные средства.

В игру вступает агрессивный ребенок. Родители включают его в группу сильных, даже старших по возрасту и обязательно с сильным во всех отношениях лидером. Пусть его утихомирят, поучат, а если надо, то и накажут. А родители объяснят ему, за что и почему.

Ну а если ребенок умственно отсталый, пусть он играет с детьми младше себя или с добрыми сверстниками, снисходительными к нему. Ведь в обычной группе сверстников он окажется забитым, презираемым, озлобится или примирится с ролью шута и неравноправного, постоянно выполняющего просьбы типа «сбегай, принеси, постой, посмотри», постоянно слышащего: «Отойди в сторону, потом позовем».

Игра требует выносливости, физической подготовленности и служит основой для осознанного стремления к физическому совершенствованию. Нередко на приеме в поликлинике я вижу толстых, малоподвижных, неловких детей. Родители благодушно взирают на этот дефект: «Зато он умный!» Однако последствия нарушений физического развития весьма серьезны. Такой ребенок смешон, жалок в глазах сверстников и, следовательно, в своих собственных

глазах. Неотвратимо, раньше или позже, он воспримет оценку своего «я» сверстниками как истинную, а оценку родителей — как жестокий обман. И тогда происходит деформация личности с тенденцией к замкнутости, одиночеству, переживанием неполноценности, завистью, озлобленностью против родителей и самого себя — аутоагрессией, с самомучительством, стремлением к компенсации в непосильном умственном труде или к невротической капитуляции. Да и умен ли этот эрудит, который, как правило, много знает, много обещает и мало может?

Вот он, толстый, неуклюжий, неловкий, висит как мешок на перекладине. Ковыляет позади всех в походе, портит своим участием игру. Все перепрыгнули через канавку, а он свалился в нее. Досадует воспитатель, потешаются сверстники. Родителям в таком случае впору сгореть со стыда. Его изнежили, и он стал слабаком. Большая беда! До чувства ли тут собственного достоинства?

Ребенок никогда, ни при каких обстоятельствах не должен быть смешным и жалким. Среди первых вопросов, задаваемых мною родителям для психологической диагностики состояния ребенка, вопрос о том, какое место он занимает среди сверстников по умственному развитию, по умениям, по силе и ловкости, по росту, по участию в играх. И я настораживаюсь, если он — среди последних.

Я настоятельно советую употребить все силы, все время на преодоление того недостатка, который препятствует достойному вхождению ребенка в игры сверстников. Его учат, тренируют, готовят. На этом пути малыша не жалеют, ибо, без преувеличения, здесь решается его судьба. И пусть он лучше терпит усталость и даже боль, чем будет терпеть насмешки.

Если у ребенка непреодолимый дефект — нет ноги, руки, он старается стать координатором, организатором игры. Свое место в игре он находит благодаря присущим ему умениям, смекалке, знаниям, находчивости. И родители не истекают бесплодной жалостью к ребенку с дефектом, а развивают его ум и вооружают знаниями. Взрослые в таком случае спокойны, деловиты, оптимистичны. И ребенок успокаивается. Он видит — все нормально, его дефект не исключает его из игры. Первое условие достижения уважения к себе со стороны других — уважение к самому себе. Если ребенок, чтобы привлечь к себе внимание сверстников, согласен на роль

шута, он будет принят в игру. Но роль шута прилипчива. И такой ребенок формируется личностно как шут.

Итак, очевидно: важна установка. Ребенок может быть полноценным и иметь установку, что он дефектен; он может иметь дефект, но ему внушена установка, что он полноценен. Есть в армии простая, но очень верная формула: «Не можешь — научим, если трудно — поможем, но если не хочешь, но надо — заставим!» Это суровые мужские, но верные слова. И родители могут и должны подготовить ребенка к играм с другими. Подготовить любя, но решительно.

Наблюдая за игрой ребенка со сверстниками, родители задаются вопросом: что он ищет в ней и что находит, какие роли выбирает и почему? Все неосознаваемые тенденции выплескиваются в игре. Один, имеющий некий затаенный дефект или ощущение такого дефекта, ищет в ней самоутверждения. Он слаб физически, но упрям и обладает сильной волей. И он задирается, требует главную роль, конфликтует с лидером и, более того, стремится перехватить лидерство. Игра для него — поле боя. У него страдает чувство достоинства, и он борется, доказывает себе и другим, что достоин достоинства. Другой хватается за роль офицера или милиционера, чтобы изжить робость или чувство несостоятельности. Третий неосознаваемо испытывает себя, сомневаясь в себе. Четвертый, подавленный дома властными родителями, ищет в игре свободу, а выглядит распоясавшимся или хулиганом. Но посмотрим внимательно и увидим — это бунт подавленного. И ребенок, подобно больному животному, инстинктивно выискивающему среди множества трав нужные ему, целебные, ищет и в игре целительный, необходимый ему смысл. Эти тенденции также следует распознать, установить, понять и сделать выводы, помогая ребенку преодолеть его проблемы.

Отсюда вытекает еще одна важная функция игры — лечебная. В игре малыш изживает, например, страх одиночества. Играя, ребенок «оставил дома» маму, а сам «ушел в магазин» (вышел в другую комнату). Возвратившись, он успокаивает мать, призывая ее не бояться, поиграть, потому что «дверь крепкая, никто плохой не придет» и «дома никто не боится». Ребенок, которого пугали милиционером, изживает страх, поиграв в милиционера. Заодно, поймав «бандита», он изживет страх перед разбойниками и не будет прове-

рять каждый день перед сном, крепко ли закрыты двери. Он играет роль пожарника, вместе с мамой гасит костерик водой и... перестает бояться огня (невроз после пожара). Поиграв в бабу-ягу, он перестает бояться ее, а заодно, поиграв в чудовищ, инопланетян, роботов, он изживает и эти страхи. Если он боится «волка из леса», которым его пугали, стремясь добиться того, чтобы он съел что-то или лег спать вовремя, ему следует купить маску волка и пусть он в ней побегает за папой, исполняющим роль зайчика, и попугает папу. А потом он сам будет играть роль смелого и ловкого зайца и посрамит волка, в роли которого на сей раз выступает отец. Будет много смеха, и смех убьет страх.

Все пугающее, связанное с ожиданием боли, следует вначале подготовить в игре. Предстоящее посещение поликлиники и даже плановая госпитализация перестают внушать страх, если ребенок играл роль врача, лечил куклу. Делая уколы кукле, он сам перестает бояться их. Пусть поиграет и в зубного врача. Он был в белом халатике (какая мать не сумеет сшить такой халатик), вводил лекарства детским шприцем, и предстоящее уже не так страшит его.

Играя с детьми, в такой же лечебной, мягко направляемой взрослым, полуспонтанной игре малыш незаметно для себя выполнит то, что ранее боялся сделать, войдет туда, куда входить опасался, и т. д.

В группе сверстников ребенка готовят к детскому саду, особенно если он невропатичен. робок или не желает идти в детский сад. Он под руководством мамы — «воспитателя детского садика» — поиграет в «детский сад»; с двумя-тремя сверстниками выходит на прогулку, ложится спать, сел за общим столом с детьми «как в детском саду» — «все дома». Он и сам побудет в роли воспитателя. И по детский сад для него приемлем, понятен и желанен.

Пятый год — это «возраст грации», как именовал известный детский психиатр А. Гомбиорцер. Четырехлетний малыш ловок и динамичен, он прыгает, бегает, делает вместе с отцом и матерью утреннюю гимнастику.

При беге движения его рук и ног координированны, свободно прыгает на одной ножке, к пяти годам прыгает в длину до 70 см, в высоту — до 30 см, способен бежать без остановочно 20 - 25 секунд, занимается гимнастикой 15 минут. Ребенок пятого года жизни в неустанном движении, не знает усталости. Заставлять его вести себя по-взрослому, лишать

возможности двигаться — все равно, что хранить огонь в бумажном пакете. Пришла ко мне как-то бабушка, попросила слезно: «Доктор! Я ведь что прошу: пусть хоть пять минут спокойно посидит». Отвечаю: «Помогу. Гарантирую пять минут его полной неподвижности, если Вы пять минут попрыгаете на одной ноге». Каждому возрасту — свое.

Достижение правильного воспитания — добиться того, чтобы пятилетние смогли спокойно высидеть, занимаясь делом, положенное по возрасту время занятий дома, в детском саду. Остальное — движение, непрерывное, лучше хорошо организованное, но движение, движение, движение.

На пятом году жизни особенно вредно для ребенка пребывание его под присмотром малоподвижного, больного человека. Они несовместимы. Малыш не даст такому человеку ни минуты покоя, а тот стремится связать ребенка по рукам и ногам.

Малыш быстро изнашивает одежду, она буквально горит на нем. И мы, не ограничивая его двигательной активности, говорим ему о необходимости беречь одежду и обувь. Если же он не прислушивается к нашей просьбе, не следует спешить приобретать ему новую одежду — пусть испытает неудобства. Вспомним мудрый совет Ж.-Ж. Руссо: «Он (ребенок — *В. Г.*) ломает свою мебель — не торопитесь заменить ее новою: дайте ему почувствовать вред лишения. Он бьет окна в своей комнате: пусть на него ночь и день дует ветер, — не бойтесь, что он получит насморк, лучше ему быть с насморком, чем безумным» (1949, с. 79).

На пятом году жизни ребенок уже реально помогает матери, ибо может выполнить подряд до трех поручений, высказанных одномоментно. Задания все усложняются, но посылать его за пределы двора еще преждевременно. Девочка способна вымыть и вытереть стаканы и даже тарелки. Но желательно, чтобы они были пластмассовые или алюминиевые — небьющиеся. Девочка этого возраста умеет пользоваться ножницами, а мальчик — молотком.

И последнее к этой главе. Становясь ответственнее, умнее, осторожнее, малыш к пяти годам готов к тому, чтобы выполнить долг старшего брата или сестры. С учетом этого появление второго ребенка наиболее своевременно, когда старшему исполняется три-четыре года. Младший ребенок пойдет, когда старшему исполнится четыре-пять лет. Он уже достаточно умен, в нем заложены основы личности.

Малышу исполняется пять лет, и его переводят в старшую группу детского сада. Семья и воспитатели вплотную приступают к подготовке его к школе.

Глава VI
Шестой год жизни

Разве не тогда я приобретал все то, чем я теперь живу, и приобретал так много, так быстро, что во всю остальную жизнь я не приобрел и одной сотой того? От пятилетнего ребенка до меня — только шаг.

Л. Н. Толстой

Итак, ребенку исполнилось пять лет. Он так много успел, столького достиг к своим пяти годам и продолжает развиваться столь стремительно, что только на краткое перечисление достижений этого года нам потребуется несколько страниц.

Малыш шестого года жизни способен напряженно, до 30-35 минут работать, оставив игры, стремится к овладению грамотой — чтению. Его уже не удовлетворяет посредник между ним и книгой — пришла пора учить его читать. Если со второй половины шестого года его не обучать чтению, он научится этому сам по вывескам магазинов, рекламным стендам, по книгам. Ж.-Ж. Руссо научился читать на шестом году. Он так пишет об этом: «Не знаю, что я делал до пяти-шести лет; не знаю, как я научился читать; я помню только впечатление, произведенное на меня первым чтением; это время я считаю началом моего беспрерывно-сознательного существования». (1949, с. 36).

Ребенок все находчивее в завершении незаконченных предложений. Шестилетний не только обобщает одним словом «овощи» капусту, картофель, свеклу, но и самостоятельно перечисляет то, что относится, скажем, к фруктам. При перечислении «самолеты, машины, поезда, трактора» он выделяет самолет и объясняет: «Он летает, у него крылья»; шестилетний уже способен объяснить основные

различия между, скажем, тем же самолетом и птицей: «Он — живая, а он — железный, у него мотор» (выделению самого существенного надо неутомимо учить). В книге, картине, фильме, спектакле ребенок выделяет главное, способен пересказать содержание, понимает, кто герой произведения, кто действует правильно и почему, осуждает отрицательных персонажей.

Ребенок в этом возрасте уже не испытывает затруднений, излагая свои мысли. В его словаре до четырех тысяч слов.

С интересом слушает он объяснения матери или экскурсовода в музее, охотно посещает детский театр, ведет себя вполне адекватно ситуации.

Он сочиняет сказки, рассказы, понимает вымысел, фантазию и отличает их не только от реальности, но и от лжи, которую осуждает.

Ребенок этого возраста способен выступить перед взрослыми людьми со стихотворением, читая его выразительно, передавая настроение, используя смысловые ударения. Он может спеть и станцевать, сыграть роль в простой пьесе, своевременно подавая реплики, действуя и двигаясь в полном соответствии с указаниями режиссера. Он легко перевоплощается и, играя роль, например, волка, становится свирепым, а выступая в роли зайца — увертливым. В соответствии с требованиями роли он выражает гнев и страх, согласие и несогласие, задает вопрос и утверждает.

Он изучает алфавит, составляет слоги и запоминает написание нескольких слов, выделяя их в тексте печатными буквами пишет некоторые слова из трех-четырех букв и полностью свое имя, разумеется, допуская при этом чудовищные ошибки. Он считает до десяти и более, в пределах десятка вычитает и складывает. Понимает сюжетную связь трех картинок, составляя по ним рассказ, сказку.

Шестилетний указывает на ошибки и неточности в рисунке, исправляет, дорисовывает недостающее; угадывает по частям целое (он это делал и в два с половиной-три года, но по особо характерным чертам и деталям).

Рисуя человека, ребенок шестого года жизни уже изображает на лице нос, пририсовывает уши, а между головой и туловищем намечает двумя линиями шею (это очень тонкая и важная дифференцировка!). Руки и ноги у человека теперь «полные», т. е. двумя линиями намечается их объем.

Пальчики пятилетнего все более ловки. Он осознает их значимость. И они появляются на рисунке при изображении человека. На голове у нарисованного человечка шляпа, на теле одежда, через которую еще пока проступают линии тела, на ногах — обувь.

Известный исследователь детского изобразительного искусства Е. И. Игнатьев, уже упоминавшийся автором, пишет: «Рисовать целые картины по замыслу дошкольники начинают обычно в возрасте около 5 лет» (1959, с. 42). С этого возраста дети сами придумывают содержание рисунка, быстро совершенствуясь в этом. Созрел ум, развита фантазия, есть план и замысел. Содержание и качество рисунка указывают на уровень психического развития ребенка. Вначале малыш рисует не как видит, а как знает. Мы покажем ему бульдога. Он посмотрит, но на рисунке — овал, четыре палочки — ноги, хвост и, как может нарисовать, — морда. Мы показали ему овчарку. Он посмотрел, а на рисунке — овал, четыре палочки — ноги... Мы попросили нарисовать папу, маму и себя. Все одинаковы, только разной величины. Но родители упорно указывают на различия, на индивидуальное. И вот постепенно, шаг за шагом с пяти до шести лет — год великого умственного прорыва — он начинает отражать то, что видит. У бульдога широкая морда, у овчарки — вытянутая; у папы большой рот и усы, короткие волосы, а у мамы большие глаза, маленький рот, а у себя... а у себя — в зависимости от того, кого в семье ребенок больше любит. Больше привязан к отцу, и лицо на рисунке у ребенка меньших размеров, но лицо отца. Больше привязан к матери, и тогда его лицо на рисунке похоже на материнское.

Чем глубже ребенок интеллектуально, эмоционально, творчески, тем неожиданнее рисунок и тем выразительнее использованы краски. У неразвитого и рисунок невыразителен, и краски бедны, как бедна и его эмоциональность. Неразвитому не выйти на рубеж рисования с натуры. Он и в семь лет будет рисовать как знает, а не то, что видит. Он обречен на срисовывание. Папа нарисовал собачку, и он повторяет и повторяет рисунок папы. В школе он начнет списывать у других, а задачи будет решать только те, которые его научили решать, так и не шагнув от того, что знаешь, к тому, что еще надо решить, опираясь на известное.

Итак, развитый ребенок все с большей точностью

отображает реальный мир, ибо все более наблюдателен. На цветке он изобразит пчелу, а сам цветок — с лепестками и тычинками. Как отражение крепнущего разума ребенка шестого года жизни, все более глубокого проникновения его в причинно-следственные связи. У коровки на рисунке появляются рога — она бодается. Машины изображаются с рулем и фарами, ибо малыш понял их назначение в реальности и тут же выразил свое понимание в рисунке. Он видит шофера в машине, он играл в шофера и знает его роль и место — и он рисует себя в машине за рулем. Талантливые дети неуловимым движением карандаша придадут коровке меланхоличное и доброе выражение, она задумчиво держит во рту цветок.

Краски и кисть целесообразно дать ребенку по достижении им пятилетнего возраста. Родители знакомят его с гуашью (водорастворимой краской с примесью обелил). Вначале ему дают одну краску, а когда освоится, научится правильно применять ее, и остальные — столько, сколько цветов он знает, и прежде всего красную, желтую, зеленую и синюю. Этого хватит, чтобы изобразить солнышко, небо, море, песок, листву, траву, платье. Ребенок учится аккуратно набирать краску только на ворс кисточки, не пачкая палочку, лишнюю краску оставлять в тюбике отжимающим движением, держать кисть пальцами, краску наносить на бумагу мягко, аккуратно и экономно. После рисования он отмоет кисточку, осушит ее тряпочкой и поставит в стакан ворсом вверх.

С пяти лет малыш занимается аппликацией. Только теперь он настолько зрел, чтобы получить ножницы и остаться с ними, пока взрослые в другой комнате. Созрели и пальчики. Нигде так, как в воспитании, обучении, не важен принцип: «Каждому овощу свое время». Правда, ребенок и в пять лет еще держит ножницы неловко, режет только по прямой да и с нее сбивается вкось и вкривь. Но он учится, тренируется и вот уже режет по линии, повторяя ее изгибы, вырезая довольно сложные узоры, фигуры. Вырезал, наклеил на бумагу. Вырезанное темного цвета, бумага — белая. Красиво, выпукло, рельефно. Из цветной бумажки по нарисованному вырезал уточку, наклеил — поплыла уточка!

Что значит для ребенка рисование? Для чего надо учить его рисовать? Ответ на этот вопрос мы находим в трудах Н. П. Сакулиной, специалиста по детскому творчеству: «Дети, конечно, не делаются художниками оттого, что в течение

дошкольного детства им удалось создать несколько действительно художественных образов. Но в развитии их личности это оставляет глубокий след, так как они приобретают опыт настоящего творчества, который в дальнейшем приложат к любой области труда» (1965, с. 106). В этом — главное. Рисование, базируясь на образном мышлении, развивает его, а с этим — творческое начало в человеке.

Через рисование реализуется талантливость ребенка, его потребность в духовном самовыражении, в интеллектуальном и эмоциональном развитии. Но рисование еще приобщает малыша к культуре. Он рисует и рассматривает нарисованное и написанное другими, в том числе — мастерами живописи. Так он соприкасается с миром прекрасного и начинает жить не хлебом единым.

Рисование — игра, оно подчинено всем законам детской игры. Рисуя, как и играя, дитя готовит себя к жизни. Рисунок, как и игра, имеет свой сюжет, мотив, роль, героя. И мы помогаем ребенку овладеть рисованием, как помогали ему в игре. Но рисование — игра индивидуальная. И оно учит действовать и решать проблемы самостоятельно, учит трудиться, неоценимо как средство развития мышления, эмоций и формирования характера.

Однако рисование не отрывает от сверстников, не замыкает в индивидуальном мире. Ребенок рисует индивидуально, но часто рядом с детьми. Он демонстрирует свои рисунки, объясняет их, обсуждает, советуется, учась таким образом общению. Он рассматривает чужие рисунки, оценивает их, рассуждает, спрашивает, делает выбор, т. е. развивается умственно и эстетически. Так малыш возвращается к сверстникам, совмещая индивидуальное и групповое, идет от рисунка к реальности, к сверстникам, а от реальности — вновь к рисунку.

Рисунок еще и тест умений, характерологических особенностей, особенностей реагирования, направленности и мотивации личности, ее потребностей. Рисунки выявляют переживания ребенка, его эмоциональное состояние. В них радость или страх, нашность или горький опыт (отец с бутылкой, мать с палкой, дед с ремнем, бабушка с широко открытым ртом — кричит). В рисунке — оптимизм и тревожность, раскованность и принужденность, зависимость и автономность.

Ребенок рисует то, что его интересует, волнует. Он не столько отображает, сколько выражает свое отношение к изображаемому.

Стеснительный, подавляемый ребенок рисует себя только в доме, как оно есть, или в широком поле, как мечтает, чтобы было. А то и в лодке — уплыть подальше.

Девочка с истерическими тенденциями ведет себя демонстративно, стремится носить яркую одежду, большие банты — и в рисунке все крикливо, она всегда в центре, ярче всех раскрашена.

Мальчик без отца рисует себя вдвоем с мамой, как оно есть, или «с дядей», как мечтает. Отец строг — и на рисунке он большой, грозный, а если он унижен в семье — маленький и в сторонке, если все члены семьи раскрашены цветными карандашами, он — нет.

Один рисует подробно, с тщательной отделкой деталей — этот педантичен; другой — мощно, несколькими линиями или мазками, обозначая главное, — и это личность с формирующейся широкой мыслью. Этот раскрасил тщательно, четко соблюдая границы предмета; другой только наметил цвет. Один рисует скромно, на маленьком листке, другой — буйно, размашисто; один — напоказ, другой — для себя. Один муху величиной со слона, на весь лист, другой — слона как муху и в уголке листа. И все это — характеры.

Проходит время. Рисунки меняются, на них отображается динамика переживаний ребенка. Страх преодолен или усилился, отец рисуется все ближе и красочнее или все дальше... Для внимательного и умного человека детские рисунки — пища для размышлений, анализа и важных выводов.

Чрезмерная детализация в рисунках, направленная на украшательство изображаемого, стремление к «красивости» может свидетельствовать о снижении интеллекта ребенка и, наоборот, способные дети нередко создают схематичные рисунки, ясные, как чертеж.

Рисунок лечит. В рисунках ребенка не только отражение переживаний, но и преодоление нежелательного. Огонь, которого малыш так боится, обуздан на рисунке синими струями воды, и последующие рисунки изображают укрощенное пламя. Волка окружают охотники, злая волшебница повержена. Теперь она на рисунках маленькая и смешная, совсем не страшная. Малыш держит руку отца

(сблизились, примирились, поняли друг друга), бежит впереди ребят в фуражке командира.

Н. П. Сакулина, педагог и автор многих работ, посвященных детскому рисунку, пишет: «Передовые воспитатели неоднократно описывали случаи из своей практики, когда именно продуктивная творческая деятельность позволяла им найти ключ к своеобразию личности ребенка... По мере формирования способностей к данной деятельности у детей развивались цепные черты характера, вся личность ребенка как бы выпрямлялась, происходил интенсивный скачок в развитии» (1965, с. 161).

Тем более рисование не должно быть источником психотравматизации. Школьница, лечившаяся в нашем отделении по поводу тяжелого невроза, надломилась в дошкольном возрасте, когда ее рисунок на международном конкурсе получил золотую медаль. Рисовал ребенок для себя, и получились сами собой, как песня, несколько удачных рисунков — и вот медаль, письма авторитетного международного деятеля. Набежали корреспонденты, затормошили девочку. Взволновались родители: в радужных мечтах рисовались слава и почести, знакомые и родные предрекали блестящее будущее.

Ребенка усадили за мольберт, собрались вокруг и благоговейно стали ждать рождения новых шедевров. Девочка испугалась. Вначале впала в пуэрильность — вернулась под влиянием страха к ясельному возрасту, стала рисовать штрихами и каракулями, потом агрессивно и навсегда отказалась от рисования. Потрясение было настолько непосильным, что ребенок замкнулся в себе и у него возник невроз.

Родители приобщают ребенка к прекрасному, к культуре, к искусству не только через книги, рисование и восприятие живописи, но и вводя его в мир музыки.

Музыка изначально живет в человеке, ибо биологические ритмы, само дыхание и биение сердца, первые звуки, рождающиеся в гортани ребенка, нежный голос матери — музыка. Шекспир писал:

Нет на земле живого существа
Столь жесткого, крутого, адски-злого,
Чтоб не могла хотя на час один
В нем музыка свершить переворота.

Кто музыки не носит сам в себе,
Кто холоден к гармонии прелестной,
Тот может быть изменником, лгуном,
Грабителем; души его движенья
Темны, как ночь...

Нет народа, которому были бы чужды ритмы, мелодичность, музыкальность. Прапращуры вплетали музыкальные узоры в ритуальные танцы. Музыка ободряла, помогала изжить страх, приносила ощущение единения, сопричастности, общности и в то же время служила целям самовыражения. Музыка ритуального танца объединяла слабого и сильного, юного и зрелого, звала к выполнению долга. Через музыкальную символику древний человек сливался с природой, преодолевал слабости в самом себе.

Лишить ребенка музыки невозможно. Музыка окружает его. Музыка — это тяжкий хруст земли под напором великих рек, рокот разбивающихся о скалы волн, треск и хохот огня, хлопок раскрывающегося ранним утром цветка, глухой стук упавшего с дерева яблока, эхо скупых кукушкиных лет.

Музыка — это тишина и шум толпы, шепот и крик, лепет ребенка и голоса женщин, смех и стенания, удивление и разочарование, зов и пророчество, жалоба и обличение, отчаяние и вера, память и забвение.

Музыка — это свет и тьма, добро и зло, связь времен, расцвет и увядание, колыбельная и реквием.

Музыка — это дети, это я и ты, это мы все.

Музыка — это радость любви к ребенку и печаль невосполнимых потерь.

Поэт Н. Рубцов (Избранная лирика, 1977) так воспринимает музыку печали:

В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез,

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем.

Музыка поднимает человека от малого, частного, сиюминутного до великого, общего, вечного. Музыка развивает творческое начало, пробуждает человеческое в человеке.

Музыка — само детство, радость жизни. Мало людей на земле, кто не засыпал бы в детстве на руках матери под ее ласковый и мелодичный напев. И нет народов, у которых не было бы колыбельных песен. Они сливаются с образом матери, образом детства в ту нежность, которая сохраняет в душе человека светлые побуждения и любовь к жизни в самых тяжких невзгодах. Рабиндранат Тагор писал:

Я никогда не вспоминаю мать
И лишь порой, когда я выбегаю
На улицу с мальчишками играть,
Какая-то мелодия внезапно
Овладевает мной, не знаю где родясь, —
И кажется мне, словно это мама
Вошла ко мне, с моей игрой слилась.
Она, качая колыбель мою,
Быть может, эту песню напевала,
Но все ушло, и мамы больше нет,
И песни маминой не стало.

Громовая музыка последних десятилетий, грохот гигантских городов и современного транспорта, транзисторов и магнитофонов притупляют орган слуха. Однако многие не замечают притупления слуха, но все высказывают сильное беспокойство при ухудшении остроты зрения. Почти никто не стремится к коррекции слуха, но многие носят очки.

Тенденция к дискриминации органа слуха поддерживается всем укладом жизни современного человека. Ему нет нужды ради самосохранения прислушиваться к легкому треску сухой листвы. Автомашину необходимо увидеть, чтобы не попасть под ее колеса, — водители не подают звукового сигнала. Никто в сердцах не крикнет неосторожному пешеходу: «Ты что — оглох?!», а укоряют: «Ты что — ослеп?!»

Однако слух следует беречь, развивать, как и способност
слышать и слушать. Малыш любит слушать. Природа
предусмотрительно вложила его возможности постигнуть
грамоту, прежде чем он не научится слушать и говорить.
Мать читает — он слушает; она напевает, и он подпевает ей.
Ребенок воспроизводит мелодию в то же время, когда
овладевает фразовой речью — к двум годам. И если таинство
слияния двух голосов, матери и ребенка, в мелодии
происходит так рано, значит, это необходимо ребенку,
отражает потребности его духовного развития. Речь и музыка,
проникая в психическую сферу через чуткое ухо, развивают
ребенка, и малыш не только смотрит во все глаза, но и
слушает во все уши. До пяти с половиной лет доминирует
правое, творческое полушарие головного мозга. Если говорить,
что всему свое время, то время первых музыкальных
впечатлений совпадает со временем овладения речью. И
мы вводим ребенка в мир музыки с самого раннего детства:
он слушает звон весенней капели, шум осенних дождей,
шелест листвы и свист ветров.

И малыш отзывается на музыку. В нем сначала просыпается желание вторить, а потом, возможно, и творить музыку. Ребенок познает радость слияния с музыкой, его охватывает чувство взволнованности, восхищения, сопричастности к гармонии и красоте. Музыкальное воспитание начинается с полутора месяцев.

С полутора месяцев ребенок выказывает эмоциональное оживление при виде матери, быстро увязывает ее облик с ее голосом, радуется ласковым интонациям его, улыбкою перекликается с ней, когда наступает период гуления, и с четырех с половиной месяцев этот нежный дуэт настолько мелодичен, что гуление теперь носит наименование «свирели». И когда наше дитя в самые ранние месяцы жизни мелодично гулит, ритмично вскидывает ручки — это начало, известное начало музыкальной отзывчивости.

Понемногу, осторожно, как звуковой фон мы включаем у колыбели ребенка с полуторамесячного возраста тихую и спокойную мелодичную музыку. Она должна быть приятна ему, и мать видит удовольствие или беспокойство ребенка, меняя, если надо, одну мелодию другой. К трех-четырехмесячному возрасту дитя охотно слушает пение с мягкой и ласковой интонацией. Если родители выходят из комнаты, они оставляют ребенка наедине только с известной

сму, приятной для него музыкой. Следует понимать границы его возможностей, не допускать переутомления музыкой и связанного с этим недовольства, протеста. От громкой, «агрессивной» музыки дитя цепенеет, а молодые родители могут полагать, что ребенок спокойно и охотно слушает ее. Поэтому неподвижность ребенка, а тем более плач — сигнал к смене пластинки или к выключению музыки. Ребенок улыбается, тянется к источнику музыки или спокойно бодрствует в колыбели — все в порядке, музыка хороша для него.

С восьми месяцев малыш отзывается на плясовой ритм. Мать похлопывает в такт музыке ладонями и плавно, ритмично исполняет танец рук. Руки матери — лебеди, и чем выразительнее их движения, тем больше радости и впечатлений у ребенка.

В руках матери появляются две ритмично покачиваемые погремушки, деревянные ложки. Уместна и губная гармошка, дудочка. Это уже как бы оркестр.

К году, когда дитя свободно стоит, мать приплясывает под музыку, вызывая у ребенка эмоции радости. Присоединяется в манежике и он. В целом к году ребенок лишь привыкает к музыке, приучается слушать, вслушиваться, ему прививается потребность в музыкальных впечатлениях.

Воспитывая ребенка, мы следуем за его естественными возможностями и потребностями его развития. Ребенку доступна мелодичная музыка, она созвучна ритмике и пластике его естественных движений, его мироощущению, и она, такая музыка, должна войти в его жизнь. И в музыкальном воспитании не следует забегать вперед, предлагая малышу недоступное для него. От года и до пяти лет в детской господствует нежная, напевная музыка. И малыш движется в соответствии с ее ритмом, хлопает в ладоши, притопывает, пританцовывает. С трех лет ребенок уже узнает полюбившуюся ему мелодию, просит повторить, все чаще подпевает сам, воспроизводя ее. Он уже настолько сжился с музыкой, что лишение ее воспринимает как наказание и выражает протест, если музыка неприятна ему. Он движется под музыку в игре, на музыкальных занятиях. Выполняя простейшие танцевальные движения. С четырех лет малыш танцует и поет при музыкальном сопровождении, и с пяти лет ему доступна для восприятия классическая музыка.

Развитие ребенка продолжается по своим законам. Шестилетний, строя, использует все большее количество разнообразных кубиков. Вместе с тем ребенок продолжает нуждаться в игрушке. Поскольку детям жить в будущем, для них не должны производиться игрушки, имитирующие машины прошлого, — паровозы, колесные пароходы и т. д. Чем больше сложных современных игрушек получат мальчики, тем больше число технически одаренных людей будет в данном поколении.

Однако есть тут одна важная оговорка. Сложную техническую игрушку, детский компьютер родители предоставляют ребенку не ранее пяти с половиной лет. Эти игрушки развивают левополушарное мышление, в то время как до пяти с половиной лет необходимо развивать правополушарное. Формальное, строгую логику мышления человек постигает всю жизнь, а творческое, образное, талантливое, чем так богато раннее детство, расцветает в дошкольном возрасте. В этом же возрасте творческое начало в человеке можно развить или погасить навсегда. До пяти с половиной лет ребенок больше нуждается в игре на лужайках парка, на берегу водоема, среди цветов и птиц, в свободной игре с фантазией и выдумкой, в простой игрушке из жизни: в кукле, лопатке, а также в уходе за собачкой, хомячком, рыбкой. До пяти с половиной лет ребенок сядет на игрушечной автомашине и перевозит грузы, с пяти с половиной лет — разбирает и собирает автомашину.

Таким образом, до пяти с половиной лет смена источника питания в автомашине (батарейки) — забота отца, с пяти с половиной лет — ребенка. Другое дело ключи, гайки и болтики, реечки и планочки, конструкторы — все, отвечающее как раз творческим замыслам ребенка, все, из чего можно построить мост и тоннель, дворец и башню, машину и самолет. Получив вышеперечисленное в возрасте четырех — четырех с половиной лет, ребенок продолжает использовать все это еще с большей выдумкой и в шесть лет.

Шестилетний сам целиком придумывает сюжет игры и развивает его, не нуждаясь больше в помощи *взрослого*, проявляя все больше смекалки, фантазии, *находчивости*. Он стремится к престижной роли в игре и *избегает* ролей отрицательных и тех, в которых мало *действия*.

У ребенка этого возраста уже свое *представление* о красивом и некрасивом, интересном и неинтересном, свой

вкус, в соответствии с которым он отдает предпочтение каким-то книгам, картинам, определенным музыкальным произведениям. И от родителей зависит, восхищается ли он безвкусными лебедями на клеенке или иллюстрациями Юрия Васнецова, Евгения Чарушина.

Шестилетний не только понимает недопустимость порчи того, что его окружает, недопустимость нанесения вреда природе, но и оберегает от других — маленьких детей, домашних птиц и животных — цветы, кусты, клумбы, лужайки, создания рук человеческих; он не сорит, охотно убирает мусор, так как беспорядок и грязь раздражают его. Разумеется, он такой не потому, что ему исполнилось шесть лет, а оттого, что все шесть лет его правильно воспитывали и развивали.

Шестилетний вполне самостоятелен и уже способен обслужить себя. Он должен уметь правильно пользоваться вилкой и ножом. Он аккуратен во всем, без каких-либо скидок на возраст.

Девочка этого возраста готовит стол к каждодневному обеду, подает все блюда, в том числе и первое, и помогает матери сервировать праздничный стол. Она проявляет известный вкус при оформлении интерьера, в одежде, в восприятии окружающего.

Шестилетний силен физически. Он бегает, соревнуясь, на дистанцию в 15 - 20 м, прыгает в высоту до 40 - 42 см и на 80 - 90 см в длину, переносит в каждой руке по килограмму или два килограмма поклажи в ранце.

Шестилетний созревает для планомерного обучения как личность — в социальном, интеллектуальном, эмоциональном и физическом плане. Мы рады тому, что он рьяный и благодарный ученик. Мы испытываем к нему уважение, охотно обмениваемся с ним впечатлениями о том, что видим, о том, что знаем. Мы рады ему как очень своеобразному собеседнику с неожиданной и навсегда утраченной нами особой свежестью восприятия. Чему-то, наверное, мы и сами учимся у него. В его суждениях, в его поведении непосредственность, живой ум, своя мудрость, такт, деликатность, правдивость, прямота, честность, благодарность и обида без злобы, зависть без коварства, любовь и подкупающая эмоциональность. Таков человек в возрасте от пяти до шести лет. Рядом с ним и мы хотим быть лучше, чище в помыслах, мудрее.

Глава VII
Седьмой год жизни

Отрок... дитя от 7 до 15 лет, а пора эта: отрочество, отрocческий возраст

В. И. Даль

Вот и подходит он к отрочеству, наш малыш, наш умница. «Скоро в школу!» — твердят ему родители. «Скоро в школу!» — ликует он. Все предшествующие годы, развивая ребенка физически, эмоционально, интеллектуально, нравственно, эстетически, мы готовили его к школе, к серьезному труду. Теперь же, на седьмом году его жизни, все поведение взрослых и воспитание направлены на формирование у ребенка «позиции школьника», т. е. положительной установки на обучение в школе, на достижение определенного успеха в учебе, на особое, благоговейное отношение к первой учительнице.

Личность характеризуется ее потребностями. Есть потребность в интеллектуальной пище, в информации, в размышлениях, в наслаждении умной беседой, чтением, искусством — музыкой, живописью. Есть радость в общении с природой. Есть потребность в самоутверждении, в лидерстве, в том, чтобы состояться как личность. Очевидно, что это высшие человеческие потребности. Есть материальные потребности: в доме, мебели, машине. Есть биологические потребности — в пище, питье, в продолжении рода, в отдыхе.

Большая беда, если к семи годам все потребности ребенка сводятся лишь к поискам развлечений, забав и диктуются лишь эгоистическими тенденциями. Ему уже семь лет, а он бы только бегал, только бы смотрел телевизор — он бы только потреблял.

Стремление к планомерному, систематическому обучению у правильно воспитанного ребенка к шести-семи годам становится потребностью. Равнодушие к оценке своих возможностей, сравнению себя со сверстниками (в чем он лучше и в чем слабее), отсутствие естественного стремления быть более умным, более сильным, более быстрым и ловким — большая беда. В одном случае за таким равнодушием стоит бравада или протест, вызов трудного ребенка, в другом — забитость потерявшего веру в свои силы, в третьем — легкомыслие, в четвертом — неразвитый интеллект, в пятом — инфантилизм.

Потребности ребенка формируются родителями. В доме, где все читают, тянется к чтению и ребенок; в семье, где все учатся, будет стремиться к учебе и малыш. Подобно тому как рано усвоенные привычки становятся второй натурой, привычка работать под светом настольной лампы, что-то мастерить, чем-то целеустремленно заниматься становится естественной потребностью. В таком случае ребенок и не ведает, что можно быть не занятым делом, а день-деньской бить баклуши. Впитав тот или иной опыт жизни, он не хочет другого. Вот почему один сопротивляется, когда его тянут к верстаку или к письменному столу, а другого от этого стола или верстака не оторвать. Малыш прочел книгу и рассказывает ее содержание. Мы слушаем, удивляемся, восхищаемся, и ему хочется прочесть следующую. Мы читаем ему начало книги, а он, заинтересовавшись, дочитает ее. Но все это, когда он уже научится читать. А до этого, на этом столе, за которым учат работать и приобретают вкус к учебе, мы с ним рисуем, вырезаем, клеим, строим. Мы рисуем, а потом выписываем палочки, крючки, нули. За этим столом протекают и наши беседы с ним. Пусть привыкает узнавать об интересном за этим столом.

Между тем умственное развитие на седьмом году жизни идет семимильными шагами. Наш малыш сравнивает и обобщает уже на другом, более высоком уровне: дикие звери не только опаснее, но и умнее домашних животных, и это потому, что им труднее выжить. Лосиха похожа на корову, но это не одно и то же — она дикое и свободное животное. Ребенок умеет думать, что важнее, чем знать. Автор обращает на это особенное внимание. К умению думать ведет длинная дорога, начавшаяся с пытливого «почему?» и продолженная в «зачем?», «а что будет?» Сначала он задавал эти вопросы

ребенком. Потом пришло время задать их самому себе. С чего начинается мышление свободного и умного человека. Родители, беседуя с малышом, часто рассуждали вслух. И он научился у них рассуждать. Родители научили его делать выводы. Ребенок, умеющий думать, согреет сердце учителя.

Семилетний уже делает предпочтительный выбор, отказываясь от посещения цирка в пользу игры с интересным для него сверстником. К нему приходит первое понимание того, что от чего-то заманчивого надо отказываться, а что-то не очень приятное надо обязательно сделать. И это — крепнущее умение думать.

Малыш играл в сюжетные игры, принимая определенную роль. Он воевал и был командиром, решая задачи, встающие перед лидером. Игра имела свою логику, и он думал и действовал логично. Он проявлял сообразительность и смекалку. Отец одобрял или критиковал его действия и поступки. Малыш вначале критиковал других — такова природа человека. Но отец привел его к самокритичности — основе самосовершенствования. И на пороге школы семилетний сообразителен, ориентирован в соответствии с возможностями своего возраста в окружающем, относится к происходящему, к другим и к себе критически. И это тоже — умение думать. Знающий, но не умеющий думать и в школе заучивает, не размышляя.

Развитие ребенка на седьмом году жизни все более подчинено умственному становлению: совершенствованию ориентации и решению задач. Ориентация в окружающем его мире, в жизни крепла изо дня в день, начиная с того времени, когда малыш безмолвно, любознательным взором вопрошал маму: «Что это?», «кто это?» К разрешению задач он приступил, когда подбирал колечко к пирамидке. Но усложнялась его жизнь, усложнялись проблемы ориентации и усложнялись встающие перед ним задачи. Последнее — очень важно. В игре ребенка седьмого года жизни разрешение задач — главное, ведущее. Уже с четырех с половиной лет задача начинает определять сюжет игры, но на седьмом году жизни данный ее аспект становится решающим.

Способность разрешать задачи, вытекающая из способности к ориентации, определяет уровень интеллекта. Даже в арифметике хорошо складывает и вычитает, делит и умножает и умственно отсталый, а вот решает задачи — только умный.

Теперь в игре все подчинено разрешению задач. Возникает их иерархия. Ребенок, играя в войну, стремится не попасть в плен, захватить в плен противника, но еще важнее задача вызволить из плена своих товарищей.

Н. А. Сикорский (1906) подчеркивал, что главное в играх шестилетних — замысел, решение определенных задач, отмечал, что дети, которые в будущем будут отличаться высокой культурой мышления, тщательно продумывают все повороты игры, возможные осложнения, трудности.

На седьмом году жизни ребенка, общаясь с ним, родители непрестанно учат решать задачи: отец — сына, мать — дочь. Задачи не надо придумывать, их ставит сама жизнь. Ребенок хочет создать модель самолета, построить кораблик, чтобы он плыл и чтобы имел пружинный или резиновый двигатель. У него испортился велосипед. Он сооружает полочку. Нужно смазать лыжи и поставить крепления. Надо подтянуть ремни у рюкзака, переставить пряжку ремня. Завтра рыбалка или выезд на природу. Ожидается приход гостей. Надо сшить фартучек. И не «подай, принеси», а «как ты будешь это делать, как мы это сделаем, как это сделать лучше, чем заменить недостающее...» Ребенок непрестанно задавал вопросы нам, теперь непрестанно мы задаем вопросы ему!

Ребенка учат толково объяснять замысел, план и задачу. Умению объяснять учат все дошкольное детство, но особенно интенсивно с пяти лет. Учить объяснять — значит тренировать логическое мышление, вырабатывать самостоятельность мышления. Обычно ребенка просят повторить выученное. Но в этом случае он уподобляется магнитофону. Другое дело, когда он, объясняя, выступает в роли учителя. Возникают чувства гордости, удовлетворения. Ребенок старается, подыскивает доводы, перестраивается по ходу объяснения, проявляет смекалку и изобретательность. Это всегда — творчество.

Здесь уместно остановиться на проблеме воспитания культуры речи. Человек заговорил... и раскрылся! Ум, воспитание, образование как на ладони. Свободное, искусное владение словом чрезвычайно адаптивно. Владение речью нередко спасает жизнь в чрезвычайных ситуациях, успокаивает страсти, примиряет, позволяет разрешать сложнейшие проблемы и конфликты. Речевое общение — искусство. Иногда оно поднимает до высот поэзии. Между тем есть умные и образованные люди, не умеющие связать

...ры слов, косноязычные. И они не обладают одним из важнейших аспектов культуры. Они были плохо воспитаны

У ребенка не была своевременно воспитана культура речи, и вот он, уже подростком, стоит перед директором школы. Его обвиняют в тяжелом проступке, но он невиновен. Казалось бы, объясни по-человечески, толково, что произошло, и инцидент будет улажен. Но подросток молчит или мычит нечто невразумительное. Связно объясниться, рассказать о происшедшем, защитить себя он не может. Его научили только пересказывать, повторять. И директор раздражен, укрепился в своих подозрениях.

Подросток обращается с некой просьбой к учителю, но он не умеет толком и попросить. Звучит примитивное: «Мне надо... ну... надо .. вот». Мальчик обращается к девочке: «Ну... тово... это... пойдем...», она вторит ему: «Пойдем... это... тово... ну...» Объясняя свой поступок, подросток мямлит: «Я сказал... он сказал... я дал... он влепил...» Что сказал, за что влепил, не ясно.

Не умея говорить, невозможно ни о чем и договориться. В результате виноватые считают себя обиженными. А раз нет виноватых, некому и уступить, решить дело миром. Не умеющие говорить неспособны и отстоять свою точку зрения, в чем-то убедить, что-то оспорить. Не умеют говорить — и нет непринужденности, а с этим культуры общения. Не умеющие говорить зачастую не проходят по конкурсу в институт, не могут написать письмо, изложить на бумаге суть дела.

И ребенка, особенно после пяти лет, мы учим выражать в словах свои задумки, планы, цели, состояние, настроение, обиды, претензии. Мы терпеливо учим пятилетнего ясно, последовательно, логично излагать свои мысли. Мы продолжаем неустанно обогащать его речь, подбирая синонимы. Характеризуя какое-то явление или предмет, мы учим малыша использовать как можно больше прилагательных с разными оттенками значений, дающих всестороннее представление о явлении и предмете. Мы играем с ребенком, подбирая слова, характеризующие эти явления или понятия. «Какое небо?» — спрашиваем мы его. И начинается увлекательный подбор значений. Небо *синее, голубое, багряное, серое, белесое. Чистое, прозрачное, облачное. Спокойное, грозовое. Высокое, бездонное, необъятное, неоглядное. Загадочное, манящее, зовущее,*

искусцее. Холодное, теплое Темное, звездное. Угрожающее, мирное.

Важно, чтобы ребенок не просто выучил стихотворение, а понял и прочувствовал его. Мы помогаем ему в этом, знакомя его с лучшими образцами поэзии, раскрывая гениальную емкость, образность и точность поэтического слова. Пусть он после пяти лет увидит, что в доступных ему строках Пушкина невозможно заменить хотя бы одно слово. Пусть он попробует сам сочинить стихотворение. И пусть это будет как у детей природы, древних кочевников, которые пели о том, что видели. Мать предлагает ему поэтическую строку, а он увлеченно творит следующую. Подарив бабушке свой рисунок в день ее рождения, пусть сопроводит его прочувствованным поздравлением и пожеланием. После лепого отдыха, когда придет добрый знакомый или сверстник, родители побуждают ребенка рассказать, где и как он отдыхал, да так рассказать, чтобы туда захотел поехать и тот, кто слушает. Сказку или телефильм его учат пересказать так, чтобы слушающим захотелось прочесть сказку или посмотреть фильм самим. А если ребенок уклоняется от чего-то, не любит что-то, пусть объяснит, почему, пусть убедит в том, что он прав. Уметь говорить и владеть речью — не одно и то же. Говорить упрощенно, как-нибудь, ребенок научится сам; мы же неустанно учим его истинному овладению речью точно так же, как учим его глубоко мыслить. И тогда ум и речь — единое целое.

Очень важно, чтобы ребенок седьмого года жизни понимал смысл простых пословиц, поговорок, притч, а в сказке то, что «добру молодцу урок».

К семи годам ребенок решает простые арифметические задачи.

Родители продолжают знакомить ребенка с миром высокого искусства. В театре он радуется удивительному и необычному — хрустальной люстре, как бы созданной из света, красочному занавесу, музыке, сопровождающей спектакль, и, наконец, самой пьесе — действу талантливых, взволнованных людей. Ребенок удивляется, радуется, спрашивает, размышляет.

Одно из основных достижений в целенаправленном развитии ума — воспитание способности к предвидению. Чем более развита эта способность, тем умнее человек. Отвечая на вопрос «что будет?», родители часто говорили с малышом

о последствиях того или иного его поступка. Начиналось с очевидного: «Не играй с огнем». Это усложнялось, когда читали сказки, когда обсуждали последствия его конфликтов, ссор и потасовок со сверстниками, последствия непослушания. К семи годам ребенок должен понимать, что тонкий лед опасен, что за чужим дядей не идут, хотя он предлагает поколядку, что автобус не обходят спереди, — одним словом, не зная броду, не лезут в воду. Не умеющий предвидеть последствия своих поступков, даже конная школу, нуждается в постоянной опеке как несмышленыш.

Ребенок седьмого года жизни обладает чувством меры в поведении, соблюдает дистанцию в общении с незнакомыми людьми, у него развито чувство стыда. Ко мне в кабинет входит семилетний и недовольно говорит маме: «Зачем мы сюда пришли, я не хочу!» При мне разыгрывается сцена уговаривания, упрашивания, и, смилостивившись, он спрашивает: «Как тебя звать?» Взяв со стола без спроса неврологический молоток, бесцеремонно задает следующий вопрос: «Что это такое?» Мать, полуизвиняясь, полугордясь, говорит: «Он у меня общительный!» Нет, он не общительный, а элементарно невоспитанный. У него отсутствует чувство такта, места, дистанции. У него нет стыда.

Семилетний обижается, если становится объектом насмешки. Он возмущается, когда с ним обращаются грубо. Страдает, когда его унизили, уценили его достоинство. Короче: ощущение собственной боли, унижения, обиды у человека от природы. А вот научить понимать, что от грубости, унижений, обид страдают и другие, — задача воспитания. И к семи годам эта задача должна быть решена.

У ребенка развивают здоровое честолюбие. Мы говорим нашему малышу, что Дима уже читает, хорошо считает и даже пишет, мы показываем ему рисунки Димы. Мы хвалим Диму и ободряем нашего малыша: «И ты обязательно научишься всему этому». И помогаем ему. Мы побуждаем его лидировать в играх, не отставать, мы учим его чему-то, что отличало бы его, давало бы ему, особенно в чем-то слабому, компенсацию, повышая чувство *самоценности*. Он немного говорит по-английски, рисует, *занимается* в спортивной секции, умеет что-то еще. Он *преисполнен* гордости. И он будет жаждать пятерку в школе и *огорчится* тройке. Потом он не удовлетворится *приобретенным* и будет стремиться, не останавливаясь, все к *новым* и *новым рубежам*.

А почему бы и нет, если есть голова на плечах?

Наш малыш, как и все, любит побегать, порезвиться, полакомиться конфеткой. Но не только к этому сводятся его желания. К семи годам он богат как личность, гармоничен. Он усваивает библейскую заповедь: шесть дней работают, чтобы на седьмой отдыхать. Он любит вкусно поесть, но получает удовольствие и от знакомства с новой книгой, занятий музыкой, от того, что оказался сегодня более знающим, сильным и ловким, чем вчера. И в этом — истинная готовность к школе, а не в вымученной способности прочесть: «Маша любит кашу».

Пойти в школу — значит начать жизнь, когда людей, с которыми общаешься, не выбирают. И ребенок, адаптируясь в жизни, должен уметь разобраться в том, что такое честность и лживость, доброта и злоба, деликатность и грубость, воспитанность и бескультурье, щедрость и жадность, смелость и трусость, скромность и бахвальство, красота и уродство, справедливость и несправедливость. Разобраться, как когда-то, в трехлетнем возрасте постигал, «что такое хорошо и что такое плохо». Много раз будут беседовать с малышом отец и мать, беседовать умно и эмоционально, приводя конкретные примеры и рассказывая о конкретных людях, пока он начнет постигать эту науку о человеке. В результате он начнет понимать, что друг может и обидеть, оставаясь другом, а недруг — угостить конфетой. И такой ребенок подготовлен к школе, хотя, быть может, и не умеет читать.

На седьмом году жизни ребенок планирует, организовывает свое время. На руке у него часы. В жизнь по часам его ввели неприметно, постепенно. Он знал, когда будет мультфильм по телевизору, а мы говорили ему, когда рисовать, когда есть, спать и играть. С семи лет он живет в согласии с временем. Он учится беречь время. К семи годам у ребенка должно быть развито чувство времени, и он угадывает время с точностью до получаса.

Семилетний встретит гостя, пригласит его в комнату, займет разговором и не откроет дверь чужому человеку, если не предупрежден о его приходе.

Он знает, как действовать в типовых условиях чрезвычайных положений, как помочь себе и другому. Он сам побежит за водой, если бабушке плохо, и знает, на какую кнопку нажать, если остановился лифт. В одном детском садике дети поддерживали тело сверстника, засунувшего

...ется между прутьями решетки, и тем спасли его от удушения, пока прутья бегали за воспитательницей.

К семи годам ребенок знает четыре-пять тысяч слов и свободно владеет родным языком.

Все дети семилетнего возраста, кроме страдающих дальтонизмом, знают красный, желтый, зеленый и синий цвета, должны знать оранжевый, голубой и фиолетовый, отличают черный от темно-коричневого, разбираются в оттенках, полутонах, называют серый, блеклый, яркий тон, что очень важно, поскольку теперь человек может быть изображен им в движении. И человек на рисунке шагает, бежит, настигает зверя. Двинулась и лошадь. Все теперь движется, все исполнено динамизма, как и возраст рисующего. Передано и настроение человека: улыбающийся рот, смеющиеся глаза, раскинутые руки. Дома на рисунке многоэтажные, в машинах сидят люди, собака бежит, а на деревьях — яблоки и листья.

Малыш семи лет способен измерить длину, ширину и высоту предмета, на глазок определяет, что дерево от него, скажем, в 10 метрах. Он может придумать простейшую задачу, загадку, и его любимое занятие — отгадывать загадки.

Очень важно, чтобы семилетний полностью обслуживал себя. Он найдет общественный туалет, будет в нем опрятен, застегнет все пуговицы, вымоет руки и высушит их под феном. Он быстро сменит сапоги на тапочки и наоборот. Причешется, оглядев себя в зеркале, поправит воротничок и ремень брюк или поясок платьица. Он извлечет из ранца все что нужно и аккуратно уложит в него тетради, книги, письменные принадлежности.

Семилетний готов к тому, чтобы, получив в столовой тарелку супа, второе блюдо и компот, на подносе, не расплескав, аккуратно донести пищу до стола, а поев, собрать грязную посуду, уложив меньшую тарелку в бо́льшую, и отнести в указанное место.

Ребенок седьмого года жизни зажжет газовую горелку, вскипятит чай, заварит его, разольет в чашки и, не расплескав, подаст отцу и матери, бабушке и деду.

К семи годам он прыгнет в длину на метр, до 50 см в высоту. Он ловко бегает, пробегает без остановки до 60 м и, меняя упражнения, занимается физкультурой без отдыха до 30 минут.

Короче — семилетний умен, серьезен, внушает доверие. Он самостоятелен и активен, умеет видеть, наблюдать, сравнивать, делать логические выводы, доказать свою правоту, общаться со сверстниками и взрослыми, полностью обслуживать себя. Все это означает главное — он умеет думать.

С четырех-пяти лет у ребенка имеется письменный стол. На столе часы. За стрелками следит сам дошкольник. На столе — порядок. За порядком следит сам дошкольник. Источник света — слева. Лампочка яркая, но не слепящая, свет падает на стол, абажур оберегает глаза. За этим столом ребенок седьмого года жизни читает, рисует, конструирует, лепит, шьет и т. п. Все это — 35 минут, затем перерыв, движения, вновь 35 минут занятий — и так два-три урока. Последний месяц перед летом — три урока в день по 35 минут. Целый урок он занимается одним делом увлеченно, усидчиво, привычно. Он твердо усвоил простые требования «делу — время, потехе — час», «кончил дело — гуляй смело». Само собой разумеется, что мы вникаем в то, что и как он делает, ибо здесь возможна одна из самых вредных форм безделья — ничегонеделание за столом. Перед ним книга или в его руках карандаш, идет время, а он ничего не делает. Очень опасно! Мы не разрешаем мечтать за столом! Пусть мечтает, отдыхая. Не разрешаем и бессмысленно марать бумагу. Иначе в школе, на уроках он будет рисовать часами одно и то же. К письменному столу правильно подобран стул. Когда ребенок за столом, у него прямая спина, развернуты плечи, сидит он свободно, непринужденно.

Наш ребенок пойдет в первый класс уверенным в себе человеком, потому что все семь лет мы любовно и целенаправленно занимались с ним. Он многое умеет и поэтому верит в себя. Неуверенность в себе — начало невроза, начало судьбы неудачника. Но и уверенность в себе может быть необоснованной. Ребенка захвалили, и он переоценил свои возможности, стал самоуверенным. Первое же серьезное столкновение с действительностью приведет к неврозу. Истинная уверенность в себе всегда базируется на истинных достоинствах: на развитом уме, на силе и ловкости, на навыках и умениях, на способности к равноправному общению с другими. Это — «вооруженность» по П. В. Симонову, известному советскому психологу. Уверенного в себе уважают сверстники и взрослые. Он независим, смел и решителен. Он — свободный человек. Он способен взять на себя лидер-

ство. От уверенности в себе в нем спокойствие, мужественная доброта и терпимость, достоинство.

Одно из условий уверенности в себе — достойный внешний облик. Ребенок, как и взрослый, должен быть красив. Красота — в гармонии духовных и физических качеств. Достойный внешний облик не только красота лица и тела — подарок природы. Это и опрятность, к которой мы приучили ребенка, прическа, за которой мы и он следим, одежда, обувь, которые он умеет носить.

Внешний облик — осанка, свободная, непринужденная, как будто он родился таким. В Японии сутулящийся человек считается невоспитанным и ребенка наказывают, если он сутулится. В Японии полагают, что сутулый недолговечен. У сутулящегося человека как бы сутулятся душа и мысли. Сутулый не может быть гордым, у него принижено чувство достоинства. Люди с развитым чувством достоинства и ходят уверенно. Их осанка непроизвольно указывает на высокое чувство достоинства. Горделивая посадка головы у сутулого — нонсенс.

Внешний облик — и походка человека. Мы учили ребенка красиво двигаться с первых его шагов. Мы следили, чтобы штанишки не были узкими и не мешали свободному шагу, чтобы обувь не была стоптанной и не мешала твердо и красиво ставить ногу. Мы следили, чтобы рубашка, куртка, пальто не были тесными, не сдавливали, не ограничивали свободу движений, разворот плеч. К примеру, жесткий или колючий воротник, шарф, сковывая движения шеи, вынуждают человека, смотрящего в сторону, поворачиваться всем туловищем, в то время как у него должна горделиво поворачиваться лишь голова. Жесткий и колючий воротник, шарф заставляют и втягивать голову в плечи.

Мы тянули ребенка за руку, заставляя его тело обгонять ноги, а или рядом с малышом, приноравливая свой шаг к его свободному шагу. Суета и спешка искажают и осанку взрослых, но не будем в суете и спешке искажать развитие ребенка.

Интересное совпадение: походка формируется в два-четыре года, т. е. в период начала становления личности. И какова личность — свободная или подавленная, такова и походка — красивая или искаженная, свободная или скованная. Понаблюдаем немного. Вот идет взрослый человек. Он спешит. Его голова обгоняет ноги, и он наклонен вперед, как

будто преодолевает встречный ветер. Он смотрит в землю и вынужден время от времени поднимать голову, чтобы видеть, куда он идет. Он похож на бурлака или на лошадь, что тянет перегруженную телегу. Этот человек не свободен и не будет долговечным. Тяжелая походка у старого, больного, измученного человека. Легкая походка отражает хорошее настроение и в свою очередь влияет на настроение. У маленького ребенка гибкая, горделивая поступь. Вес тела плавно и свободно переносится с пальцев сначала на переднюю часть стопы и лишь затем на всю стопу. У него гибкие стопы, а не протезы. Он поднимается и опускается по лестнице с прямой спиной, и это производит впечатление!

Внешний облик — это и прямой открытый взгляд, излучающий спокойствие и уверенность. Но не может быть прямого взгляда без развернутых плеч, прямой спины и горделивой посадки головы. Понимая это, родители отправляют детей в школы танца, балета. Это хорошо, но сформировать осанку у ребенка могут и сами родители. Для этого, во-первых, они должны следить за собственной осанкой и походкой, подавая сыну или дочери добрый пример. Во-вторых, с двух до четырех лет родители особенно внимательны к осанке малыша. И они следят, чтобы движения рук были свободны и сочетались с движением ног. Они следят, чтобы, двигаясь и сидя за столом, малыш держал спинку. С этого начинаются стройность, изящество и красота движений, стиль и манера держаться.

Нашему ребенку исполнилось семь лет. Он стоит перед нами в школьной форме. В руках цветы. Кончилось дошкольное детство, и начался новый важный этап формирования личности со строгим, планомерным обучением, с пятибалльной оценкой успехов и рабочей неделей в шесть дней.

Первого сентября он придет к крыльцу своей первой школы и станет рядом со своими одноклассниками. До этого дня он безраздельно принадлежал нам. Теперь вместе со сверстниками он войдет в класс вслед за своей первой учительницей. Он уходит в жизнь со своим поколением. Он уходит в свою жизнь, к которой мы готовили его целых семь лет. Его экзамены впереди, наши — в этот незабываемый день. Этот день не приблизить произвольно и не задержать

Глава VIII
Мальчики и девочки

Личность человека — это всегда личность женщины (девочки) или мужчины (мальчика).

Д. Н. Исаев, В. Е. Каган

Родился ребенок — мальчик или девочка. И родились две судьбы, две разные доли — мужская или женская. Одеяльце мальчика перевязали голубой лентой, одеяльце девочки — розовой. С момента рождения социально-психологические, культурные, бытовые установки будут направлять мальчика и девочку по разным дорогам воспитания, к соответствующей полу роли, к самоосознанию себя мужчиной или женщиной. С наступлением беременности родители ждут мальчика или девочку. Веками формировалась установка, по которой для мужчины престижнее рождение сына, но тысячу раз прав отец шестерых девочек, сказавший мне: «Вероятно, я настоящий мужчина, если природа доверила мне защиту и воспитание шестерых дочерей, а они подарят мне по крайней мере восемнадцать внуков».

Беда, если дочь, родившуюся вместо страстно ожидаемого сына, воспримут с досадой, ибо это уже установка, установка на неприятие данного ребенка. Беда, если такую девочку будут воспитывать как мальчика. Отец, страстно желавший сына, воспитывал единственную дочь как мальчика. Он любил ее и уделял ей больше времени, чем мать. Он ухудшил воспитание дочери. Она уходила с ним на рыбалку и охоту, в горы и туристские походы, тащила рюкзак и байдарку, платью и юбке предпочитала брюки и куртку. Девочка выросла среди мужчин, друзей отца. В результате

она стала выносливой, решительной и активной, в школе превосходила девочек в знаниях. Впоследствии она имела много друзей среди мужчин — друзей по работе, спорту, но осталась одинокой. Ее не воспринимали как женщину. Она так и осталась «своим парнем». Все у нее было, кроме одного, самого главного — женственности.

Беда, если мальчика воспитывают как девочку. В крайнем варианте автор наблюдал подобное, консультируя мальчика, страдавшего тяжелым неврозом. Мать любовалась красивым сыном и, подчеркивая его нежную красоту, отрастила ему пышные и длинные волосики, причесывала его как девочку. Она одевала его в рубашечки с кружевами и воланчиками. Вместе с мамой и ее подругами он шил, вышивал, играл. С мальчиками ему запрещалось общаться: «Они грубые, жестокие и грязные». А потом он пошел в школу. Вид этого несчастного, отвергаемого как мальчиками, так и девочками, вызвал у меня острую горечь.

Другая женщина погасила в сыне мальчишескую отвагу, способность к самозащите и даже заставила дать «торжественное обещание» на могиле умершей бабушки «никогда не драться». Мальчик стал школьником. Однажды мать пришла и увидела следующую картину: одноклассник тянул ее сына за волосы, а тот покорно следовал за ним с глазами, полными слез. И этот в итоге сломался. И у этого развился тяжелый невроз.

Однако плоха и другая крайность. Отец воспитывал сына «настоящим мужчиной». С пяти лет его отдали в секцию боевых единоборств. Укрепляли его мышцы, связки, кулаки, но забыли о духовности, не воспитывали великодушие и гуманность. В школу пошел дерзкий, грубый, агрессивный мальчик. Этот будет мужчиной, но «мужчиной для джунглей», а не для общества и семьи.

Итак, мы подходим к главному в воспитании мальчика и девочки — к воспитанию истинной мужественности и истинной женственности.

Симпатии и антипатии, выбор и цели, поступки и поведение человека обусловлены позициями его сознания. Однако не менее мощно, а нередко и мощнее они обусловлены установками неосознаваемой сферы нашей психики. Существует установка на желательность рождения сына или дочери; точно так же имеются установки на то, каким должен быть мужчина, как должна выглядеть и вести себя

женщина. С осознанием себя мальчиком или девочкой приходят и установки «каким быть».

Установки формируются воспитанием, условиями жизни, средой, опытом жизни. И у одного мальчика складывается установки на мужское как на нечто рыцарское, а на женское — как на возвышенное, хрупкое, требующее защиты и поклонения; у другого же установки на мужское — это установка на грубое, сильное, агрессивное, а на женское — как на чувственное, физиологическое, что следует завоевать лишь как собственность. Различны установки на мужское и женское и у девочек. Основные, самые прочные установки формируются до семи лет, а от них во многом зависит судьба человека, выбор им жизненного пути. И детям необходимо внушить установки на истинное в мужественности и женственности.

Мужественность и женственность — фундаментальные основы личности. Эти основы природны, врождены и заданны как одно из условий выживания человеческого рода, поскольку для выживания нужна была как продуктивная мужская агрессивность, отвага, так и умеряющая, привносящая мир женственность. Женственность — стабилизирующий фактор в котле человеческих страстей. Влияние женщины на мужчину огромно. В присутствии истинно женственной мужчина становится лучше, она вдохновляет его на благородные поступки, на подвиг. С другой стороны, истинные мужчины побуждают женщину сохранять женственность и в нашем сложном, многотрудном мире.

Мужественность и женственность обеспечивают гармоничность личности. Красота, сила и ловкость без истинной мужественности и женственности могут служить злу, как может служить злу и разум безнравственного. Мальчик физически крепок, спортивен, отлично плавает, владеет топором и пилой, молотком и лопатой. Это хорошо, но это лишь внешнее выражение мужественности. Девочка ловка и грациозна, чистоплотна, умеет вкусно готовить и красиво сервировать стол, шьет и вышивает. Это хорошо, но это еще не женственность. Мальчик и девочка всесторонне развиты, получают надлежащее образование, но и это еще не истинная мужественность и женственность.

Что же тогда истинная мужественность и женственность? Веками складывалась и утверждалась мужская и женская

роли. Подобно тому как ребенку нужны отец и мать, необходимо, чтобы они были различны, гармонично дополняя друг друга. И веками утверждалось понятие мужественности как великодушия, тенденции к опеке и защите слабого; как стабильности, надежности, верности слову и делу, объективности и справедливости; как сдержанности в проявлении эмоций; как отважности, решительности, активности, самостоятельности, предприимчивости и соревновательности, склонности к риску; как стойкости в невзгодах; как доминантности и тяготения к социальной упорядоченности, дисциплине, организованности.

Мужественный берет на себя ответственность за дело, которому служит, за государство, семью. Он защитник и первопроходец, пахарь и строитель. Он поднимает ребенка на широкой ладони ввысь, раздвигая для него границы мира. Американский поэт У. Уитмен писал о мужественном: «... он действие, сила... и гордость ему подобают... и знанье ему подобает, он любит всегда все исследовать сам. Какое б ни было море и плаванье, он лотом глубь измеряет».

Истинная женственность — это богатейшая интуиция, высочайшая способность к пониманию других, к сопереживанию — эмпатии и отзывчивости; тонкость чувств, нежность, богатая эмоциональность, обостренная восприимчивость к прекрасному, чувство вкуса, грация и изящество; способность к перевоплощению как вечная женская загадочность и социальная гибкость, компромиссность, осторожность и осмотрительность, стремление к стабильности, консерватизм; терпеливость к будничности и домовитость.

Мы видим, что мужественность — это сила, натиск, но и обуздание силы и натиска через их социальную направленность. Это самоутверждение, но еще больше — жизнь для других. Это победа человеческой сущности в мужском начале. Мы видим, что женственность — это духовная сила слабости, прекрасное в природе человека. Мужественность и женственность питают друг друга, и нет первого без второго, второго без первого. Это инь и ян, небо и земля, жар и холод. Это вселенная в ее гармонии, единство противоположностей. Нет воспитания, а стало быть, нет полноценной личности без формирования в ребенке черт истинной мужественности или истинной женственности. Без воспитания истинной мужественности сила и энергия,

агрессивность, присущая мужскому полу, трансформируясь
в псевдомужественность, когда необузданная агрессивность
выходит на первый план, а еще хуже — приобретает характер
эпилептоидности с жестокостью, аффективной взрывчатостью,
эмоций, грубостью, несдержанностью, силовым натиском,
эгоистичностью и асоциальностью или неустойчивостью,
растормożенностью, примитивными потребностями и
ценностями, безответственностью.

Без воспитания истинной женственности развивается
истероидность с демонстративностью, крикливостью,
растормożенностью и грубостью, агрессивностью,
примитивной сексуальностью. Истинно женственная
трансформирует сексуальность в высшие ценности: в любовь
к избранному ею мужчине, в семью и материнство.
Псевдожественная растормożенно сексуальна.
Псевдомужественный не муж и не отец, а псевдожественная
— не жена и не мать.

Мужественность и женственность вытекают из
врожденных потенций, природной гармонии и
целесообразности адаптивных механизмов у человека. Эти
потенции и механизмы общи и в то же время индивидуальны.
Фундаментальной основой восприятия, реагирования и
поведения являются инстинкты. Широко известны инстинкты
самосохранения и продолжения рода. Автор же видит
проблему инстинктов как базовую в понимании
мужественности и женственности, выделяя семь основных
инстинктов.

Инстинкт самосохранения различно выражен у мужчин
и у женщин. У мужчин он ослаблен, что является условием
выживания сообщества людей — рода, племени, а с этим и
каждой особи в отдельности. Род, племя, в котором мужские
особи не выходили навстречу опасности, не выживали.
Врожденное ограничение инстинкта самосохранения у
мужчин — первая основа мужественности. Отсюда мужская
отвага, склонность к риску. В то же время женская роль и
сверхзадача материнства, относительная физическая слабость
и уязвимость женщины предопределяют обостренность
инстинкта самосохранения, а с этим такие черты
женственности, как осмотрительность и осторожность,
консерватизм и стремление к стабильности, интуитивное
предчувствие опасности.

Инстинкт продолжения рода (половой инстинкт) лежит

в основе поведения особи, направленного на воспроизводство себе подобных. Он присущ мужчинам и женщинам, природно объединяя их в сверхзадаче продолжения рода, хотя и выражен разной силой у особей различных темпераментов. Этот инстинкт подвигает мужчин и женщин к сохранению и совершенствованию соответственно мужественности и женственности, стимулируя у мужчин соревновательность, решительность, предприимчивость, а у женщин — привлекательность, грациозность, всю гамму прекрасного в базирующееся, по древнеиндийским воззрениям, на уважении (разум!), влечении сердца и влечении тела, — из полового инстинкта.

Альтруистический инстинкт. Подобно тому как самосохранение особи было взаимосвязано с сохранением всего рода, племени, сохранение собственного потомства было взаимосвязано с защитой всех слабых: детей, женщин, стариков рода, племени. Для тех сообществ людей, где мужские особи не защищали всех слабых, не охотились для всего рода, племени, не существовало будущего. Альтруистический инстинкт, ограничивая инстинкт самосохранения, эгоцентрические тенденции, эволюционно необходим и прослеживается в поведении уже высших животных. У человека альтруистический инстинкт развит до высших ценностей, до высот подвига. Он основа для формирования таких черт истинной мужественности, как великодушие сильного, как надежность, тенденция к опеке и защите слабого, и таких черт истинной женственности, как высокая способность понимания других, сопереживания, отзывчивость, компромиссность. Альтруистический инстинкт — база развития нравственности и благородства как в мужественности, так и в женственности, объединяя их в главном — в человечности.

Инстинкт доминирования, будучи тесно связанным с половым (борьба за самку), проявляется у мужчин во врожденной тенденции к лидерству. Альтруистический инстинкт у наиболее сильных, ограничивая инстинкт самосохранения, выдвигал их на острие отражения угрозы роду, племени, на организацию общих усилий по преодолению экстремальных ситуаций. На основе инстинкта доминирования развиваются организаторские способности и такие качества мужественности, как соревновательность, верность слову и

ному, объективность и справедливость, сдержанность, вы-
явлении эмоций, отважность, решительность, активность,
предприимчивость, стойкость в невзгодах, тяготение к ор-
циальной упорядоченности, дисциплине, организованно-
ти, ответственности. У женщин инстинкт доминирования,
также связанный с половым инстинктом, проявляется в
тенденции к максимальной привлекательности, способно-
ти к перевоплощению, в обостренном чувстве вкуса, в гра-
ции и изяществе с элементами соревновательности во всем
этом, а также в эмансипационных тенденциях и — из пер-
дости полом — в явном, открытом и сокрытом, соревнова-
нии с мужчиной. Инстинкт доминирования способствует
самосовершенствованию как женщин, так и мужчин.

Исследовательский инстинкт, обусловленный потреб-
постью поиска новых областей обитания, новых возмож-
постей и средств адаптации, подвигал мужские особи к от-
крытиям и исследованиям, что сопровождалось подавлени-
ем инстинкта самосохранения. Исследовательский инстинкт,
тесно связанный с альтруистическим и инстинктом доми-
нирования, стимулирует развитие таких черт мужествен-
ности, как отвага, предприимчивость, активность, самосто-
ятельность, склонность к риску и стойкость в невзгодах. Это
инстинкт первопроходцев.

Исследовательский инстинкт прежде всего творческий.
Благодаря ему талантливы дети, и он основа научения и
обучения ребенка. В женщине он рождает ее изменчивость и
многоликость, ее чувство прекрасного. Он, этот инстинкт,
обеспечивает творческий подход женщины к воспитанию
ребенка. Исследовательский инстинкт подвигает истинно
женственную к поиску красоты даже в будничном, каждо-
дневном. Из этого инстинкта способность женщины тво-
рить праздник в семье, в быту, в любви — одним словом, во
всем, к чему она прикасается.

Инстинкт свободы — высший инстинкт. В нем смысл
жизни, ее ценность. Лишение свободы для человека (и для
высших животных) равносильно смерти, и инстинкт свобо-
ды сильнее инстинкта самосохранения. Порабощение всег-
да и во все времена угрожало исчезновением как рода, пле-
мени, так и отдельной особи. Инстинкт свободы стыкуется с
альтруистическим и инстинктом доминирования, являясь
основой для формирования ведущих потребностей и цен-
ностей личности. Подавление этого инстинкта подавляет

инстинкты самосохранения и продолжения рода. Из инстинкта свободы — гордость мужественности и гордость женственности.

Инстинкт достоинства, трансформирующийся в чувство достоинства, сопряжен с инстинктом свободы. Это высший диад инстинктов. Даже животное, у которого подавлен инстинкт достоинства, становится жалким и обреченно на гибель. Оно лишается возможности иметь потомство, поскольку не способно завоевать самку и сохранить потомство. Лишение достоинства, как и свободы, выключает механизмы сохранения жизни. Реализация инстинкта достоинства, как и инстинкта свободы, — решающее условие развития истинной мужественности и истинной женственности, гордости полом.

На наш взгляд, инстинкты человека — эволюционно отображенные и генетически закрепленные фундаментальные потребности, в которых гармонично сочетаются индивидуальные (самосохранение, половой инстинкт, доминирование, свобода и достоинство) и общественные (альтруизм, исследовательский инстинкт) интересы и базовые эмоциональные мотивации.

Таким образом, очевидно, что мужественность и женственность не надуманные категории, не схема, а естественная, природная, наилучшим образом обеспечивающая адаптацию данность, самовыражение мужчины и женщины.

Пол ребенка зависит от мужчины. Женская яйцеклетка содержит только икс-хромосому. Сперматозоиды же имеют или икс-, или игрек-хромосому. При оплодотворении яйцеклетки сперматозоидом, несущим икс-хромосому, образуется икс-икс зигота, и тогда родится девочка. При оплодотворении яйцеклетки сперматозоидом, несущим игрек-хромосому, образуется зигота икс-игрек, и тогда родится мальчик. Так определяется пол человека, а с этим мужская или женская генетическая программа развития.

На шестой неделе развития плода с набором хромосом икс-игрек начинают формироваться семенники, которые продуцируют мужские гормоны — андрогены, и с этого времени плод развивается по мужскому типу. Почему так рано? Ответ прост: на 15 - 20-й неделе оформляются мужские наружные половые органы, а для этого необходимо влияние андрогенов. Без семенников, а следовательно без влияния

андрогенов, плод под воздействием эстрогенов матери
М вается по женскому типу. Речь, таким образом, идет
влиянии андрогенов на весь организм. Они нужны для то
чтобы сердце и сосуды, мышцы и костяк оформлялись
мужскому типу! Мать и дочь едины, а мужской плод с не
той целой автономен в развитии и идет по иному пути. На
четвертом — седьмом месяцах развития плода андро
мальчика или эстрогены девочки, воздействуя на гипотала
мус, определяют готовность к мужскому или женскому ти
лю поведения, и с этого времени жесткая биологическая
определенность пола состоялась.

Поскольку мужественность и женственность вытекают из природного в человеке, из генетического разделения на мужское и женское, то, воспитывая истинные мужественность и женственность, родители следуют природе ребенка. Без надлежащего же воспитания это природное не получит развития в своих высших, человеческих формах, а проявится примитивно, лишь на биологическом уровне.

Различия между мальчиками и девочками проявляются очень рано. Даже в утробе матери плод, в зависимости от половой принадлежности, ведет себя по-разному. Многолетние матери почти не ошибаются в том, кого они носят под сердцем, — мальчик сильнее и активнее «толкается». Уже в возрасте до шести месяцев мальчики лучше реагируют на яркие краски, на движущиеся или новые предметы, а девочки — на ласковое приговаривание. Крик мальчика настойчивее, агрессивнее. Мальчик более жадно и энергично захватывает и сосет грудь. Отделенный барьером из стульчиков от матери, он с года и двух месяцев гневно разрушает преграду, а девочка с плачем будет ждать, когда это сделает мать. Мальчик решительнее, активнее и смелее начинает ползать и ходить. Еще не осознав свою принадлежность к «сильному полу», он забирается в машину и крутит руль, а девочка протирает тряпочкой дверцу. Они и плачут, смеются, негодуют, шалят и играют по-разному. Начиная с трехлетнего возраста, все более проявляются различия в рождающейся способности мыслить, в восприятии одного и того же, когда мальчик с восторгом воспринимает мощь автомашины, а девочка акцентирует внимание на ее окраске и форме. Различна эмоциональность, все более различается и поведение. Матери отмечают: мальчики разносторонние, и это хорошо видно уже после пяти лет. Они оптимистичнее

и простодушнее, откровеннее девочек. Они всегда более детей, чем девочки, которые в пять лет уже — «женщины», чувствующие много больше мальчиков, лучше понимающие, что творится в семье, лучше разбирающиеся в людях, уже со скрытностью, уже с недоброжелательностью к более яркой девочке, уже интересующиеся, во что одета подружка. Из бесед со многими наблюдательными матерями складывается впечатление, что мальчики хотят казаться хуже, чем они есть, а девочки, напротив, стремятся произвести наилучшее впечатление, буквально преображаясь при посторонних. Девочки очень рано начинают понимать, какими их хотят видеть и чего от них ждут. Они послушнее, «правильнее», приветливее и вежливее.

У мальчиков даже при материнской сверхопеке в четыре раза чаще, чем у девочек, бывают переломы костей, сотрясения головного мозга. А сколько они получают синяков и шишек! Такова плата за природно обусловленную отвагу, предприимчивость, активность, стремление испытать себя, познать новое, уйти далеко-далеко, когда, если направо пойдешь, встретишь дракона, а налево пойдешь — неведомо что найдешь. А уж постараться пробежать быстрее, прыгнуть дальше товарища — сама жизнь для мальчика. А девочка тем временем баюкает куклу и смотрит на героя с восхищением или, напротив, с неодобрением, глазами женщины.

Уже после года, еще не понимая, что это значит, ребенок знает, что он «мальчик», что это — «папа», это — «дядя», это — «мама и тетя», а это — «девочка». Он начинает различать людей по полу соответственно их внешности. Пока все это происходит скорее на неосознаваемом и инстинктивном уровнях. Не следует забывать, что способность различать людей по полу заложена в генетической программе психофизического развития ребенка и подогревается просыпающимися неосознаваемыми сексуальными влечениями. Поэтому, кстати, сексологи не рекомендуют отцу появляться обнаженным перед девочкой с двух лет, а матери перед сыном — с трех лет. После полутора лет ребенок не должен не только видеть, но и слышать половой акт родителей. Уже с раннего возраста у мальчиков наблюдаются спонтанные эрекции, у мальчиков и у девочек — сексуальное возбуждение в играх, интерес к разглядыванию половых органов, стремление прикоснуться к ним. Все это естественная сексу-

альность. С полутора лет ребенок все более копирует особ-
ности поведения родителя своего пола. Отсюда вывод: за
нами постоянно наблюдают глазки ребенка, а его уши
вбирают сказанное нами. Дитя, запечатлевая образ родите-
лей и их поведение, становится таким, как они, и родите-
лают ему хороший или плохой пример.

До сих пор автор говорил о запечатлении полоной роли
— поведения отца, матери как мужчины и женщины. Запе-
чатление — это копирование, подражание. Становясь стар-
ше, ребенок начинает воспринимать внутренний мир, пере-
живания, смысл поведения отца и матери как мужчины и
женщины. И это — идентификация. Отец по-другому ходит,
говорит, проявляет эмоции, чем мать. И ребенок запечатле-
вает это. Но отец по-другому относится к жи[illegible]и, к ситуации,
по-другому оценивает, разрешает проблемы и переживает
их, и мальчик воспринимает это, уже солидаризируясь с
отцом, идентифицируясь с ним, а не просто копируя его. То
же самое и девочка, когда она воспринимает внутренний
мир матери, ее переживания и реагирование, идентифици-
руясь с ней. Запечатлевает и утенок, идентифицируется же
только человек.

Мальчик идентифицируется с отцом в мужской роли и
постигает особенности женской роли через восприятие
внешнего вида и поведения матери. Девочка идентифици-
руется с матерью и постигает особенности мужской роли
через образ и поведение отца.

Бывает, что в семье и отец и мать мужественны. Дети
подавлены властными и решительными родителями. И
тогда не мужествен сын и не женственна дочь. Другой вари-
ант: оба родителя женственны. И им едва ли удастся воспи-
тать сына мужественным, а дочь женственной. Вариант
третий: мать мужественная, отец — женственный. И сын, и
дочь соответственно повторяют родителей. В восприятии
детей перепутывается, кто носитель мужественности, а кто
— женственности. Курьезный случай: слушал мальчик сказ-
ку, как отец выручал сына из беды и все никак не мог
выручить. Мальчик возмутился: «Надо было, чтобы это
делала мама! Она бы сразу всех победила...»

Естественным является единственный вариант — отец
мужественный, мать женственная.

Итак, для того чтобы мальчик вырос истинно мужест-
венным, таковым должен быть его отец. К истинной мужес-

ственности подвигает мальчика и истинная женственность матери. Для того чтобы девочка выросла истинно женственной, таковой должна быть ее мать. К истинной женственности подвигает ее и истинная мужественность отца.

Для того чтобы идентификация с отцом для мальчика проходила нормально, роль отца в семье должна быть значимой, его престиж и авторитет высоким. Отец, собственным поведением порочащий при детях свое мужское достоинство, тем самым унижает и порочит мужественность. Сын на всю жизнь запечатлевает облик отца, его сутулую спину или гордую осанку, неряшливость или опрятность, нервозность или спокойствие. И сын идентифицируется с уверенностью или неуверенностью отца. Дочь, глядя на отца, делает свои выводы о том, что такое мужчина и какова его роль. В свою очередь, мать должна предстать перед детьми оптимистичной, гордой, красивой. Непоправим ущерб воспитанию дочери и сына, если это не так и мать пессимистична, подавлена жизнью, неряшлива.

Недопустимо, если родители унижают и оскорбляют друг друга. Тем более недопустимо, если это происходит при детях. Мать ребенка и бабушка с материнской стороны, унижающие его отца, губят в первую очередь ребенка, унижая мальчика через унижение отца и принижая его образ в глазах дочери. Сын в таком случае, вместо того чтобы гордиться отцом, жалеет его. И разве может мальчик состояться как мужчина, если не мужчина отец — объект идентификации? Девочка же в таком случае приобретает опыт презрения к мужчине. Здесь нет победителей — все теряют себя, все несчастны. Отец и бабушка с отцовской стороны, унижающие мать ребенка, также рождают смятение в его душе. Все это обернется жестокостью и цинизмом, презрением к самому себе и к противоположному полу. Чтобы воспитать детей, родители прежде всего должны быть авторитетны для них. Подростков, презирающих своих родителей, раздирают противоречивые чувства. Они одновременно и любят, и презирают родителей, а такое непосильно и взрослому. И как остановить подростка, родители которого неавторитетны для него, если он выбирает гибельный путь?

Родители, чтобы быть авторитетными для детей, никогда, ни при каких обстоятельствах не теряют чувство достоинства. Ничто так не омрачает детства, не производит на детей такого тягостного впечатления, как унижение роди-

...них страх. Униженность, растерянность и страх рожде-
...ей для детей равносильны крушению мира. Ведь папа в
...том случае для них — не защитник, а мать — не горная и
тоже не защищенная. И дети начинают бояться жизни,
скрупулезней их родителей. Где уж тут стать истинно мужест-
венным и истинно женственной!

Иметь детей — высокая ответственность. Позволить себе
эту радость могут только уверенные в себе. Не могут отец и
мать с побежденным сердцем воспитать смелых и горды...
воспитать счастливых. Можно потерять имущество и вновь
стать на ноги, потерять работу и вновь обрести ее. Но поте-
ряв однажды гордость, чувство достоинства, человек теряет
не только самого себя, но и своих детей.

С трех лет, осознав себя как индивидуальность, малыш
уже осознанно принимает и свой пол, однако до пяти лет
сын может сказать: «Вырасту дядей — буду пожарником,
вырасту тетей — буду продавать мороженое». С пяти лет
ребенок окончательно принимает свой пол, и с этого време-
ни отклонения от половой роли недопустимы для него, не
принимаются в детских играх, вызывая насмешки и отвер-
жение сверстников.

С пяти лет в воспитании мальчика доминирует отец, и
ответственность за воспитание сына лежит на нем. Отноше-
ние к мальчику с пяти лет должно быть сдержанным. Сын
знает: его любят, но пусть он привыкает к тому, что маль-
ка хвалят скупо. Ласка выражается не в объятиях, а в помо-
ле по делу, в слове. Это учит мальчика быть сдержанным в
эмоциях. Немногословен отец — немногословен и сын. Он
привыкает к мужской лаконичности. Вспыльчив отец — и
сын таков. Отец действительно глава семьи, каменная стена
— и сын начинает опекать меньшего и слабого. И так во
всем. И так оно и было веками, когда эстафета мужествен-
ности, равно как и женственности, передавалась из поколе-
ния в поколение.

Мальчика учат самостоятельности. Он должен уметь
принимать решения и действовать независимо. Ему помо-
гают, если ему не справиться, но никогда ничего не делают
за него. Ему помогают, как помогает мужчина мужчине:
когда надо и ровно столько, сколько надо. Наблюдая я как-
то сценку. Пятилетний сын стоит, а отец распутывает у него
лыжи. Зачем? Пусть сам поставит лыжи на лыжню! Маль-
чика побуждают думать и самому принимать решение.

Мальчику позволяют ошибаться, набивать себе синяки и шишки, убеждаться на деле в последствиях ложного выбора. Он должен совершить поступок, позволяющий проверить собственные силы. Никто, даже родители единственного сына, не могут отказать будущему мужчине в праве на поступок, пусть рискованный, азартный. Без этого ему не стать самостоятельным, не стать мужественным, не воспитать в себе волю. Пусть убеждается на собственном опыте, что ему по плечу, а что — не по силам, и стремится стать умнее, сильнее, больше знать и уметь, чтобы сделать невозможное сегодня возможным завтра. Пусть сам поймет, когда его упрямое своеволие было глупостью, а когда поступком, которым гордиться. Набивая себе шишки, совершая поступки и отвечая за них, сын придет к осознанию ответственности. Его безответственность будет осуждена досадой и порицанием отца.

Конечно, мальчика растят сильным и ловким. У него должно быть «мышечное чувство» — ощущение крепости своего костяка, силы мышц и связок. Оно порождает спокойствие перед лицом угрозы. Что храбрость, готовность прийти на помощь без силы, ловкости, умения плавать, прыгать, бегать? Храбрость бессильного вызывает уважение, но и щемящую жалость.

Девочку преимущественно воспитывает мать. Отец любит дочь, восхищается ею, побуждая быть женственной, нежной и грациозной, являясь для нее образцом истинной мужественности. И эмоциональное одобрение отцом женственности девочки точно так же, как и великодушное, благородное отношение его к матери ребенка, — лучший путь воспитания женственности в дочери. Девочке достается больше внешних проявлений родительской любви, но, чтобы это не взрастило в ней эгоизм, мать требовательна к дочери.

В девочке прежде всего воспитывают отзывчивость и доброту. Если после трех лет она не понимает, что мать устала, отец раздражен, а бабушка себя плохо чувствует, у нее отсутствуют начала женственности.

Девочку учат осмотрительности, осторожности. Ей суждено стать женщиной, дарить жизнь, и, оберегая себя, она оберегает будущее. Слишком дорогой ценой расплачивается неосторожная девушка за ошибки. Девочку не с переходного возраста, а с самых первых лет готовят к материнству. Ей рано поручают заботу о младших детях и

семье, подчеркивая их прелесть и беззащитность, обучая уходу за ними и радости общения с ними. Это происходит естественно — сначала куклы, затем младшие сестренка или братишка.

Девочке особенно необходима устойчивость к будничным нагрузкам и заботам, терпение, оптимизм. Этому учит ее мать, учит исподволь, своим примером и беседами о том, что семейные заботы — плата за счастье материнства, за праздники жизни.

Естественно, девочку учат чистоплотности, и к трем годам она осваивает навыки женской гигиены, стирает свои носочки, а после трех лет и трусики. К пяти-шести годам девочка должна уметь следить за своей прической, одеждой, обувью, быть опрятной, аккуратной, понимать, что ей к лицу, иметь зачатки хорошего вкуса, держать спинку, ходить легко и изящно, уметь вести себя за столом.

Умные матери дарят дочери фартучек раньше, чем нарядное платьице. С самого раннего возраста ее учат вначале в игре, а затем и в реальной жизни навыкам домоводства: готовить, шить, штопать, мыть и стирать, сервировать стол. Хорошо, если к пяти годам она уже будет уметь пришить пуговицу, подрубить носовой платок, унять разошедшийся шов, выстирать свое белье, почистить картошку. Конечно, многое еще у нее будет получаться неумело, но начало положено. Научившись одному, она смелее освоит другое. Главное — дочь должна как можно раньше понять, что для благополучия и уюта в доме нужен постоянный труд.

И все-таки главное в воспитании девочки — морально-нравственное становление ее личности. Без нравственности нет и мужественности, но она поистину стержень женственности. Когда говорят: женщина — великий учитель мужчины, более всего имеют в виду морально-нравственное воздействие женщины на мужчину.

Нередко на лекциях я получаю записки с вопросом, должны ли мальчики и девочки играть вместе. Безусловно, да. Но не для того, чтобы быть одинаковыми, а как раз для того, чтобы быть разными. В совместных играх, выполняя «мужские» и «женские» роли, наблюдая друг за другом, мальчики и девочки учатся быть собою, так сказать, «от противоположного». Говорят ведь, что более всего делает мужчину мужественным слабая женщина, а ее женственной — сильный, настоящий мужчина. Благодаря этому

обстоятельству в сыне одинокой женщины, если она женственна и в своей женственности слаба, рождается потребность защитить ее, позаботиться о ней, стать сильным. Благодаря этому мальчику становится стыдно плакать при девочке, подростку — быть грубым рядом со сверстницей. И облагораживающее воздействие девочки на мальчика в повседневном общении плодотворнее всех нравоучений.

Итак, воспитание истинных женственности и мужественности — это прежде всего нравственное воспитание. И начинается оно с целенаправленного развития в ребенке заложенного в нем от природы альтруизма.

Родители любят своих детей. Эта любовь природна. Она вытекает из инстинкта продолжения рода. Новорожденному неведомо чувство любви. Им безраздельно правит инстинкт самосохранения. Ему неведомо, что его появление на свет — материнский подвиг. Ему неведомо, что вскармливающая его грудь — это грудь его матери. Ему еще предстоит познать чувство любви и благодарности, как и то, что полные любви глаза, наблюдающие за ним, глаза его матери и отца. И любовь к родителям приходит к ребенку как ответ на их любовь. Она загорается в нем только от жара родительской любви.

Психологи различают два вида родительской любви: требовательную, когда ребенка любят за что-то (за доброе дело, за смелость и отвагу, за умное слово и похвальное поведение) и он должен завоевать эту любовь, и бескорыстную, безусловную, когда ребенка любят таким, какой он есть, и за то, что он есть. Отец любит сына требовательной любовью, а мать — бескорыстно. Мать любит дочь требовательной любовью, а отец — бескорыстно.

Требовательная любовь подвигает ребенка к самосовершенствованию, побуждает мальчика стать мужественным, а девочку — женственной. Однако требовательная любовь обращена к разуму ребенка и исходит от родительского разума. Как источник требовательной любви родители являются первыми учителями жизни.

Безусловная, бескорыстная любовь отца и матери обращена к сердцу ребенка и исходит от родительского сердца. Она вдохновляет, рождает чувство самоценности, радости жизни, счастье, покой и мир в душе ребенка. Каждого из нас на заре жизни любили, любили бескорыстно, и эта любовь дала нам силы жить и бороться. И она, эта

бескорыстная любовь, рождает ответное чувство любви ребенка, воспитывает альтруизм, истинную доброту человека к человеку.

Однако в безусловной любви к ребенку таится опасность взращивания в нем эгоизма, если любовь слепа, если она перехлестом, если ребенок, утонувший в ней, ощутит себя «пупом земли», объектом преклонения, когда все только ему и только для него.

Известна трагедия безответной любви. Человек любит, а ему не отвечают взаимностью. В отношениях мужчины и женщины подобное бывает часто. И это естественно. Но такого не должно быть между родителями и ребенком. Когда мужчина любит женщину, а она не любит его, это трагедия только мужчины. Если ребенок не любит родителей, это трагедия и ребенка, и родителей. И такое — увы! — бывает. Малыш как будто любит свою мать. Он не отпускает ее от себя ни на шаг, он спит с ней, изводит ревностью. Но он не видит, что мать устала, что она больна. И он не любит мать, он любит только себя, и мать ему нужна лишь как источник удовлетворения его эгоистических тенденций.

Бескорыстная любовь только тогда благо, когда порождает ответную любовь ребенка, когда рождает взаимность. Мать видит боль ребенка — он видит боль матери. Спрашивая ребенка о его самочувствии, мать непременно спросит его и о самочувствии бабушки. Мать ухаживает за ребенком, если он болен, но и ребенок, как только он научится ходить, несет больной бабушке или пришедшему с работы усталому отцу стакан воды или яблоко. Ему нашли затерявшуюся игрушку, а он ищет очки, тапочки дедушке. Ему подали ложку — он заботливо предложил сидящему за столом с ним кусок хлеба. Взаимность внимания, предупредительности, заботы и порождает в итоге взаимность любви. Доброе генерализуется, прорастает, расцветает, как и недоброе, но только в том случае, если ребенка неустанно подвигают к добру. Самое опасное в бескорыстной любви к ребенку заложено в ее сути — в самой бескорыстности, когда дают, ничего не ожидая, ничего не требуя взамен. Однако бескорыстно любя ребенка, следует ожидать бескорыстной доброты и от него.

Попросили у ребенка конфету. Он тут же дал. Взрослый восхитился добротой малыша, взял конфету, поблагодарил. Все как будто правильно. Но ребенок в результате усвоил: можно выслужить похвалу, ничего не потеряв, ничем не

поступившись. А ведь дети испытывают такое же удовлетворение от бескорыстия, как и взрослые, радость давать — не меньшую, чем получать. Как мудро заметил В.А. Сухомлинский, любовь детей можно завоевать не тем, что дается им, а прежде всего тем, что они дают родителям. Ведь и родители больше любят болезненного ребенка, потребовавшего от них самоотверженности. Научившись давать, отрывая от себя, ребенок учится бескорыстию — основе совестливости.

Взрослый дал ребенку конфету. Ребенок взял ее, а мама учит: «Скажи тете спасибо». Все как будто правильно. И все очень-очень сложно. Я вижу, как ребенок берет даруемое, не глядя в глаза, равнодушно буркнув: «Спасибо». Он не испытывает благодарности, берет подаренное как должное. Он вежлив, но безнравствен. Проблема воспитания холодной вежливости вместо эмоциональной и искренней благодарности очень серьезна. Вежливость не должна подменять сердечность и доброту. И нравственно воспитанный ребенок ответит добротой на доброту: он улыбнется тете, подарившей конфету, а бабушку погладит по ее доброй руке. Ему знакомо чувство благодарности. А оно — основа отношений между людьми. Еще Ксенофонт, описавший традиции воспитания в Древней Персии, отмечал, что неблагодарность воспринималась у персов как тягчайшее преступление: «Пороку неблагодарности ближе всего... бесстыдство; оно является величайшим пороком, причиной всех прочих пороков».

Нравственность воспитывается прежде всего личным примером. Нравственны родители — нравственны и дети. К ребенку пришли сверстники. Дети распалились, расшумелись, а может быть, нам просто не до них, и мы бесцеремонно выставили их за дверь, обидели. А они в возрасте после четырех с половиной лет помнят обиду крепко, долго. Мы поссорили ребенка с его сверстниками, мы преподали ему и им урок неуважения к людям. Кроме того, дети могут сказать ребенку: «У тебя мама злая». И ребенок, если он поверит им, согласится: «Да, у меня мама злая». Плохо. Ну а не согласившись с ними, сделает вывод: «Дети злые». И это плохо.

К ребенку пришли сверстники. Малыш бесхитростно попросил: «Мама, хочу конфету». Мать ответила: «Конфету получишь, когда дети уйдут». Ему преподнесен урок: «Не

проси при чужих, придется всех угощать». Мать угостила детей яблоками. Не выдержало материнское сердце — самое румяное досталось сыну. Детям обидно. Хорошо, если сынишке станет стыдно. А если нет? Еще хуже, если он ухмыльнется и начнет вертеть яблоко перед носом товарища или будет есть его скрытно, прикрывая рукой. Мелочи, но как много сокрыто в таких мелочах, как много последствий влекут они.

Или другие случаи. Упала женщина. Из сумки посыпалась картошка. Пятилетний смотрит. Он воспитан и не смеется над чужой бедой. Но и не помогает собрать картошку. Мать не разрешила — можно испачкать руки. Но руки отмыть легко. Труднее отмыть душу. Ребенок бросил камень в жабу: она ему не нравится, потому что некрасива. Мать промолчала. А ведь его поступок безнравствен. Писатель Р. П. Погодин вложил в уста мудрой старухи такие слова: «Конечно, жаба безобразна, но прекрасен сад, который она очистила за ночь от гусениц». И о подобном следует говорить с сыном и дочерью. Ребенок сорвал цветок, повертел и бросил. Он погубил красоту. Мать промолчала. Через много лет он так же бездумно, походя, может погубить и чью-то судьбу.

Ребенок совершил постыдный поступок. Мать не станет читать ему нравоучения. Она знает им цену и помнит басню про повара и кота Ваську. Она просто скажет: «Посмотри мне в глаза». Еще древние говорили: «Стыд живет в глазах». И пусть он опустит глаза, пусть переживет стыд за безнравственное.

Мать оказывает огромное воздействие на нравственное становление ребенка. И горе, если она нравственно ущербна. Л. Н. Толстой говорил, что дети — увеличительные стекла зла. И прежде всего — материнского. Я детский врач. Когда я смотрю на ребенка, лицо у меня доброе. Я это знаю наверняка. Дети улыбаются мне. Я смотрю на малыша в сквере. Улыбаюсь ему, он — мне. Мы молча общаемся. Нам весело и интересно. Мать перехватила взгляд ребенка, грубо повернула его лицом к себе, зло и отчужденно посмотрела на меня. И ребенку причинен ущерб. Ведь он верит маме, и ее поведение воспринято им однозначно: «Не верь людям!» И это — урок безнравственности, антиальтруизма, зла.

А. С. Макаренко предостерегал: «Нет ничего вреднее горячей агрессивности отца или матери по отношению к семье соседей; такая агрессивность как раз и воспитывает

злобность характера у ребенка, подозрительность, дикий и слепой семейный фанатизм» (1947, с. 55).

Слышал я как-то высказывание: «Я редко говорю о людях плохое, но еще реже думаю о них хорошо». Оставим эти слова на совести думающих так. Но произнесший их человек хотя бы редко говорит о людях плохое. А ведь родители часто плохо говорят о людях, хотя ребенок слышит эти высказывания. Злые слова всегда антигуманны, но, сказанные при ребенке, они антигуманны вдвойне, поскольку сказать злое — значит излить зло, сказать злое при ребенке — значит посеять зло. Следует помнить, что доброта матери природна. И добрее слово ближе природе человека, чем злое. Задумаемся над тем, почему голос человека, обращающегося к ребенку, нежен и добр. В. Маутнер писал: «Самое грубое горло смягчается и силится произнести нежные звуки, которые так нравятся детям» (1856, с. 193). И ребенок, еще не понимающий речи, расслабляется, внимая нежному и доброму голосу, сжимается и плачет, услышав грубый и злой. Следовательно, ребенок природно ориентирован на добро, на доброе.

Родители объясняют ребенку поступки и поведение свое и других, объясняют с позиций добра и зла, с позиций нравственности. И школа нравственности — это важнее грамотности, важнее арифметики, которым научить легче. В Библии есть сказание о Симе и Хаме. Это сказание о нравственности и безнравственности, в котором само имя безнравственного стало нарицательным. Ни от чего так сильно не страдают родители, как от хамства детей. Но семена его взращивают в семье. И нет мужественности у сына и женственности у дочери, если они — хамы.

Говоря о воспитании нравственности как сердцевине истинных мужественности и женственности, нельзя не сказать о бережном отношении к природе. Отношение к беззащитному — осколок нравственности. Природа беззащитна перед человеком. Жестокость ребенка к природе объясняется его неосведомленностью. Ребенок не ведает, как нелегко живется зяблику и сколько труда вложили муравьи в сооружение муравейника; он не знает, откуда начинается ручей, как не знает о связи струи из крана со струей лесного родника. Ему часто говорят о пользе тех же птиц, но как-то забывают напомнить, что птица живая, что если в нее бросили камень, ей больно так же, как и ему, малышу, если его

ударить. Редко у кого из городских детей есть своя любимая полянка, заветный лужок с ручейком, где в разные времена года можно наблюдать чудесные превращения природы. А у кого из них есть известный только им муравейник, любимая тропка к укромному озерцу? Многие ли городские дети знают названия трав и умеют отличить дуб от ольхи или клена? Кто из них видел, например, сову и знает о ней больше, чем хрестоматийное «летает ночью»?

И родители ведут ребенка в гости к деревьям, цветам, птицам. «Папа, как там наши мурашки?» — спрашивает любознательный малыш. «Скоро весна, сойдут снега, навестим мурашей!» — отвечает отец.

Сколько красоты и новых впечатлений в лесу, на лугу, у озера! Сколько рассказов, информации, поучительного! Какой заряд ума и доброты получает ребенок, если воспримет природу сердцем! Но в гостях ведут себя подобающим образом. И малыш не ломает веток у хозяина леса — дерева, не бросает камень в хозяюшку белочку.

Грустно, если рыба для малыша только пища, не более. И это не его вина, а свидетельство приземленности его родителей, для которых овечка — только шашлык, корова — только молоко и говядина, цветы в подарок — «бессмысленная трата денег».

Когда встречаешься с фактами жестокости городских детей по отношению к природе, их страхом перед живым, становится грустно. Ведь щеголь-петух, важный барин-гусак или медлительный, степенный индюк пугают порой городских детей до невроза. Стреноженная лошадь тяжело перемахнула на новое место, взревел бычок, уронил пену с губы. Красота-то какая, силища! А у них ужас, зикание. Увидал круторогого барана и не обрадовался, а заболел, кричит во сне от страха. Даже лягушки боятся, норовят ее камнем прихлопнуть. Села сорока-белобока на провода. Радуюсь я, давно сороку не видел. А мальчонка ее камнем. Улетела сорока. Эх ты, непутевый... Улетела красота, остались голые провода. Тащит ребенок кота за хвост — мяу, и на руке кровавые полосы. Кота гонят, бьют. Разве кот виноват? Добыл пес косточку, озабоченно возится с ней. Шалун хвать за кость, пес — за руку. Разве пес виноват? А его тоже гонят, бьют. Если ребенок не знает, что корова может смахнуть муху резким движением головы и нанести травму находящемуся рядом неосторожному человеку, что лошадь — не

игрушка, к ней без сноровки не подходи, если он не ведает, что козел, поднявшийся на задние ноги или пригнувший голову, изготовился к удару, а петуха не держат клювом у глаз, а всегда хвостом к себе, клювом наружу, — быть беде!

Мальчик, забавляясь, топтал, рвал траву и ломал кусты. Я не стал его ругать. Напротив, я похвалил его и сказал, что постараюсь раздобыть бульдозер и за пару дней мы изведем все в округе. Малыш смутился, бросил железный прут, стал выпрямлять смятые былинки, сам сказал мне вдруг: «Больше не буду...»

Нравственное отношение к природе воспитывается с самого раннего возраста. Ребенок запечатлевает отношение родителей к окружающему. И мать, гуляя с ребенком, обращает внимание на котенка, ласково объясняет: «Какой котенок быстрый, красивый, пушистый.» У нее доброе лицо, когда она смотрит на собачку. Возникает установка: котенок, собачка — это хорошо, прекрасно, это близкое и родное. Мать поднимает кроху к цветущим ветвям. «Ах, как хорошо пахнет, как красиво!» Дитя не понимает многого, но восприняло восхищение матери и бережное движение ее руки, опустившей ветку. Надо остановить ребенка, когда он впервый раз попытается обломать ветку. Гуляя с малышом, следует поднять бумажку на лужайке и отнести в урну, а сдвинутый кирпичик, ограждающий клумбу, поставить на место. Хорошо, если родители возмутились, когда кто-то оставил на полянке мусор, но еще лучше, если они вместе с ребенком очистили полянку от мусора. Вот ромашка с большими белыми лепестками. Ее следует назвать, сравнить с солнышком. Пусть дитя наблюдает за бабочкой, не вспугнув ее. Не надо устраивать охоту за ней, а лучше сказать, как нежны ее крылышки, и сравнить бабочку с летающим цветком. Воспитывая у малыша бережное отношение к природе, родители взращивают в нем совестливость, стыдливость, ответственность. Мать укажет ребенку на разницу между скромным цветком яблоньки и пышной гроздью сирени, прислушается вместе с ним к шуму листьев под ветерком и звуку весенней капели, к посвисту синички. Летом дитя услышит крик петуха и, рассмотрев его, скажет: «А он красивый». Малыш покормит птиц и узнает, где они живут, что едят, куда улетают зимой, кто из них папа, а кто — мама, где их детки. Он полюбуется красотой их оперения, их быстрым полетом. И птицы станут близки ему, он будет оберегать их.

Ему теперь и в голову не придет обидеть их. Ребенок поиграл с котенком, погладил щенка, на взрослого пса посмотрел издали, но не позволил себе ни фамильярности, ни тем более жестокости. Он усваивает: животные не игрушки, они живут рядом с нами, домашние даже зависят от нас, но все это не значит, что их можно обижать и мучить. Кстати, кто мучил животных в детстве, тот, став взрослым, будет жесток и с людьми.

В проблеме воспитания нравственности есть великий парадокс. Все правила ее и все требования общеизвестны и общепринятны, но как-то не всегда доходят до сердца, не всегда становятся натурой человека. Тысячелетиями учат детей: не пожелай чужого; не проходи мимо беды другого; не обижай, не оскорби; не топчи живое, не замути родник и ручей; не заслоняй другому солнце; сохрани и для других красоту, природу, землю; понимай заботы и нужды других. И если ребенок дошкольного возраста не понимает, что и у других такая же тонкая кожа, как и у него, что другим так же больно, как и ему, что и другие обидчивы, ранимы, впечатлительны, как и он, что и у других есть желания и интересы, что со всем этим следует считаться, он плохо воспитан, ибо он безнравствен. Если ребенку больше трех лет, а он бесчувствен к эмоциональному состоянию других, это такой же дефект, как и задержка умственного развития.

Не помогут преподанные ему основы искусства, музыки. Все это будет холодным, как холодна вежливость чиновника или официанта. Только нравственность превращает умного, образованного в культурного и вежливого человека. Вспомним все-таки, что, сотворив человека из глины по образу и подобию своему, Бог еще и вдохнул в него душу. Вот и ребенок рождается человеком только по образу и подобию. Воспитав нравственность, альтруизм, родители вдохнули в свое дитя суть человеческую — истинную доброту. В Древней Индии и в Тибете проповедовали приоритет истинной доброты в человеке. Полагали: что только истинно добрый будет здоров и долголетен. Всмотритесь в ребенка. Если он добр, добр искренне, без игры на публику, бескорыстно, он нравствен, он хорошо воспитан. И только с истинной добротой гармонично сочетаются образованный ум, культура и все прочие характеристики воспитанности.

Истинной мужественности свойственна эмоциональная сдержанность, но это отнюдь не бесчувственность, а как раз

– грубина чувств. Истинной женственности свойственна эмо-
циональная отзывчивость, утонченность, многокрасочность
восприятия и переживания. Нет мужественности и жест-
кости без культуры эмоциональности. Эмоциональность
– важнейшая характеристика психической жизни челове-
ка. Без эмоций немыслимы отношения между людьми. В
самом холодном, самом рассудочном общении есть прист-
растие, отношения сердца. Эмоции обеспечивают понима-
ние человека человеком лучше всяких слов. Некто нахвали-
вает кого-то, а в глазах насмешка, ирония или ненависть —
и все ясно. Человек предупредителен и вежлив, а в мимике,
выражении глаз — высокомерие или равнодушие. Человек
произносит «да», но эмоционально, на лице и в глазах,
читается «нет!»

Эмоции обостряют ум, поскольку за ними человеческие страсти. Они выражают самые глубинные состояния человека. Без них нет восприятия прекрасного и безобразного, добра и зла. Есть простые эмоции, вызванные удовлетворением или неудовлетворением неких потребностей, и есть сложные, складывающиеся в целую гамму чувств. Та же любовь — лучшее и сложнейшее из чувств человека. В ней восторг, счастье, творчество, отзывчивость, тонкость, нежность, самопожертвование, одухотворенность, постоянный труд души. И в этом мужественное и женственное едины. А сколько эмоций, сколько чувств в одном «слышу!» Тараса Бульбы, которым он откликнулся на смертную муку сына. Одно слово, простое и однозначное, но за ним нестерпимое горе и высочайшая гордость, нечеловеческий ужас и несокрушимое мужество, великая любовь отца к последнему, растерзанному на его глазах сыну и безмерный, яростный гнев, неутолимая жажда мести. Вот они — наши эмоции, чувства, страсти! Вот он — человек!

Воспитатели детства превыше всего ценят и потому с особым тщанием воспитывают интеллект. С этим связаны и заботы о будущем ребенка: «Получишь образование, и мы будем спокойны за тебя», честолюбивые замыслы родителей: «Станешь врачом или инженером, ученым». И даже мечтая о карьере музыканта, художника, актера для сына или дочери, они прежде всего думают об образовании, развитии интеллекта у ребенка и менее всего об его эмоциональном воспитании. Осознание того, что воспитывать следует не инженера, а человека, приходит только тогда, когда перед

ними оказывается умный, но бездушный человек.

Ко всему прочему к разуму обратиться легче; для обращения же к сердцу нужны талант, глубокая интуиция, богатая духовность. Однако разум, не согретый теплом сердца, односторонен, холоден. Недаром ведь сказал поэт: «Пусть будет добрым ум у вас...»

Воспринятое только разумом не становится второй натурой, глубоко личным, как бы установкой души. Поэтому, воспитывая интеллект, с тем же тщанием пестуют культуру эмоциональности. Здесь уместно вспомнить слова Гете: «Перед великим умом я склоняю голову, перед сердцем великим — колени». Дети эмоциональны природно. Они живут радостно, искренни и непосредственны в выражении эмоций. Эмоциональность — талант ребенка. И столь же талантливо, бережно и мудро следует социализировать эмоциональность. Ведь какие чувства взрастят в ребенке — возвышенные или низменные, как научится он выражать эмоции, таким и будет человек. Дети впитывают, запечатлевают чувства родителей. И эти, впитанные с молоком матери чувства, превалируют в человеке. Даже в толпе, охваченной ненавистью, один скорбит и сокрушается, другой лишь жаждет мщения. В зависимости от воспитания в семье у одного доминирует чувство превосходства над людьми, и вся жизнь такого человека пронизана эгоизмом и пренебрежением к окружающим; у другого превалируют скромность, уважение к человеку и понимание его, отзывчивость. Ребенок впитывает стиль, манеру эмоционального реагирования родителей. Выросший в семье, где постоянны распри, скандалы, неуправляемый разгул страстей, истеричен, несдержан или пессимистичен, замкнут. Мальчик, сталкивающийся с постоянной аффективностью матери и грубостью отца, грубеет эмоционально, и ему не стать истинно мужественным; соответственно не быть истинно женственной и девочке, выросшей в такой обстановке.

На ребенка воздействуют эмоции, в центре которых оказывается он сам. Он ощущает накал страстей вокруг себя. Мать без меры восхищается им, а отец ироничен к нему. Восхищение матери радует его, но он не ведает, что в нем так восхищает ее. А тут еще и ирония отца. Ребенок чувствует — отец недоволен им, смеется над ним, но не понимает, чем именно недоволен отец и что смешного в нем, поскольку понимание причин иронии ему пока недос-

рено. В конце концов ребенок понимает только одно: он
емцион, жалок и прекрасен одновременно, ибо отец крайне
недоволен, а мать более чем довольна им. Он растерян, не
способен соединить эти крайности. Он не понимает, каким
же ему быть. И ребенок отвечает эмоциями протеста и на
гнев отца, и на восхищение матери. Так формируются
эмоциональная нестабильность, раздражительность, про-
тиворечивость.

Воспитывая эмоциональность ребенка, родители обяза-
ны помнить: эмоция порождает аналогичную ответную
эмоцию. В данном аспекте правомерно говорить об эмоци-
ональном эхо: как аукнется, так и откликнется. И на любовь
отвечают любовью, на гнев — гневом. Опытный психиатр
легко определяет, в атмосфере каких эмоций живет ребенок,
к каким эмоциям он привык в своей семье. Угрюмый отец,
раздраженная мать, постоянные отрицательные эмоции.
Так формируются соответствующие эмоциональные ори-
ентации. И вот на приеме я слышу: «Доктор, наш ребенок
недобрый и постоянно ищет, на ком бы сорвать злость. Он
уже просыпается с недовольством на лице». А каким он
может быть в подобной эмоциональной среде? Такой ребе-
нок равнодушен к добру, к миролюбию, по тотчас откликает-
ся на недоброе, злое.

Самое главное в эмоциональности — отзывчивость.
Только при понимании эмоционального состояния ребенка
родителями можно подвести его к пониманию состояния
других. И у малыша бывает плохое настроение, и он пережи-
вает обиду, жаждет уединения. Однако все это зачастую не
учитывается родителями, которые обращаются с ним бес-
церемонно. Естественно, и таком случае и ребенок не будет
принимать во внимание чувства и состояние родителей. И
он будет бесцеремонным с ними. Если глухи и слепы к
ребенку, глух и слеп к другим и он. Родители внимательны к
состоянию ребенка, и он ощущает их предупредительность.
Он привыкает к доброму вниманию, к тонким и добрым
отношениям. Так рождается отзывчивость — стержень
женственности, облагораживающая, однако, и мужествен-
ность.

Мать учит ребенка внимательному отношению к людям.
«Тише, не шуми, у тети, наверное, горе. Видишь, как печаль-
но ее лицо, как опущены плечи, как ссутулилась спина...» В
воспитании главное — пример. «Долог путь наставлений,

краток и убедителен путь примеров», — писал Сенека. В семье все предупредительны не только к ребенку, но и друг к другу. И если у кого-то болит голова, выключают телевизор; если у кого-то плохое настроение, это не игнорируется, а учитывается всеми членами семьи. Если кто-то болен, все предельно внимательны к нему. Малыш в такой семье живет в атмосфере отзывчивости и доброты, ежечасно впитывая все.

Вспылила мать ребенка. Но мудр и истинно мужествен отец. Он не ответил криком на крик. Он сдержан и терпелив, а сыну шепчет: «Уйдем в другую комнату, оставим маму на время — она устала, огорчена, пусть успокоится». Сын получил наглядный урок мужественности, мужского стиля эмоционального поведения. Мать видит, что отец ребенка устал, раздражен. Она говорит дочери: «Не трогай сегодня отца, оставим его в покое. Сегодня ему не до разговоров и не до наших проблем». Дети видят, как родители уступают друг другу, понимают друг друга. И они будут так же решать проблемы в семье, когда вырастут. Терпимость родителей, их незлобивость, взаимное уважение запечатлеваются детьми, а потом и принимаются как сознательные принципы отношений, определяя черты их характера, мировоззрения, черты их мужественности и женственности.

Известный американский психолог В. Уайт полагает, что к концу третьего года жизни ребенок настолько сформировался как личность, что практически его будущность уже предопределена. Конечно, можно спорить с видным ученым и профессионалом в столь категоричном определении возраста личностного становления. Быть может, в его утверждении есть и преувеличение, но то, что культура эмоциональной экспрессии и нравственность должны воспитываться именно в дошкольном возрасте, сомнению не подлежит.

Воспитание соединяет «линии ума и сердца», ума и эмоциональности. Говорить о том, что важнее, так же нелепо, как рассуждать на тему, какая нога главнее — правая или левая. Только в единении этих констант — гармоничность личности. Тот, кто тонко чувствует, тонко мыслит. Дети, рано проявляющие способность к таким сложным переживаниям, как нежность и сочувствие, сопереживание и разочарование, умны. Впечатлительные дети также умны. Эмоции интереса и радостного ожидания порождают творчес-

дую активность ребенка, фантазию и выдумку, побуждая думать и придумывать. Без интереса невозможно думать направленно, интерес ведет к цели. Эмоции зажигают и плодотворяют ум, рождая игру ума, вдохновение. Почему так талантливы рисунок, игра, а порой и суждения ребенка? Да потому, что талантлива его эмоциональность.

Воспитание культуры эмоциональности чаще всего понимается как воспитание эмоциональной сдержанности. Ребенка чуть ли не с пеленок приучают к сокрытию эмоций, и каждый человек в итоге в большей или меньшей мере становится актером. К эмоциональной сдержанности приучают в первую очередь мальчика. Оно и понятно. Эмоциональная сдержанность — истинная мужественность. К этому подлигают примером поведения отца, дедушки. Эмоциональную несдержанность мальчика не высмеивают, а удивляются ей как чему-то в высшей степени нелепому. Но к эмоциональной сдержанности и мальчика ведут постепенно, с учетом возраста, так, чтобы после пяти лет он сознательно умерял слишком бурное проявление эмоций. Однако и мальчик — ребенок. Трехгодовалому еще не справиться с половодьем чувств. И ограничиваются лишь крайности, лишь перехлест.

Подчеркну, что с воспитанием мальчиков в духе мужественности следует быть очень осторожным. Есть существенная разница между воспитанием мужчины и воспитанием мужлана. При всех качествах мужественности мальчик должен быть эмоционально тонким. Эмоциональная сдержанность это не бесчувственность или грубость.

Отец, как правило, учит даже совсем маленького сына: «Настоящий мужчина не покажет вида, что ему больно». Но почему ребенок должен глотать слезы, если ему больно? Разве вокруг нет близких, разве сочувствие постыдно, а человек должен готовить себя к одиночеству среди людей, когда никому нет дела до боли других? Если мальчик не испытает сочувствия к нему, будет ли он сочувствовать чужой боли? Эмоции эволюционно ориентированы на информативное воздействие на других (об угрозе, о ранении, о переживании и страдании), на призыв о помощи. Человек любого пола имеет право на сочувствие и помощь со стороны других людей.

Обидели трехлетнего. Он охвачен пламенем сильной эмоции. В нем бушует вегетативная буря: повысилось

артериальное давление, он красный, потный, на глазах слезы. Заставить мальчика в таком состоянии сдержать эмоции – значит нанести вред его здоровью. Пусть побушует наш маленький мужчина. Гнев у мужчины велик. Мужчина сдержан, пока может терпеть. Но если терпение со истощилось, взрыв силен. Родители понимают это и прощают мальчику на его несдержанность, лишь когда он остынет, а пока умело отвлекают, уводят от источника гневной реакции. Постепенно, наблюдая, как реагирует на обиды отец, малыш научится сдержанности.

И тогда в пять-шесть лет малыш и в гневе не дерется, не оскорбляет, не вопит на всю округу. Он побледнел, кулачки сжаты, плотно сомкнуты губы, стиснуты зубы. Нормальная гневная реакция. Он высказывает протест, обвиняет, но, сохраняя достоинство — свое и обидчика, не переходит черту дозволенного. Вот к этому и ведут мальчика правильным воспитанием. В этом возрасте он уже чувствителен к укору: «Ты же мальчик, а плачешь как девочка...» Ему говорят: «Плачь, но знай меру». И эта мера — эмоциональная сдержанность.

Если гнев велик и пятилетний чувствует, что ему с собой не совладать, он убегает, с тем чтобы вернуться, вымыв лицо холодной водой, успокоившись. Вернуться уже не для крика, а для «мужского разговора», чтобы выяснить, кто был прав, а кто виноват, чтобы разрешить конфликт и получить удовлетворение в извинениях и в добром слове. Пусть убежит к бабушке, чтобы выговориться, пусть послушает спокойную музыку. Так малыш учится, как надо себя вести в трудную минуту. Важно научить малыша так изливать эмоции, так действовать в гневе, чтобы потом не было стыдно за себя. Родители пресекают любые попытки ребенка излить гнев на бабушку, младшего брата, сестренку, на животное и даже на куклу, потому что она имеет облик человека и безответна. Непозволительно, чтобы мальчик, ударившись о шкаф, в гневе бил по нему. Из этого вырастает опасная тенденция всегда и во всем винить других, обстоятельства, но никогда себя самого. И отец сурово говорит: «Шкаф не виноват!» Недопустимо и царапать себя в гневе, кусать собственные руки, драть на себе волосы. Из этого рождается истеричность, агрессивная демонстративность. И подобное следует пресекать в зародыше, сурово наказывая.

И мальчик до тринадцати лет имеет право на слезы.

Детская по носовым ходам — хоанам, они успокаивают, воздействуя, как валериана, на нервные окончания. Но в характере слез следует разобраться. Если это слезы отчаяния, мы утешаем и ободряем ребенка, чтобы он не чувствовал себя одиноким. И отчаяние сменяется надеждой. Ребенок не одинок. Он чувствует — его любят, родители в эту трудную минуту рядом с ним. И он будет добрым с другими.

Злые слезы. Чем они вызваны? Если малыша обидели, успокоим его; если он не прав, некоторое время не подходим к нему. Пусть они, эти слезы, прольются, а мы поговорим с ним потом, когда он успокоится. Мы добьемся своего, если ребенок устыдится своих злых слез, зла в себе.

Требовательные слезы. Такие слезы — аргумент истеричного ребенка. Если мы уступим этим слезкам, ребенок попытается добиться криком и слезами всего, что его левая нога захочет, и требовательные слезы будут длиться долго, до совершеннолетия. Требовательные слезы игнорируются. Ребенок ничего и никогда не должен добиться такими слезами.

Слезы обиды. Это горькие слезы. Ребенок не должен накапливать оны обид. Воспоминания об обидах сохраняются в бессознательном навсегда, омрачая жизнь взрослого. Никто не стал лучше от того, что терпел в детстве обиду за обидой. Горечь детских обид жжет сердце до старости. И ребенка утешают, а если обида нестерпима и помочь нельзя, обидчика почему-то не наказать, мать может и поплакать вместе с ребенком. Мы в таком случае не можем помочь, но мы сочувствуем малышу всей душой. Если обидчик рядом, мы требуем от него извинений. Если причина обиды в наших собственных словах и действиях, мы незамедлительно раскаиваемся и обещаем, что подобное не повторится. В этом и уважение к ребенку, в этом и урок ему, как следует действовать, если обидчиком окажется он сам. Так мы учим ребенка отзывчивости, справедливости и ответственности за свои слова и поступки. И еще. Мы учим прощать обиды, если они нанесены без злого умысла, если обидчик раскаялся.

Слезы протеста. Если протест ребенка оправдан, мы должны быть справедливы и признать его правоту. Мы помним, что из слез протеста рождаются протестное поведение, отчуждение, непонимание, пессимизм и депрессия.

Мальчик имеет право плакать до достижения им возраста 13 - 14 лет, пока наступающая юность не потребует, во

исполнение мужской роли, подавления слез. Женщина имеет великую привилегию слезы не прятать. Этот вид отреагирования вместе с рядом других даст ей выигрыш в длительности жизни.

Мы видим: эмоциональная сдержанность — не твердокаменность, а культура выражения эмоций, мудрость сердца. Для эмоционального самовыражения не существует жестких рамок, но в нем должно быть чувство меры. Мы и девочке внушаем мысль о необходимости самоконтроля в эмоциональном реагировании. Тонкая женственная эмоциональность — да, эмоциональная разнузданность и истероидность — нет. Девочка может плакать без ограничений, но за неправедные слезы должно быть стыдно и ей. И уж, конечно, больная терпимость к эмоциональной экспрессии девочки, как и впоследствии — женщины, не означает, что ей дозволена эмоциональная агрессивность, разнузданность в отношении мальчика, а потом и мужчины. При проявлениях подобного ее незамедлительно ставят на место. Замечу, что есть тенденция быть требовательными только к мужчине. Он должен быть благородным, рыцарем, он должен терпеть и уступать, он должен быть великодушным, он должен, должен, должен. А женщине вроде бы позволено все. Опасная тенденция. Она заканчивается распадом семьи, детьми без отца.

Доминирующие эмоции запечатлеваются в выражении лица, накладывая на него своеобразную печать — эмоциональный оттиск. Он заметен уже на лице ребенка. И есть одухотворенное или бездуховное, доброе или злое, высокомерное, капризное, холодное выражение лица, как есть умное и глупое, отталкивающее или симпатичное лицо. А в целом, заканчивая обсуждение проблемы воспитания нравственности и культуры эмоционального реагирования как неотъемлемой составной мужественности и женственности, роли родителей в этом важном деле, приведу русскую народную поговорку: «Не тот отец, мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил».

Естественно, родители, воспитывающие сына или дочь, ждут в этой главе разговора о том, что волнует многих: когда следует посвятить детей в тайну рождения, когда рассказать им о роли отца в рождении ребенка, об особенностях строения женских и мужских половых органов. О том, что такое эрекция, поллюция, месячные, онанизм.

Социалисты полагают, что о тайне рождения ребенку следует рассказать в шесть лет, перед школой, чтобы он не узнал об этом от сверстников, что таит опасность вульгаризации. Шестилетний спокойно, без излишней сексуальности воспринимает как рисунки, на которых изображены строение женских и мужских половых органов, матка с плодом, так и объяснения относительно родового акта. Ему говорят, что дитя зарождается в родовом органе, который находится в животе мамы, и появляется на свет через специальный ход. Ребенок слушает такое объяснение, видит это все на рисунке, и его любопытство удовлетворено. Он узнал, что орган, в котором зарождается ребенок, называется маткой, а ход — влагалищем. Когда ему расскажут об этом сверстники, он убедится, что родители сказали ему правду, не обманывали его, и не примет бранные обозначения половых органов. Ему рассказывают, что у папы — член, что такой же член есть у мальчика и подрастает он у малыша так же, как растут у него руки и ноги. Папа, когда он и мама захотят иметь ребенка, вкладывает член во влагалище мамы (поэтому и название хода для рождения детей у мамы — влагалище). Из члена выпускают зародыши. Они проникают в яйцеклетку, которая хранится в матке. Эта яйцеклетка похожа на яйцо курицы, только она очень маленькая. И тут уместно рассказать, что в яйце курицы и любой птицы тоже есть зародыш и из яйца вылупляется птенец. Так ребенок берет самое лучшее от папы и от мамы, поэтому он — родной папе и маме. Чтобы член можно было ввести во влагалище, он должен стать твердой трубочкой, по которой и выйдет зародыш. И у мальчиков иногда член напрягается, становится твердой трубочкой. Это нормально. Так член и подрастает. О поллюциях — самопроизвольном ночном выбросе семени — отец расскажет сыну в 11 лет, а о месячных мама дочке в 10 лет.

Об онанизме поговорим подробнее. Д. Н. Исаев и В. Е. Каган, крупнейшие отечественные исследователи детской сексологии, приводят следующую классификацию мастурбации (онанизма) у детей.

«Младенческая мастурбация» наблюдается у детей на первом году жизни, чаще у девочек. Она связана с мозговыми дисфункциями, может быть следствием неблагоприятно протекавшей беременности или родовой травмы и со временем проходит. Однако иногда она настораживает с

точки зрения возможного наличия более серьезных моторных нарушений, и тогда требуется консультация детского психоневролога. При этой форме мастурбации ребенок сжимает бедра, напрягается, у него отмечается покраснение лица и он явно испытывает сексуальное удовлетворение. Это в большинстве случаев не опасно. Ребенка отвлекают, не пугая и не наказывая, возможен прием валерианы. Более старшие дети трутся животиком о простыню, закладывают одеяльце между ног. Хуже, если ребенок начинает получать удовлетворение, раздражая половые органы рукой, поскольку эта форма мастурбации более упорна. Но и в этом случае его отвлекают, следят, чтобы он не играл в постели, чтобы ручки лежали поверх одеяла

Встречается «симптоматическая мастурбация», вызванная раздражением половых органов ребенка выделениями (воспалительные процессы половых органов), глистами (острицы!), рубчиками тесного белья, недостаточной гигиеной тела. Очевидно, что, устранив причины, устраняют в данном случае и последствия.

При фрустрационной мастурбации ребенок, оставленный без надзора в больнице, в Доме ребенка, страдая от одиночества, от недостатка материнского тепла и внимания к себе, как бы утешаясь, ласкает себя сам, раздражая половые органы. И в данном случае устранение причины устраняет следствие.

Имеет место привитая мастурбация, когда ребенка научили заниматься ею или он подражает более старшим детям. И здесь все понятно. Следует устранить отрицательные влияния на ребенка

Встречается истинная ранняя мастурбация, когда у ребенка очень сильная врожденная половая конституция, сильная ранняя сексуальность. В таком случае это у ребенка природное, естественное и лечению не подлежит, а требует переключения, отвлечения, раннего занятия спортом и строгого соблюдения диеты с исключением острого, пряного, возбуждающего, с известным ограничением мясной, высококалорийной пищи, успокоения водными процедурами и лекарственными травами.

Не является мастурбацией интерес детей к половым органам, когда ребенок теребит их, трогает, играет ими. Подобное времяпровождение порождается скукой, и следует отвлечь ребенка, занять его интересным делом.

Воспитание мужественности и женственности готовит ребенка к созданию полноценной семьи, к счастливому материнству и отцовству, готовит к жизни во всем ее разнообразии, формируя личность, поскольку, как сказано в эпиграфе к главе, личность человека — это всегда личность женщины или мужчины.

Глава IX

Поощрение и наказание

Я не одобряю обычая подстрекать детей телесному наказанию_ такое наказание мне кажется низким и справедливо считается жестоким оскорблением.

Квинтилиан

Проблема поощрения и наказания ребенка трудна и спорна. Противники наказаний справедливо утверждают: детей следует воспитывать так, чтобы потребность в наказаниях не возникала. Они считают, что наказывать детей несправедливо, поскольку в проступках ребенка в большинстве случаев повинны его родители, как неверно воспитывающие, так и имеющие сами недостатки, которые проявляются в поведении ребенка. Л. Н. Толстой писал: «Я думаю, что не только трудно, но невозможно хорошо воспитать детей, если сам дурен...» (1953, с. 402 - 403). Нравственно ли наказывать ребенка за то, что он таков, каким его воспитали?

Как это ни парадоксально, самые тяжкие огорчения выпадают на долю родителей, дети которых, казалось бы, благополучны, успешно учатся, изучают иностранные языки, занимаются музыкой, спортом. Все было так хорошо и вдруг — вопиющая эгоистичность, циничность и бессердечие в отношениях с людьми и в жизни. И это происходит в тех случаях, когда забыли только об одном: о том, что главное — воспитание нравственности. Иоганн Песталоцци предостерегал: «Если ты придашь ему высшую силу, высшее совершенство животного, то ты сделаешь его нечеловеком. Дай ему обоняние собаки — что же ты дал ему? Дай ему хитрость лисицы — что же ты дал ему — человеку? Если ты дашь его сердцу спокойствие льва после кровавого обеда, то

овца, которую он убивает, будет по своим свойствам гораздо ближе к человеку, чем он» (1913, с. 24). Необходимость в наказаниях вытекает из ошибок воспитания, чаще всего — в отношении нравственности, и проступки ребенка высветляют именно эти ошибки.

Одна из опасностей наказаний заключается в том, что ими нередко подавляется натура ребенка, его индивидуальность. И это очень серьезно. Иоганн Песталоцци писал: «Шлифуя драгоценный камень, ты возвышаешь его ценность; отторгая же что-либо от человека, ты умаляешь его достоинство...» (там же, с. 24). Чувство достоинства врождено и прямо связано с натурой человека. Подавляя наказаниями чувство достоинства, родители тем самым воспитывают в ребенке приспособленчество и склонность к низким поступкам. Роберт Гаупп, отец пятерых детей, написавший великолепную книгу «Психология ребенка», отмечал: «Чувство собственного достоинства и честолюбие известны уже полутора-двухгодовалому; у трех-четырехлетних же мальчиков оно играет видную роль» (1926, с. 68). И Гаупп справедливо замечает: детей, у которых не подавлено чувство достоинства, легко воспитывать и обучать.

Бездумные, бездушные наказания порождают в ребенке страх, а с этим — хитрость и лживость. Возникает замкнутый круг, в котором само наказание подготавливает почву для совершения новых, еще более худших проступков.

Противники наказаний справедливо утверждают, что проступки ребенка следует предупреждать. Бертран Рассел предостерегал своего трехлетнего сына, говоря ему, что, если он съест всю шоколадку, ему будет плохо. Однако малыш настоял на своем. И только когда у него разболелся животик, он понял, что отец был прав. Малыш сам наказал себя непослушанием и после этого редко нарушал запреты отца. Тот же Рассел запретил сыну ходить босиком в ручье, опасаясь, что тот порежет ногу битым стеклом. Но запретил не родительской властью, а пройдя с ребенком вдоль ручья и обнаружив в нем осколок стекла. Ребенок вновь убедился в правоте отца. И Бертран Рассел пишет: «Если бы я не нашел ни одного осколка, я был бы должен ему позволить шлепать по ручью босиком» (1972, с. 38). Так серьезно относится умный человек к воспитанию ребенка, предотвращая неразумные поступки.

Если ребенок приучен к порядку, многие его поступки

будут предупреждены. Если родители приучили ребенка, что для него телепередачи кончаются со словами: «спокойной ночи, малыши», не будет скандалов и наказаний по поводу более поздних передач. И так во всем.

Все вышесказанное безусловно верно. Однако в реальной жизни наказывать детей все-таки приходится. Табу на многие желания и влечения ребенка, на то, что «нельзя», — необходимы, и утверждать такую необходимость следует самым решительным образом. За неосторожность, нерадивость, неумелость и глупость наказывает сама жизнь — огонь, вода, скала, дерево, змея, собака, даже добродушная корова, даже птица. Такие наказания формируют бесценный личный опыт, без которого не стать человеком. Только набив шишку, человек нагибает голову, входя в дверь с низкой притолокой. С младых ногтей он усваивает правила поведения, принятые в обществе. Нарушить табу на запретное — значит быть наказанным. Другое дело, что наказания должны быть разумными, взвешенными и не подавлять решительность и отвагу, не порождать страх и пессимизм.

Жизнедеятельность организма регулируется стимуляцией и торможением, седацией. Так действуют на организм и основные лекарства. То же самое и в воспитании ребенка. Родители стимулируют одно и тормозят другое. Вопрос в том, что стимуляция (поощрения) не должна порождать зазнайство, а торможение (наказания) не должно подавлять его достоинство и активность. В итоге знавший поощрения и наказания приходит к высшей регуляции своего поведения — к саморегуляции, когда человек сам себе судья и самопоощрение дает чувство удовлетворения, а самонаказание вызывает досаду, муки совести.

Да, родители повинны в большинстве проступков ребенка, но, наказывая дитя, они страдают больше него и приобретают опыт вместе с ним. И в этом их оправдание. Справедливое наказание от отца и матери ребенок воспринимает без обиды. И лучше, если малыша накажут в детстве родители, возможно, предотвратив тем самым проступки взрослого человека, чем впоследствии это сделают чужие люди или суровая действительность.

Поощрения и наказания сопровождаются бурей эмоций. Своими проступками ребенок вызывает удовлетворение или неудовлетворение, радость, симпатию или огорчение, горе, гнев. Родители ласково улыбнулись ему, нежно

прикоснулись — они довольны его поступком, одобряют его: действуй так и впредь. На их лице недовольство, жесткость — они предупредили ребенка. В поощрениях и наказаниях мудрость и эмоции тесно переплетаются, и в этом сила их воздействия на ребенка.

Ребенок, расшалившись, разбил вазу. На звон и грохот прибежали взрослые. Отец красноречиво посмотрел на сына и вышел из комнаты. Мать заплакала и тоже ушла. Бабушка огорченно покачала головой, собрала в совок осколки и ушла. Он остался один. Не было сказано ни одного слова, и это подчеркнуло воспитывающее воздействие взрослых. Малыш остался наедине со своим стыдом. И такого наказания, наказания огорчением и стыдом, ребенок не забудет. Он взглянул на свой поступок со стороны. Он получил урок, он учится видеть добро и зло в своих поступках. Эмоции были, но без крика, безобразных сцен, и в этом состояло истинное наказание, истинное воспитание. Заодно малыш получил урок культуры выражения эмоциональности, культуры поведения.

Наказание достигает цели только тогда, когда оно порождает раскаяние, а не обиду, не чувство унижения или ожесточенность несправедливостью и жестокостью. Ребенка наказывает только тот, кто его любит. Наказание ребенка без любви к нему — жестокость. Недаром говорится: мать бьет, да не пробьет, мачеха гладит да проглядит. По преданию, мудрый царь из двух женщин, претендовавших на материнство, определил мать ребенка, посоветовав им решить спор силой — кто перетянет к себе ребенка, та и мать. Чужая схватила ребенка за руку и изо всех сил потянула к себе, родная же опустила руки и заплакала. Она не могла причинить ребенку боль. Мать, наказывая, страдает. Как ни велик ее гнев, она никогда не ударит по голове, рука ее не тяжела. Она огорчена необходимостью наказать ребенка больше, чем он самим наказанием. Наказание со стороны любящих не унижает. Любовь как бы удваивает его воздействие. Ребенок понимает, что он огорчил родителей и вынудил их наказать его. Андрей безропотно принял смерть от руки отца, Тараса Бульбы. Он знал, что преступил непереступаемое и что отец переживает при этом муку, которая горше смерти.

Лучше, если меру наказания определяет отец. В семье он больше подходит на роль древнегреческого судьи, ибо более объ-

ективен, в его реакции на проступок меньше эмоциональности. Лучше, если сына наказывает отец, а дочь — мать. А вот утешения наказанные, сын и дочь, ищут у матери. Сын — естественно: ведь наказал отец, а дочь потому, что мать наказала, мать и простила. Наказали, поплакал, прочувствовал, — теперь можно и утешить. Ребенка наказали и утешили свои, родные люди. Самое опасное развитие событий, когда впоследствии, уже подростком, утешения ищут на стороне, в подростковой компании. Там утешат сигаретой, вином и асоциальным протестом.

Наказание не должно быть судом скорым и потому несправедливым. Однако не следует и затягивать его. Нужно дождаться отца с работы, дать ему перевести дух и только тогда, рассказав о проступке в присутствии ребенка, сообщить малышу, как он будет наказан. Если ребенок ляжет спать ненаказанным, то новый день он начнет, чувствуя себя прощенным.

В проблеме наказания есть и еще некоторые аспекты. Совершив проступок, ребенок сам ждет наказания, реакцию родителей. И если наказания не последовало, он дезориентирован. Выходит, проступок не предосудителен? Подобное можно повторить? Плохо, если за один и тот же проступок сегодня наказали, а завтра — нет. Опять налицо дезориентация: что же в таком случае считать проступком, а что — нет? Зачастую за один и тот же поступок отец хвалит, а мать наказывает. И ребенок растерян. Двое ребятишек, выясняя отношения, подрались. Виноваты оба, но одного отец наказал, другого его отец похвалил. Дети помирились, рассказали друг другу о последствиях и остались в недоумении: чей отец прав? Их драка — проступок или молодецкий поступок? Еще хуже, когда в наказаниях, как и в поощрениях, просматривается двойная мораль родителей. Ребенок поджег почтовый ящик у одного соседа. Родители не отреагировали, тем самым как бы одобрив поступок сына. Он же поджег почтовый ящик у другого соседа и был строго наказан.

Наказания высветляют систему ценностей родителей. Ребенок плюнул на бабушку, на что мимоходом отреагировали равнодушным «нельзя этого делать»; он разбил чашку, и его наказали сурово.

И он воспринял преподанный ему урок: можно оскорблять, но нельзя наносить урон имуществу. Он вытоптал соседс-

кую грядку с цветами, на что в лучшем случае следует равнодушное «нельзя», а то и вовсе не делается никакого замечания. Он потерял рубль — его наказали. В сознании ребенка откладывается: чужое — можно, свое — нельзя. Ребенок нагрубил взрослому и не наказан. Более того, в перепалку вступила и мать, защищая дитятю. Он вернулся домой героем. А за порванные штаны его же наказали. Вывод: грубить можно, брюки рвать нельзя. Так наказание и похвала или отсутствие наказания становятся антивоспитанием или воспитывают обывателя.

Нередко ребенка не наказывают за проступок. Не наказывают, если любовь родителей слепа и безответственна. И тогда воспитывается вседозволенность. Не наказывают, если ребенка не любят или равнодушны к нему. Если не любят, от него ничего, кроме накостей, и не ждут, берегут себя от волнений, связанных с наказанием ребенка, берегут себя от стресса, которым сопровождается наказание. Дети остро чувствуют все это, и отсутствие наказания в таких случаях порождает у них депрессию (и ребенок спрашивает мать: «Ты меня любишь?») или ожесточение.

Ребенка не следует наказывать, если проступок вызван его раздражительностью из-за болезни или усталости. Ведь у малыша бывает плохое настроение или плохое самочувствие, и он капризничает, раздражен, вредничает. Иногда на него изливают собственные раздражение, взвинченность, усталость и обиды. Наказывают, потому что «попал под руку», потому что «и без него тошно». И тогда ребенок потрясен несправедливостью, растерян, запуган, ожесточен. Он и сам, когда вырастет, изобьет кого-то попавшего под руку, будучи не в настроении. Нельзя вымещать на ребенке досаду, неудовлетворенность, замотанность, неразбериху в собственной душе! Не следует наказывать за строптивость в возрасте от двух до пяти лет, вызванную периодом оппозиции, самоутверждения. Дитя в этот период сопротивляется абсолютной власти родителей, он не желает быть собачкой на коротком поводке, он — человек, и за то, что он борется за свое человеческое достоинство, утверждает свое «я», не наказывают.

Бывает, что родители сами заводят ребенка, провоцируя его на проступок. Бабушка рассказывает: «Внучке шесть лет. Пока мы с ней, она добрый и спокойный ребенок. Приходит с работы мать, взвинченная, раздраженная. Уже звонок и

тверь резкий, продолжительный, нетерпеливый. Вопль, лицо
мурое. Внучка сразу преображается: мать еще не нашла
предлога для придирки, но на лице уже неудовольствие.
Девочка насторожена, напряжена. Одно слово и — скандал.
Результат — девочка наказана.

Часто наказывается ребенок, если он связан бесчисленным количеством запретов. Ребенку запрещают бегать, громко говорить, брать то и это, прикасаться к мебели, гардинам, подходить к тому и этому, приставать с вопросами, мешать читать отцу, отдыхать дедушке, готовить обед — маме, т. е. нельзя подходить к взрослым, нельзя, сидя, болтать ногами, нельзя шмыгать носом, трогать ухо, вертеть пуговицу. И тогда — каждый шаг проступок, каждые десять минут скандал, наказание. Господи, помоги этому ребенку выжить!

Ребенку трудно в детском садике. Там он замирает как птичка в ладонях, «не дышит». Его обижают ребята, а он терпит, ждет, когда его заберут домой, где берет реванш и разряжается. Дома он ходит на голове, требователен и криклив. За это не наказывают, а, понимая состояние малыша, преодолевают его робость, учат правильному общению с детьми, учат самозащите и миролюбию. Наладится его жизнь в детском садике — наладится и его поведение дома.

Родители, прежде чем наказать, задают себе вопрос, почему малыш так поступил, выясняют ситуацию. Ребенок рисовал кошку, чтобы сделать подарок маме. Он старался. Краски на столе, на руках, на лице, даже на языке. Можно ли его за это наказывать? Родители выговаривают ему за неаккуратность и ограничиваются этим.

Не наказывается ребенок и за то, что его натура чем-то не устраивает взрослых. Ребенок холерического темперамента может вызвать недовольство своей резкостью, прямолинейностью, решительностью, настырностью и упрямством, но наказывать его за это то же самое, что наказывать рыжего за то, что он рыжий. Так и сангвиника не наказывают за неуравновешенность, а флегматика за медлительность; нервного ребенка не наказывают за плаксивость, возбудимость и крикливость, как не наказывают горластого за громкий голос и вообще детей за производимый ими шум. Не наказывают ребенка и во время еды. Наказание, выговор за столом могут быть восприняты как поперек куском хлеба.

Не наказывают ребенка, потерпевшего неудачу. Он и сам огорчен, подавлен, переживает стыд и досаду. В этом случае

уместнее ободрить его. Он, например, оставил где-то велосипед. Он уже наказан тем, что лишился велосипеда и не скоро получит новый.

Не наказывают за несосторожность, а учат осторожности, делая выводы из допущенного малышом промаха. В данном случае уместно ограничиться словами: «Пусть это послужит тебе уроком» и огорчиться происшедшему вместе с ребенком. И он поймет, что проявленная им несосторожность неприятна не только ему, но и всей семье. Придет осознание ответственности за свои проступки перед семьей. Ребенок должен осознать тот непреложный факт, что его хорошие поступки — радость всей семьи, плохие — огорчение для всех ее членов; что он ответствен за всю семью, а вся семья ответственна за него; что он должен вести себя правильно еще и потому, что он — член семьи. Отсюда — один шаг до осознанной ответственности гражданина. Мотив ответственности, гордости принадлежностью к семье должен постоянно звучать в наставлениях отца и матери. Именно отсюда, из семейной гордости, из чувства ответственности вытекает примерное поведение детей из хороших семей. Ребенок совершил проступок и наказан запретом на просмотр по телевидению интересного фильма. И вместе с ним фильм не смотрит вся семья. И совестливый ребенок огорчен вдвойне. Если малыш глубоко осознал свою неправоту, глубоко раскаялся — это одно. В таком случае не наказывают и за грубый проступок. Другое дело, если ребенок не учится на своих ошибках, не воспринял наказания, тут же совершил подобный же проступок. Тогда он наказывается жестче и разговор с ним долгий и трудный.

Ребенка не наказывают за неловкость, а тренируют искусно, и проступок из-за неловкости становится стимулом к воспитанию ловкости. Не наказывают за рассеянность. За ней нередко сосредоточенность глубокомысленного или фантазия. Малыш ушел в свой внутренний мир и забыл о чем-то сиюминутном. Родители миролюбиво журят его: «Думай о своем, но все-таки не забывай, что поставил чайник на огонь». А ему и так досадно, что упустил, забыл, что огорчил родителей. Не наказывают за испачканную и порванную одежду, а одевают соответственно ситуации. Одно дело — поход в гости, другое — прогулка, беготня, игра в футбол. Нельзя наказывать ребенка за оплошности самих родителей.

Не надо делать трагедий из пустяков. Этим родители дезориентируют ребенка. Он в таком случае совершает проступок за проступком, запутавшись в том, что можно, а что нельзя. И если все время нельзя, то что же можно? Ребенок начинает избегать родителей. Приход мамы с работы воспринимается как кошмар. Обилие запретов делает отчий дом ненавистным. Ребенок еще не может сказать: «Пропади все пропадом: этот дом, ваша мебель и ваши вещи!», но, как только ему исполнится шестнадцать лет, он уедет под любым предлогом — учиться, работать, хотя и работать, и учиться можно дома. Он уедет на край света, и общежитие станет для него милее родного крова.

В реакции на проступок ребенка не должно быть истеричности. На истерический крик, на истерическую жестикуляцию и чрезмерность эмоций ребенок неизбежно ответит тем же. Таким же впоследствии он может стать и сам — истеричным, нетерпимым, несдержанным. В доме, где все сдержанны, сдержан и спокоен ребенок, где все вежливы — вежлив и он, а привыкший к тому, что все выполняют свои обещания, и сам всегда выполняет их.

В реакциях на проступок ребенка не должно быть ярости. В ярости — отвращение, ненависть, враждебность. Ярость — это агрессия. Но ведь перед нами ребенок! Ярость родителей порождает у него страх. Он будет бояться своих родителей, а кого боятся, того ненавидят. И ребенок будет любить их — ведь это — родители! — и одновременно ненавидеть. Такая амбивалентность чувств разрушительна. Ярость приводит к чрезмерности наказания, что впоследствии порождает у родителей муки совести. И тогда — наказали, а потом плачут, целуют. Теперь в глазах ребенка виноваты родители, он становится в позу обиженного. Все это — антивоспитание.

Шалящего ребенка предупреждают, но не угрожают ему, так как угроза воспринимается хуже, чем само наказание. Угрозы порождают страх и ожесточают. В таком случае ребенок, подрастая, и сам прибегает к угрозам, в частности к угрозам побега из дома. В угрозах всегда есть доля шантажа, и ребенок в конце концов тоже начинает шантажировать родителей.

Не следует наказывать ребенка публично: в автобусе, на улице, при посторонних. Это удваивает наказание, присовокупляя к нему оскорбление. Не надо наказывать старшего

ребенка при младшем, ибо тем самым подрывается авторитет старшего, а при особых, ревнивых отношениях между старшим и младшим в старшем рождается ожесточенность, к младшем — злорадство, что надолго омрачает их взаимоотношения.

Наказывая, не требуют, чтобы ребенок еще и просил у кого-то прощение. Сама необходимость просить прощение — уже тяжелое наказание, а за один проступок не может быть двух наказаний. Попросил прощения и прощен — дело закончено.

Многие проступки детей порождены скукой. Скука — мать пороков и проступков. Скучно бывает безынициативным детям, ждущим, чтобы их заняли, детям без выдумки, без фантазии, без элементарной способности организовать игру. Скучают дети, не имеющие увлечений и интересов. Проступки от скуки, таким образом, следствие глубоких недостатков в воспитании и корни их — в искаженных ценностях семьи.

Проступки детей, совершенные не по злому умыслу, а по недомыслию, незнанию, недопониманию, являются опять-таки следствием пороков умственного воспитания. Естественно, за проступок по умыслу — наказывают, проступок по непониманию анализируют и устраняют его причину, не наказывая несмышленыша.

Нередко проступки вызываются несметной энергией, эмоциональностью, импульсивностью ребенка. Он сделал, а потом подумал. Способность предвидеть последствия своих поступков окончательно дозревает у девочек к восемнадцати, а у мальчиков — к двадцати годам. Однако, повторяю, такому предвидению неустанно учат с трех и особенно — с пяти лет. И наказывать за проступки, последствия которых ребенок не может пока предвидеть, — значит наказывать за то, что он ребенок. Проступки такого рода должны служить лишь поводом для еще одного серьезного разговора об ответственности за свои поступки, за их последствия.

Ребенок часто наказывается за неповиновение. Надо разобраться в причинах такого неповиновения. Почему не выполнил просьбу, указание? Не понял, беспечен, упрям, «наоборотный», которому говоришь «да», а он отвечает «нет», делая все назло, бросая таким образом вызов родителям? А может быть, это ребенок, протестующий против подавления в нем чувства достоинства? Непонятливого учат, беспечно-

то предупреждают. Упрямого, сохраняя здоровую струк
самостоятельности в нем, родители убеждают в своей право-
те, объясняя смысл и справедливость своих просьб, доказы-
вая необходимость их выполнения. «Наоборотного», посту-
пающего назло, можно и наказать. Протестующего следует
понять: он нередко прав.

Бывают властные родители, не терпящие неповинове-
ния. Их просьбы и указания смахивают на безапелляцион-
ные приказы. Это командный стиль отношений с ребенком.
Мама — директор на работе и директор в семье. Папа подчи-
нен на работе, но тиран дома, в семье. Но властность и
категоричность всегда порождают протест. И тут в реакции
ребенка имеют место варианты. Властные родители натал-
киваются на такой же характер собственного чада. Начина-
ется жестокая война с ребенком, когда «коса находит на
камень». В такой войне обе стороны ожесточаются и победи-
телей не бывает. Второй вариант: ребенок сломлен. Он ста-
новится рабом своих родителей, или у него начинается
невроз, когда он спасается от родителей «бегством в бо-
лезнь». Третий вариант: ребенок, защищаясь, лжет, хитрит,
замыкается в себе, отвечает на приказной тон истерикой,
умоляет бабушку забирать его на выходные дни, и только в
эти дни, у бабушки, он живет как человек. Очевидно, как все
непросто с детьми. От ребенка требуют, чтобы он прочел
гостям стихи, а он застенчив или у него нет настроения; он
слаб, а от него требуют непосильного; он флегматик, а его
понукают, торопят; он был увлеченно занят чем-то, а мать
бесцеремонно отвлекла его просьбой, указанием, и он, естест-
венно, не услышал ее. За что же его наказывать?

И все же, если ребенок заслуживает наказания, оно дол-
жно быть неизбежным. Безнаказанность недопустима.
Недопустимы и колебания. Ведь малыш почувствует сла-
бость родителей и начнет торговаться с ними, склоняя их к
пагубному бездействию, в то время как надо действовать со
всей решительностью, с самого начала предупреждая в малом
зле возможное большое. Корни преступного поведения
взрослых — зачастую в оставшихся без наказания проступ-
ках детей.

Ребенок должен усвоить ранжировку проступков и нака-
заний. Есть легкие проступки и есть тяжкие, есть простите-
льное и непростительное. И беда, если по настроению или
в соответствии с искаженной шкалой ценностей родители

не наказывают за тяжкий проступок и тяжело карают за легкий. Выше мы уже говорили об этом, но ввиду важности данного аспекта проблемы подчеркнем его еще раз. Беда, когда не замечена подлость, когда для родителей она не является таковой или оценивается ими всего лишь как детская шалость. Беда, когда любимая книга девушки, или его дневник, или старые, дорогие его сердцу фотографии как единственная память о самом для него дорогом порваны ребенком, а в глазах родителей это всего лишь детская забава, в то время как царапина на мебели или случайно разбитая стандартная чашка, которую можно купить в любом магазине, превращается ими в трагедию — именно тогда в семье вырастает аморальный, безнравственный и примитивный человек. И если родители наказывают больше и ожесточеннее за случайно разбитую чашку, чем за аморальный или безнравственный поступок, сами они пожнут горькие плоды: умирая, они тщетно будут просить глоток воды, так как их дети в это время со скандалом займутся дележом чашек. В ребенке с самого раннего возраста воспитывается понимание, что «можно», а чего «нельзя!», несмотря на «хочу!» «Нельзя» — запрет, табу. Оно утверждается сначала внушением и наказанием, затем убеждением и наказанием. Так закладываются основы сознательной дисциплинированности и ответственности, способность к самоограничению.

Нередко родители требуют от детей безоговорочного послушания. Но такое послушание уместно, быть может, только у домашних животных, да и то — у забитых. Безоговорочно послушный пассивен, подчинен, несвободен. Личность такого человека искажена, и он послушен только подбдительным оком наблюдателя, но становится наглым, распущенным, как только исчезает контроль над ним. Безоговорочное послушание достигается силой, и такой послушный признает только силу. Безоговорочное послушание исключает убежденность, нравственность, и, трусливо оглянувшись, безоговорочно послушный калечит природу. Именно такие послушные, став взрослыми, сливают масло из автомашин на лужайке с мальчишками и страшны, собравшись толпой, поскольку послушный — не личность и толпа послушных безлична. Поэтому «нельзя» — сначала рефлекс, табу, жесткий запрет — уже с трех-пяти лет должно восприниматься как осознанная необходимость и в резуль-

тате привести к сознательному самоограничению. За проступок против «нельзя» родители наказывают ребенка, спачала отняв запрещенное или уводя от него, а с трех-пяти лет все более словом и моральным порицанием, целенаправленной демонстрацией своего отношения к нарушению этого запрета.

Родители воспитывают в ребенке понимание необходимости выполнения требования «надо!», даже если оно противоречит его «не хочу!». Один выполняет «надо» из моральных соображений, «надо» у него входит в категории долга и ответственности. Другой — из страха наказания. У этого другого — рабское послушание.

Родители воспитывают понимание того, что «хорошо» и что «плохо», что — «стыдно». И это — о совести, о главном, вечном, самоценном. Бессовестность — ржавчина души. Бессовестность приводит к подлости. Подлость — это издевательство над малым, слабым, больным и старым; это унижение другого, клевета и оговор, травля; подлость — трусливый уход в сторону, когда другой в беде, и перекладывание своей вины на другого; это жестокость по отношению к людям и животным; это варварское отношение к природе и к труду других людей. За бессовестные, подлые поступки наказывают, и наказывают серьезно. За подлость не наказать, всего лишь поставив в угол. За подлый поступок не наказать всего лишь лишением мороженого. Столь легкое наказание измеряет цену подлости ценой случайно разбитой стандартной чашки. Борьба с бессовестностью и подлостью должна быть бескомпромиссной. Здесь гневная реакция родителей уместна и закономерна.

Особняком стоят лживость, воровство и употребление бранных слов. Причины лживости неоднозначны. Ребенок лжет тому, кого боится. И если он боится собственных родителей, его ложь оправдана. Ребенок лжет, если лгут его родители. И тогда — кого наказывать? Ложь — нередко ответ на бесцеремонность и бестактность родителей, выпытывающих невинную тайну малыша, касающуюся, например, его товарищей. В таком случае, помимо всего прочего, родители подталкивают ребенка к иезедничеству и предательству. Не следует расспрашивать его и о чем-то предосудительном в поведении его товарищей, ибо так культивируется склонность к сплетничеству, доносительству, осуждению других.

Ложь — нередко утешение для слабого. Он лжет, что

...ооедил, преодолел, достиг, был героем. Ребенок в этом случае лжет потому, что страдает. И не наказывать его надо, а помочь ему стать таким, каким он выглядит в своих фантазиях. Часто то, что классифицируется как ложь, — всего лишь фантазии ребенка, когда реальность и вымысел переплетаются в его сознании. Встречается и святая ложь — ложь во имя того, чтобы не огорчить родителей или спасти от наказания другого. Надо объяснить, как поступают в таких случаях, но и за такую ложь, естественно, не наказывают.

Если ребенок все же солгал, его убеждают,что, сказав правду, он будет понят, в большинстве случаев — процент, что повинившемуся в проступке не рубят голову, что честностью доказывается искренность раскаяния и поэтому нет нужды в наказании сказавшего правду. Следует внушить ребенку, что его ложь оскорбляет родителей, поскольку всегда рассчитана на глупость того, кому лгут, что ложь — свидетельство недоверия к родителям. Надо убедить малыша в том, что ложь может создать опасную ситуацию, когда родители не смогут вовремя помочь ему, а то и спасти от беды.

Однако есть ложь от трусости, подлости, если ложь злая — клевета, интрига, оговор, наказание неотвратимо и должно быть суровым.

То же и с воровством. Надо помнить — перед нами ребенок. У него все по-другому. Ему очень хочется иметь игрушку — и он не удержался, взял ее. Он унес из дома дорогую вещь и обменял ее на рыбок. Он не ведает, что это — воровство. Ребенка не уважают сверстники. Он мал, хил и неловок. Он взял дома деньги и купил для всех мороженое. Пять минут, пока ели мороженое, он бы в центре внимания, упивался уважением к нему. Пять минут он был счастлив. Другое дело, если ребенок взял чужое из корыстных побуждений, осознанно, понимая, что творит. Это — воровство, и наказание в данном случае неизбежно. При этом он сам должен вернуть украденное.

Ребенок употребляет бранные слова. Здесь уместна аналогия с онанизмом. Одно дело невинный интерес младенца к своим половым органам и смутным ощущениям, смысл которых он не понимает; другое — когда онанизм сопровождается подглядыванием в замочную скважину, онанизм, связанный с представлением о половом акте. Невинное дитя произносит слова, смысл которых не понимает, поэто-

ряя их за другими. Ребенка, естественно, за это не наказыва-
ют. Его неназойливо отвлекают, ему мягко выговаривают, и
бранные слова умирают, как сорняки без дождя.

Ребенок бранится цинично, бранится с наслаждением
или злобой, отдавая себе отчет в том, что он произносит
бросая этим вызов взрослым. Здесь бранные слова — свиде
тельство невоспитанности, грубости, а то и порочности. И
наказывать уже поздно.

Особенно опасна неудержимая вспыльчивость. Вспы-
лив, ребенок бьет, бросает все, что попадет под руку, будь это
кукла или пластмассовая игрушка. Ручонки его пока слабы,
гнев забавен, безобиден, а порой и тешит родителей. Но рука
постепенно будет тяжелеть, под руку когда-нибудь может
попасться и молоток... Вспыльчивость разовьется в гневно-
аффективное реагирование, и людей, уже чужих, подобное
тешить не будет. И если гневно-аффективное реагирование
проявится в действиях, за это накажут люди или официаль-
ный суд. Поэтому подобное пресекается в зародыше. Имен-
но — решительно! Именно — в зародыше! Это тот самый
случай, когда ничто не остановит насилия, кроме силы и
действия. По ударившей в гневе, по бросившей в гневе руке
следует ударить так, чтобы она загорелась, чтобы на ней
появилась краснота. И тогда, если в состоянии аффекта
ребенок замахнется на человека, у него рука загорится сама
и он опустит ее. Ударить по руке — выразить гнев в сто
крайней степени.

Особняком стоит вопрос, наказывать ли за нечаянный проступок. Существует мнение — не наказывать, так как ребенок не имел злого умысла и невиновен в том, что получилось скверно. Ребенок забавлялся палочкой, карандашом, проволокой и повредил сверстнику глаз. Так не шалят! Взявший в руки рогатку должен знать, к каким последствиям это может привести. В транспорте запрещен провоз острых предметов, лыж без чехла. Никто не балуется с оружием. Все это очень серьезно. А если нашему ребенку повредили глаз? Что нам от сконфуженного «извините» родителей «неосторожного». Недаром говорится: «За нечаянно бьют отчаянно». Ребенку следует строго указать на возможные последствия его шалостей. За игру, угрожающую несчастьем, следует наказывать так, как если бы несчастье уже произошло. За «нечаянным» поступком всегда стоят легкомыслие, небрежность, безответственность. А это все — тяжкие пороки.

И вот мы подходим к самой трудной проблеме, проблеме телесных наказаний. Педагоги и врачи, гуманисты всех времен однозначно предостерегают против таких наказаний ребенка. Мы вынесли в эпиграф к главе слова Квинтилиана — телесные наказания оскорбляют. Скажем больше: телесные наказания — удел рабов. Никогда и никто не добивался истинной воспитанности, терроризируя ребенка страхом и телесными наказаниями. Палочное воспитание аморально.

Ребенок рано постигает предосудительность содеянного им. и Р. Х. Шакуров пишет: «Уже двухлетние дети в известной степени осведомлены, что оценивается высоко, что низко, чего от них ожидают близкие, а чего — нет» (1972, с. 72). Он отмечал переживание истинного стыда у детей на третьем году жизни. С конца третьего — начала четвертого года дети стыдятся низких поступков и сами осуждают их. По Р. Х. Шакурову, в три-четыре года уже 95% детей осуждают обман и жадность, 50% — трусость и ябедничество, а 80% детей — недобрый поступок. И уже трехлетние, а пятилетние безоговорочно должны понимать, понимать по-своему, но вполне четко, что подлость — это подлость.

Ребенок плюнул в лицо бабушке, сознательно сбил с ног только начавшего ходить младшего брата. Это подлость, и отношение к его поступку выражается самым резким образом. Ребенок должен усвоить на всю жизнь — подлость наказуема и наказуема чрезвычайно. В чрезвычайности наказания — выражение нашего отвращения к поступку. Совершив подлый поступок, он тяжко оскорбил родителей и тем самым заслужил их гнев. Подлость взрослого наказывается пощечиной. Однако, когда речь идет о ребенке, пощечина недопустима. Она заменяется опять-таки ударом по рукe. В этом наказании - глубокая и древняя символика. Издревле говорилось: «Да отсохнет преступная рука». Удар по руке не телесное наказание. Он не воспринимается как побои, избиение, оскорбление. Удар по руке — спонтанное выражение непереносимого гнева, как бы эквивалент пощечины. И если ребенок попал кому-то в глаз из рогатки, подставил ногу бегущему, плюнул в лицо — немедленно, инстинктивно его ударяют по тыльной поверхности кисти руки, ударяют ладонью.

Наказывая ребенка, следует помнить, что одному достаточно недовольного взгляда, осуждающего слова, другого же

не проймешь ни словом, ни проявлением огорчения. С него все как с гуся вода. И родители подходят индивидуально к способу и мере наказания. В наказаниях нельзя недосолить, но еще опаснее пересолить. Все должно быть точно отмерено и взвешено.

Ребенок может быть наказан нашим огорчением, недовольным выражением нашего лица, всем нашим осуждающим видом. Далее словом — выговором, упреком, горькой отповедью. Далее — моральным бойкотом. Более всего ребенок нуждается в родительском внимании и любви. На время ему в этом отказывают. Какое-то время теплое дыхание родительской любви не обволакивает его. И ему холодно. Такое — запоминается. Далее, мы отказываем ребенку в том, чего он больше всего хочет. Для одного это — сладкое, для другого — лишение прогулки, просмотра мультфильмов по телевидению, отказ в посещении цирка, в покупке игрушки или велосипеда. В. Маутнер остроумно предлагал наказывать, к примеру, болтуна молчанием. Запрещаются встречи со сверстниками, ребенку не читают его любимую книжку, прячут его любимую пластинку. Малышу запрещают выходить из его комнаты, быть там, где собирается вся семья. С ним не разговаривают. Кончается такое наказание заявлением: «Проступок не должен повториться!».

Закончу эту главу и книгу более приятным — беседой о похвале, поощрении. Есть на свете справедливость: за дурное порицают, за доброе хвалят. Доброе слово приятно каждому, оно вдохновляет. Похвала для ребенка — награда, но помогает и в ориентации. Благодаря ей ребенок постигает, когда он прав, когда он на верном пути. Без похвалы, как и без наказания, ему в этом не разобраться.

Похвала помогает слабому стать сильным. Она оболряет. Поэтому слабого хвалят чаще. Однако похвала не должна быть чрезмерной и тем более — незаслуженной. Она взвешена, как и мера наказания. Неумеренная похвала дезориентирует и приводит к переоценке возможностей и недооценке трудностей, что закономерно приводит ребенка к неудачам. Она способствует появлению зазнайства. Она оскорбительна для умного. Умные, если их перехваливают, полагают, что родители относятся к ним как к глупцам или равнодушны к ним и хвалят их просто так, равнодушно. Нельзя хвалить за посредственное, поскольку это тормозит опасно: ребенок принимает посредственное за отличное;

привыкает поступать, действовать посредственно, а думать – поверхностно; похвала обесценивается и перестает воздействовать. Чрезмерная похвала оскорбляет, как и похвала из жалости. Семикласснице хвалили за удовлетворительную отметку, подчеркивая тем самым ее умственную несостоятельность, и она чуть не совершила самоубийство. Учительница похвалила Колю: «Молодец, ставлю тебе тройку» – и тут же поругала Петю: «Сегодня ты огорчил меня, больше четверки я тебе не поставлю». После такой «похвалы» Коля может возненавидеть Петю. С трех-пяти лет ребенок остро чувствует такие нюансы.

Осторожно хвалят самолюбивых и тщеславных детей. Похвала в этих случаях может посеять семена гордыни, эгоизма. Сильного хвалят редко. Сильный и без похвалы знает себе цену. Но за большой успех хвалят и его, только сдержанно и скупо. Он и так все поймет и примет как достойное лишь молчаливое одобрение, а лучше — родительскую гордость за него. Сдержанно хвалят и за вежливость и чистоплотность, подчеркивая, что это само собой разумеющееся. Осторожно хвалят и за смелость, так как ребенка может занести и он совершит безрассудство. С особым удовлетворением хвалят за доброту, за помощь слабому и малому, старому и больному, за помощь в беде, за нравственные поступки. Одобряется преодоление робким страха, неуверенным — робости и нерешительности. Сильного хвалят за значительное, слабого хвалят и за малое.

Наиболее тонкая и действенная похвала — признание заслуг и успеха ребенка. Признание порождает доверие. Отец не стал хвалить сына за помощь в работах по дому, а поручил ему более сложную работу. Сын горд и удовлетворен, старается еще больше, еще более усердно и ответственно. Девочка всегда помогала маме, и пришло время, когда мама попросила ее сервировать стол к приходу гостей. Девочка понимает: мать доверила ей важное дело, мать довольна ею. Свидетельство признания успехов — заслуженное уважение. Ребенок тонко чувствует отношение к себе. Уважение ободряет его, порождает уверенность в себе, решительность. Оно усиливает чувство самоценности и достоинства, укрепляет отношения между родителями и детьми, чувство ответственности и самостоятельность ребенка.

Поощрение имеет много форм. Женщина, мать двух девочек-близнецов шести лет, сказала: «Они помогли мне

убраться по дому и приготовить еду. Я получила возможность пойти с ними в зоопарк, тем самым порадовав их».

Ребенку, радующему родителей поведением и успехами в учебе, приобрели велосипед, для чего пришлось урезать бюджет семьи. И шестилетний понял это и оценил. У отца были другие планы, но он изменил их и вместе с сыном уехал в воскресенье рыбачить. То, что развивает ум и умения ребенка, родители покупают по мере надобности, а то, что хочет сам ребенок, дарится ему в знак поощрения. Обычная одежда — необходимость, парадная — поощрение. И малыш понимает, что все, имеющее цену, зарабатывается трудом, а не падает с неба. Понимает, что хорошее надо заслужить.

Поощрения и наказания — важные рычаги воспитания. Формируясь как личность, ребенок совершает выбор, а с этим — судьбу. Посеешь поступок — пожнешь судьбу. И он выбирает сам, выбирает похвалу или наказания. Он выбирает поощряемый или осуждаемый путь. Выбирает очень рано, еще несознанно. И это — самое важное.

Ребенок, сам того не ведая, своими поступками, своим отношением к поощрениям и наказаниям делает первые шаги на пути формирования характера. Родители, поощряя и наказывая, формируют характер ребенка. А каков характер, такова и во многом судьба человека.

Асприн
Аркин Е.
Аркин Е.
Архангел
Бехтерев
СПб., 19
Брунер Д
Бюлер К.
Валлон А
Ветлугин
Водовозо
Выготск
Выготск
М., 1956.
Выготск
М., 1967.
Гарбузов
лечение
Гарбузов
1985. N 1
Гарбузов
Гаупп Р.
Гезелл А
Гросс К.
Гудобин
1894.
Дарвин
Декёдр А
Запороз
Игнатьев
детей. М
Исаев Д
Кант И
Колоцц
Кольцов
Корчак

ила возмож-
ом поралован их»,
ием и успехами л
принилось урезать
о и оценил. У отца
вместе с сыном
азвивает ум и уме-
надобности, а то
знак по ...ощрения.
ная — поощрение,
ну, зарабатыват-
что хорошее надо

нами воспитания.
шает выбор, а с
ешь судьбу. И он
вания. Он выби-
Выбирает очень
ное.

упками, своим
делает первые
тели, поощряя
А каков харак-

Список литературы

Аксарина Н. М. Воспитание детей раннего возраста. М., 1977.
Аркин Е. А. Письма о воспитании детей. М., 1961.
Аркин Е. А. Ребенок в дошкольные годы. М., 1968.
Архангельский Г. А., Сперанский Г. Н. Мать и дитя. М., 1960.
Бехтерев В. М. Вопросы воспитания в возрасте первого детства. СПб., 1909.
Брунер Д. С. Психология познания. М., 1977.
Бюлер К. Духовное развитие ребенка. М., 1924.
Валлон А. Психическое развитие ребенка. М., 1967.
Ветлугина Н. А. Музыкальное развитие ребенка М., 1968.
Водовозова Е. Н. Научить детей любить. СПб., 1913.
Выготский Л. С. Мышление и речь., М., Л.. 1934.
Выготский Л. С. Избранные психологические произведения. М., 1956.
Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. М., 1967.
Гарбузов В. И., Захаров А. И., Исаев Д. Н. Неврозы у детей и их лечение. Л., 1977.
Гарбузов В. И. Мальчики и девочки. Журн. «Семья и школа». 1985. N 11, 12; 1986.-N 1, 3, 4. 5.
Гарбузов В. И. Нервные дети. Л., 1990.
Гаупп Р. Психология ребенка. Л., 1926.
Гезелл А. Умственное развитие ребенка. М., Л., 1930.
Гросс К. Душевная жизнь детей. СПб., 1906.
Гуцобин Н. П. Душевная жизнь грудного ребенка. СПб., 1894.
Дарвин Ч. Наблюдения над жизнью ребенка. СПб., 1881.
Декёдр А. Развитие ребенка от двух до семи лет. Л., 1925.
Запорожец А. В. Детская психология. М., 1964.
Игнатьев Е. И. Психология изобразительной деятельности детей. М., 1959.
Исаев Д. Н., Каган В. Е. Психогигиена пола у детей. Л., 1986.
Кант И. О педагогике. М:, 1896.
Колоцца Д. А. Детские игры. М., 1909.
Кольцова М. М. Ребенок учится говорить. М., 1973.
Корчак Я. Избранные педагогические произведения. М., 1966.
Корчак Я. Как любить детей. М., 1968.
Ксенофонт. Киропедия. М., 1976.
Ланге Н. Н. Душа ребенка в первые годы жизни. СПб., 1882.
Леви-Гориневская Е. Г. Развитие основных движений у детей

дошкольного возраста. М., 1955.
Макаренко А. С. Лекции о воспитании детей. М., 1947.
Маутнер А. В. Руководство к правильному физическому и нравственному воспитанию детей в первом возрасте. СПб., 1856.
Очш М. В. Роль активности в жизни ребенка. М., 1910.
Перэ Б. Дитя от трех до семи лет. М., 1913.
Песталоцци И. Педагогика. Казань, 1913.
Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., Л., 1932.
Прейер В. Душа ребенка. СПб., 1912.
Розенгард-Пупко Г. Л. Формирование речи у детей раннего возраста. М., 1963.
Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946.
Руссо Жан-Жак. Эмиль, или О воспитании. СПб., 1912.
Руссо Жан-Жак. Исповедь. М., 1949.
Сакулина Н. П. Рисование в дошкольном детстве. М., 1965.
Сёлли Д. Очерки по психологии детства. М., 1909.
Сенека Л. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977.
Сигизмунд Б. Дитя и мир. СПб., 1866.
Сикорский И. А. Душа ребенка. Киев, 1909.
Спок Б. Ребенок и уход за ним. М., 1971.
Сухомлинский В. А. О воспитании. М., 1973.
Толстой Л. Н. Собрание сочинений. М., 1951. Т. 1.
Толстой Л. Н. Педагогические сочинения. М., 1953.
Уварова З. С. и соавт. Физическое воспитание детей раннего и дошкольного возраста. М., 1963.
Ушинский К. Д. Собрание сочинений. М., 1950. Т. 8.
Ушинский К. Д. Избранные педагогические произведения. М., 1968.
Фигурин Н. Л., Денисова М. П. Этапы развития поведения ребенка в возрасте от рождения до одного года жизни. М., 1949.
Черни. Врач как воспитатель ребенка. М., 1909.
Шакуров Р. Х. Человек формируется с детства. М., 1972.
Эльконин Д. Б. Детская психология. М., 1960.

Оглавление

Глава I. Первый год жизни 6
Первый месяц 6
Второй месяц 13
Третий месяц 15
Четвертый месяц 18
Пятый месяц 22
Шестой месяц 24
Седьмой месяц 27
Восьмой месяц 34
Девятый месяц 36
Десятый и одиннадцатый месяц 39
Ему исполняется год 40
Глава II. Второй год жизни 46
Глава III. Третий год жизни 61
Глава IV. Четвертый год жизни 77
Глава V. Пятый год жизни 87
Глава VI. Шестой год жизни 109
Глава VII. Седьмой год жизни 122
Глава VIII. Мальчики и девочки 134
Глава IX. Поощрение и наказание 168
Список литературы 187

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ВИЛЕНИН ИСААКОВИЧ ГАРБУЗОВ

ОТ МЛАДЕНЧЕСТВА ДО ОТРОЧЕСТВА
(Размышления врача о развитии и воспитании ребёнка)

Редактор Э.В.Коваленко
Обложка Ф.Е.Васильевой
Технический редактор И.В.Красный
Корректор А.А.Тимофеев

НК

Сдано в набор 30.04.91. Подписано в печать 4.06.91.Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Уч.-изд.л. 9,66. Тираж 100 000. экз. Заказ 549. Цена 5 руб.

Набор и вёрстка производились в издательстве «Петрополь» ЛО СФК на настольной издательской системе с использованием программы вёрстки Aldus PageMaker V 3.0.

«Интерполиграфцентр» ЛО СФК. 198097, Ленинград, Турбинная ул. д. 7

Типография им. Котлякова издательства «Финансы и статистика» государственного комитета СССР по печати. 195273, Ленинград, ул. Руставели, 13.